Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

На правах рукописи

ИГНАШИНА Зоя Николаевна

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА КУБЫ

Специальность 10.02.05 – романские языки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
академик МАН ВШ,
доктор филологических наук, профессор
Михеева Наталья Федоровна

Москва – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ……...4

Глава 1. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ ОПИСАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КУБИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА……17

§ 1.1. К вопросу о языковой вариативности……..17

§ 1.2. Становление кубинского национального варианта испанского языка в контексте исторического развития Кубы……...38

Выводы по Главе 1……...60

Глава 2. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В КУБИНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА ……....62

§ 2.1. Национально-культурные особенности фонетической системы кубинского национального варианта испанского языка…….62

§ 2.2. Национально-культурные особенности морфосинтаксической системы кубинского национального варианта испанского языка……65

Выводы по Главе 2…….....73

Глава 3. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КУБИНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА ……..75

§ 3.1. Национально-культурные особенности лексической системы кубинского национального варианта испанского языка ……....75

§ 3.2. Особенности образования лексико-семантических полей с выраженной социокультурной коннотацией в кубинском национальном варианте испанского языка……....92

Выводы по Главе 3……100

Глава 4. ФРАЗЕОЛОГИЯ КУБИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ КУБИНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА…….....102

§ 4.1. Особенности кубинского менталитета……102

§ 4.2. Национально-культурные особенности фразеологического состава кубинского национального варианта испанского языка……....107

§ 4.3. Антропонимы в устойчивых выражениях кубинского национального варианта испанского языка …….....117

§ 4.3.1. Религиозные персонажи…….....122

§ 4.3.2. Персонажи из легенд как источник кубинского фольклора…….....126
§ 4.3.3. Прецедентные антропонимы как источник кубинского фольклора……132
§ 4.3.4. Имена собственные, перешедшие в категорию нарицательных по фонетическому сходству……137
Выводы по Главе 4..……142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ……...144
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ……...147

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития испанистики одной из важнейших задач является изучение различных аспектов вариативности испанского языка. На формирование любого национального варианта языка существенное влияние оказывают, прежде всего, экстралингвистические факторы (историко-политический, географический, социально-экономический, культурно-идеологический и др.), и именно в данном контексте самобытность национальных вариантов испанского языка может быть исследована наиболее эффективно.

Настоящее диссертационное исследование посвящено анализу национально-культурного своеобразия функционирования кубинского национального варианта испанского языка на всех уровнях языковой системы в рамках межвариантной диалектологии – нового научного направления отечественной испанистики, предложенного академиком Н.Ф. Михеевой. Ею подробно исследуется национально-культурное своеобразие функционирования ЯЕ в испанском языке на территории юго-западных штатов США (форма его существования определяется автором как мексиканский территориальный диалект испанского языка за пределами Мексики) [Михеева 2003]. В указанном контексте также можно выделить кандидатские диссертации Н.Е. Амехиной [Амехина 2006], Е.В. Антонюк [Антонюк 2006], И.В. Смирновой [Смирнова 2006] и А.М. Синицыной [Синицына 2019], в которых анализируются особенности функционирования ЯЕ в территориальных диалектах испанского языка Испании, Мексики, США и Колумбии.

Существующие на данный момент труды в области изучения кубинского национального варианта испанского языка можно разделить на источники лексикографического (словари, глоссарии) и геолингвистического (атласы) характера и научную литературу, касающуюся изучения и описания указанного национального варианта. Условно направления изучения кубинского национального варианта испанского языка можно представить следующим

образом: лингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, контактная лингвистика, текстология.

Развитие кубинской научной языковой школы связано, в первую очередь, с созданием большого количества словарей, посвященных как нормативной, так и диалектной кубинской лексике и фразеологии, и послуживших материалом для данного диссертационного исследования (подробнее см. С. 12 – 14).

Отдельно следует обозначить работы кубинских исследователей, касающиеся разных языковых аспектов кубинского национального варианта испанского языка. Так, в исследовании У. Лопеса Моралеса отражены особенности функционирования лексики испанского языка Кубы 60^{х} гг. [López Morales 1971], а в статье М. Фигероа Эстевы – 80^{х} гг. XX века [Figueroa Esteva 1983] на всех уровнях языковой системы, от фонетики – до синтаксиса. Среди относительно недавних работ можно выделить статью *Una muestra de español de Cuba* [Andrés Toledo 2004] о современном состоянии кубинского национального варианта испанского языка, в которой акцент делается, в первую очередь, на особенностях построения и использования интонационных моделей кубинской речи.

К наиболее известным исследованиям в области кубинской фонетики относятся работы Н. Альмендроса [Almendros 1958], С. Исбасеску [Isbasesku 1965, 1968], одними из первых в новый период проанализировавших фонетическое и лексическое своеобразие кубинской речи, М.Х. Косты Санчеса [Costa Sánchez 1984, 1987] и Л.Р Чоя Лопеса [Choy López 1984, 1985]. В работах М.Х. Косты Санчеса анализируются фонетические характеристики согласных фонем испанского языка центрального района Кубы и явление аспирации согласного *[r]* перед *[n]* в конце и середине слова. Кубинский лингвист Л.Р. Чой Лопес подробно проанализировал особенности кубинского консонантизма.

Необходимо также отметить, что, помимо исследования фонетических особенностей кубинского национального варианта испанского языка, Л.Р. Чоем Лопесом собран обширный материал, касающийся разделения территории Кубы на диалектные зоны [Choy López 1989]. Классификация включает

5 геолектальных зон и основана на фонетических особенностях 16 городов с древней историей – столиц провинций Кубы. На наш взгляд, классификация Л.Р. Чоя Лопеса является наиболее подробной и структурированной из предлагаемых на сегодняшний день. Кроме того, исследователю принадлежит описание истории становления кубинского национального варианта испанского языка под влиянием экстралингвистических факторов: «смешения» представителей различных народов и рас, активного торгового развития Острова, торговых и внешнеполитических контактов, революционных политических изменений и др. [Choy López 2000].

Особенности грамматики кубинского национального варианта испанского языка подробно рассматриваются в статьях С. Каррераса Гомеса [Carreras Gómez 1990] и М. Гарсеса Переса [Garcés Pérez 1998]. Большой вклад в исследование синтаксических конструкций, а также функционирования наречий и служебных частей речи в испанском языке Кубы внес Г. Местре Валера [Mestre Valera 1984, 1990, 1998].

Говоря об анализе лексики кубинского национального варианта испанского языка, можно выделить ряд известных работ лексикографической направленности, посвященных заимствованиям, историческим причинам и лингвистичским особенностям данного процесса. К таким работам относятся, например, *Presencia del inglés en la lengua española* [Rubio Sáez 1977]; *Notas sobre afronegrismos en documentos americanos del Caribe en los siglos XVI y XVII* [Figueroa 1989]; *La variante hispánica haitianizada en Cuba: otro rostro del contacto lingüístico en el Caribe* [Ortiz López 1999]; *Rusismos en el español de Cuba. Un estudio sociolingüístico* [Faxas 2011]. Существует также значительное число статей, посвященных актуализации определенных лексико-семантических полей (ЛСП) в кубинском национальном варианте испанского языка: «флора и фауна» [Campos Iglesias 1995], «революция» [García González 1989], «пища» [Camacho Barreiro 1992], «спорт» [Camacho Barreiro 1998–1999], «шахтерское дело» [Figueroa Arencibia, Soto 1999] и т.д.

В отечественном языкознании существует ряд современных работ, посвященных изучению испанского языка Кубы. Так, в работах Н.Ф. Михеевой исследуются особенности функционирования местоименных форм обращения в кубинском национальным варианте испанского языка (1987) и проводится сопоставительный анализ их функционирования в аргентинском и кубинском национальных вариантах испанского языка [Михеева 1989].

В диссертационном исследовании А.В. Родченко рассматриваются средства эвфемии в речи кубинцев. По мнению автора, средства эвфемии являются неотъемлемой частью коммуникативного процесса. Они играют роль своеобразных «нейтрализаторов» для смягчения негативных ассоциаций, возникающих в сознании говорящего. На примере кубинского национального варианта испанского языка А.В. Родченко выделяет несколько аспектов вариативности эвфемизмов: временнóй, территориальный, национальный, культурный, психологический и лингвистический [Родченко 2000].

П.К. Корнаков в своей диссертационной работе дает сравнительное фонологическое описание испанского языка Кубы и «испанского кастильского» с учетом новой фонологической трактовки неслогового элемента испанских восходящих дифтонгов, а также кубинских моделей функционирования звонких согласных [Корнаков 1991].

В кандидатской диссертации Е.Г. Вершининой проводится анализ социолингвистических факторов, повлиявших на формирование национальных вариантов испанского языка стран Карибского бассейна. Автор исследует лексические особенности испанского языка в указанном регионе с точки зрения влияния на них заимствований из индейских и африканских языков. В своей работе Е.Г. Вершинина определяет роль отдельных дифференциальных признаков лексики карибских национальных вариантов [Вершинина 2002].

Отдельно необходимо перечислить работы кубинских исследователей, написанных в Советском Союзе, а затем – в России, на русском языке, в русле отечественной испанистики. Так, А.Х. Кастро Родригес в своих изысканиях использует экспериментально-фонетический анализ, сопоставляя артикуляторную

динамику кубинской и русской разговорной речи [Кастро Родригес 1981], а Л.Ц. Рабдано, проведя экспериментальное исследование, впервые дает подробное описание фонетической системы испанского языка на Кубе [Рабдано 1984].

Анализ структуры и семантики преинкоативных перифраз с инфинитивом с использованием функционального подхода описан в работе Т. Бланко Гонсалеса, который классифицирует их по степени приближения к началу действия [Бланко Гонсалес 1983].

М.Г. Карденас в своей работе исследовал тенденции развития лексики в кубинском национальном варианте испанского языка. Автор описывает лексико-семантическую систему испанского языка на Кубе на уровне национально-маркированных единиц [Карденас 1983].

Русскоязычная диссертация Н. Грегори Торады посвящена рассмотрению норм языка на уровне характерных черт произношения, словообразования, морфологии и синтаксиса. В них устанавливаются лингвистические и экстралингвистические факторы, оказавшие влияние на становление кубинских литературных норм; описываются их характерные черты. Автор не просто доказывает необходимость и возможность кодификации таких норм, но разрабатывает схему включения кубинских территориальных норм в систему норм испанского языка: для каждой территориальной нормы испанского языка предлагается разработать схему в виде пирамиды, основанием которой служат национальные нормы (*normas nacionales*) – кубинская, перуанская и т.д. Вторую ступень составляют общие нормы (*normas comunes*), т.е. нормы, совпадающие в нескольких национальных вариантах. Общие нормы, характерные для всех национальных вариантов испанского языка, входят в испаноязычную норму (*norma hispánica*), находящуюся на самом верху пирамиды [Грегори Торада 1983].

Примечателен тот факт, что данная работа положила начало ряду статей автора на испанском [Gregori Torada 1989, 1991, 1992] и английском [Gregori Torada 2001] языках, посвященных вопросам языковой политики Кубы и влиянию англоязычных заимствований на развитие кубинского национального варианта испанского языка в последнее деятилетие XX века.

Наконец, М.Ф. Алуарт де ля Крус подробно исследует лингвокультурную специфику функционирования лексических единиц в рамках предметных идеографических полей в пиренейском и кубинском национальных вариантах, классификации безэквивалентной кубинской лексики, а также выявляет межвариантные лексические единицы в кубинском и пиренейском национальных вариантах [Алуарт де ля Крус 2012].

Таким образом, особенности кубинского национального варианта испанского языка были в определенной степени освещены в рамках отечественной и зарубежной лингвистики. Тем не менее до сих пор остаются актуальными исследования, посвященные вариативности испанского языка, поскольку именно вариативность делает такие полинациональные языки, как испанский, наиболее «восприимчивыми» к происходящим изменениям в политической и социокультурной картинах мира.

Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью исследования лингвокультурологических аспектов кубинского национального варианта испанского языка в контексте кубинской национальной культуры, в частности – структурных и функциональных особенностей фразеологических единиц с определенными компонентами значения. Кроме того, существует необходимость актуализации данных в области функционирования языковых единиц кубинского национального варианта испанского языка на фонетическом, морфолого-синтаксическом и лексико-семантическом уровнях.

Вопросы, связанные с особенностями функционирования национальных вариантов испанского языка, на протяжении многих лет являются базовыми для научной школы, созданной академиками Г.В. Степановым, Н.М. Фирсовой, Н.Ф. Михеевой и другими учеными. Многочисленные научные исследования отечественных лингвистов (Н.Е. Амехиной, Е.В. Антонюк, А.В. Ахренова, А.П. Денисовой, Е.В. Журавлевой, Н.В. Зененко, Л.А. Исенко, Е.В. Карпиной, И.Б. Котеняткиной, Н.Г. Мед, И.В. Плутицкой, Т.В. Писановой, Е.Э. Рогулиной, А.М. Синицыной, А.А. Синявского, И.В. Смирновой, Е.В. Соловьевой, О.С. Чесноковой, О.М. Чичиной, В.В. Яковлевой, С.А. Яковлевой и др.) доказали,

что наибольшие отклонения от общеязыкового варианта и самобытность национального варианта проявляются, прежде всего, на уровне фонетики и лексики. Тем не менее, при изучении специфики функционирования каждого национального варианта необходимо принимать во внимание характерные лингвистические явления, относящиеся ко всем языковым уровням, а также рассматривать их как с синхронной, так и диахронной точек зрения – здесь правомерно говорить о необходимости комплексного подхода при изучении разновидностей того или иного языка.

Работа отталкивается от следующей **гипотезы:** лингвокультурная специфика разговорно-обиходной речи, свойственная испанскому языку Кубы, может и должна изучаться только в контексте экстралингвистических (историко-политического, этно-исторического, социально-экономического, культурно-идеологического) факторов, повлиявших на процесс становления кубинского национального варианта испанского языка.

Объект исследования – культурно обусловленные лингвистические средства кубинского национального варианта испанского языка, присутствующие на всех уровнях языковой системы.

Предметом исследования выступает функционирование кубинского национального варианта испанского языка на фоне пиренейской нормы на всех уровнях языка с учетом национально-культурной специфики.

Основная **цель работы –** выявление культурно-специфических особенностей кубинского национального варианта на всех языковых уровнях. Особое место уделяется анализу кубинской фразеологии как важной составляющей кубинской культурной идентичности.

Выбор объекта и цели обусловлен следующим:

1. Ярко выраженным стремлением к развитию собственных языковых норм в силу особого положения Республики Кубы, в первую очередь, внутренней и внешней политической ситуации, а также исторической специфики развития Острова как важнейшей точки освоения Американского континента.

2. Малой изученностью вопроса структурных и функциональных особенностей кубинской фразеологии и ее роли в формировании кубинской национальной идентичности.

3. Восстановлением утраченных после распада СССР межгосударственных связей между Кубой и Российской Федерацией в различных сферах экономики (энергетики, обороны, торговли и инвестиций), включением Кубы в поле интересов государственной национальной стратегии безопасности, и как следствие этого – тесными политическими связями между политической элитой Кубы и Российской Федерации.

Возобновление туристических контактов, выход на новый уровень в сфере деловых контактов и частного партнерства, восстановление тесных социокультурных связей – все это обуславливает глубокое изучение языка в аспекте межкультурной коммуникации, лингвострановедения, а также методики преподавания иностранных языков.

В соответствии с целью исследования были определены его **задачи:**

1) описать историческую основу формирования кубинского национального варианта испанского языка;
2) определить основные направления изучения данного национального варианта в рамках междисциплинарного подхода;
3) провести анализ национально-культурных особенностей кубинского национального варианта испанского языка на фонетическом, морфосинтаксическом и лексико-семантическом уровнях;
4) выявить характерные черты кубинской фразеологии с упором на классификацию коммуникативных клише;
5) проанализировать особенности культурообусловленного использования антропонимов в устойчивых выражениях кубинского национального варианта испанского языка.

Теоретической и методологической базой исследования послужили труды ведущих отечественных и зарубежных ученых-лингвистов, таких как: Г.В. Степанов [Степанов 1957, 1966, 1969, 1976, 1977, 1979], В.М. Жирмунский

[Жирмунский 1954, 1956, 1976], В.С. Виноградов [Виноградов 1963, 1977, 2001, 2003], Н.М. Фирсова [Фирсова 1991, 2000, 2001, 2002, 2003, 2007, 2012], О.А. Сапрыкина [Сапрыкина 1999, 2020], Н.Ф. Михеева [Михеева 1989, 2002а, 2002б, 2002в, 2002г, 2003, 2007, 2009, 2015, 2016, 2017, 2018], О.С. Чеснокова [Чеснокова 1999, 2004, 2006, 2011, 2013], М.О. Чичина [Чичина 1995], С.А. Яковлева [Яковлева 2013, 2015], В.В. Яковлева [Яковлева 2003, 2007], М.Ф. Алуарт де ля Крус [Алуарт де ля Крус 2012], Н.Е. Амехина [Амехина 2006], Е.В. Антонюк [Антонюк 2007], Т. Бланко Гонсалес [Бланко Гонсалес 1983], Е.Г. Вершинина [Вершинина 2002], Е.В. Дворецкая [Дворецкая 2005], А.П. Денисова [Денисова 2007], Е.В. Журавлева [Журавлева 2006], Е.В. Карпина [Карпина 2014, 2015, 2016], М.Г. Карденас [Карденас 1983], А.Х. Кастро Родригес [Кастро Родригес 1981], И.Б. Котеняткина [Котеняткина 2011], П.К. Корнаков [Корнаков 1991], Е.Н. Мамсурова [Мамсурова 1977, 1994, 1997, 2003, 2007, 2011], Н.Г. Мед [Мед 2007, 2008, 2018], Л.В. Моисеенко [Моисеенко 1992, 2015, 2017; Моисеенко, Михеева 2020], Ю.Л. Оболенская [Оболенская 1998], А.Ю. Папченко [Папченко 2002], Т.В. Писанова [Писанова 1997], И.В. Плутицкая [Плутицкая 1993], Л.Ц. Рабдано [Рабдано 1984], А.В. Родченко [Родченко 2000], А.М. Синицына [Синицына 2019], А.В. Синявский [Синявский 1979], И.В. Смирнова [Смирнова 2006], А.В. Широкова [Широкова 1995, 2002], Н. Альмендрос [Almendros 1958], Х. Гарсия Гонсалес [García González 1993], М. Гарсес Перес [Garcés Pérez 1998], Н. Грегори Торада [Gregori Torada 1989, 1991, 1992, 2001], С. Исбасеску [Isbasesku 1968], С. Каррерас Гомес [Carreras Gómez 1990], Х. Касарес [Casares 1950], Г. Корпас Пастор [Corpas Pastor 1996], М.Х. Коста Санчес [Costa Sánchez 1984, 1987], У. Лопес Моралес [López Morales 1971], Г. Местре Валера [Mestre Valera 1984, 1990, 1998], А. Сулуага [Zuluaga 1980], А.М. Триста Перес [Tristá Pérez 1989, 1998 – 1999], М. Фигероа Эстева [Figueroa Esteva 1983], Л.Р Чой Лопес [Choy López 1984, 1985, 1989, 2000] и др.

Материалом диссертационного исследования выступают одноязычные и двуязычные словари испанского языка: электронный словарь Мультитран (www.multitran.ru); «Большой испанско-русский словарь» (сост. Е.С. Ершова);

«Испанско-русский словарь. Латинская Америка» под ред. Н.М. Фирсовой (2017); «Испанско-русский и русско-испанский словарь для всех» Н.М. Фирсовой и Н.Ф. Михеевой (2006), «Испанско-русский словарь современного употребления» под ред. А.В. Садикова, Б.П. Нарумова (2007); Diccionario de la lengua española RAE (www.rae.es); Diccionario de americanismos RAE (https://lema.rae.es/damer/); Diccionario ideológico de la lengua española (2007). Наиболее значимыми для настоящей работы лексикографическими источниками кубинского национального варианта испанского языка, включая словари идеографического (тезаурусного) типа, выступают: Vocabulario espirituano. Refranes, frases proverbiales, dichos y dicharachos usados en Sancti Spíritus (1928); Oriente Folklórico. Santiago de Cuba (1930); Léxico Mayor de Cuba (1958 – 1959); Diccionario de cubanismos (1961); Diccionario de cubanismos (1972); Diccionario popular cubano (1997); Diccionario cubano de habla popular y vulgar (1998); Diccionario del Español de Cuba (2000); Léxico del habla culta de la Habana (2010), а также словари Х. Дубски, Э. Пичардо Тапии, Ф. Ортиса, Х.Санчеса Боуди и др.

В качестве материала для исследования также использовались тексты кубинских блогов, в которых освещается ежедневная жизнь кубинского общества и кубинская культура. Для выявления национально-культурных особенностей кубинского национального варианта испанского языка на фонетическом уровне нами были использованы интернет-ресурсы, содержащие записи кубинской речи, а также опыт личного общения с носителями испанского языка на Кубе (200 человек) в ходе научной стажировки в 2014 г. Фактический материал анализа составил порядка 3500 примеров.

Носители языка отбирались по возрасту (от 20 до 55 лет: от 20 до 35 лет – 100 чел.; 35 – 45 – 50 чел.; 45 – 55 – 50 чел.); уровню образования и воспитанности: ниже среднего образования (40 чел.), среднее (80 чел.) или высшее (80 чел.); месту жительства (город – 100 чел. / сельская местность – 100 чел.). В основе экспериментальной части работы лежал метод интервью, который включал вопросы, касающиеся речевого поведения кубинцев в общебытовых сферах коммуникации. В рамках интервью учитывались как горизонтальные (с

близко-малознакомыми и незнакомыми людьми), так и вертикальные (начальник – подчиненный, старший – младший по возрасту) отношения участников коммуникации.

Методы и приемы исследования. Для осуществления поставленных задач нами использовались следующие методы: металингвистический метод, метод количественного и сопоставительного анализа, аналитико-описательный метод (при описании и анализе языковых фактов), метод классификации и систематизации языкового материала, анализ лексикографических источников и словарных толкований, опрос информантов, работа с глобальной сетью Интернет.

Научная новизна исследования определяется недостаточной изученностью культурообусловленных особенностей кубинского национального варианта испанского языка на некоторых языковых уровнях, а также характерных черт кубинского политического дискурса. В работе впервые:

1) комплексно рассматриваются различные экстралингвистические факторы, повлиявшие на процесс становления кубинского национального варианта испанского языка и влияющие на выбор той или иной ЯЕ на синхронном срезе;
2) детально описывается социолингвистическая ситуация, способствовавшая формированию культурно-специфических лингвистических элементов в кубинском национальном варианте испанского языка;
3) определяются дифферинциальные признаки, составляющие национально-культурную специфику кубинского национального варианта испанского языка на всех уровнях языковой системы;
4) подробно рассматривается функционирование антропонимов в кубинской фразеологии как важный компонент кубинской культурной идентичности, предлагается классификация фразеологических единиц с указанным компонентом.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования содействуют развитию общей теории межвариантной языковой вариативности испанского языка, а также позволяют проанализировать

национально-культурную специфику речевого поведения носителей испанского языка на Кубе.

Практическая ценность диссертационного исследования обусловлена тем, что его результаты могут быть использованы в рамках подготовки теоретических и практических материалов для курсов «Диалектология испанского языка», «Лингвокультурология», «Испанский язык в странах Латинской Америки», «Язык и культура стран изучаемого языка», «Стилистика испанского языка», «Лексикология испанского языка»; при написании курсовых и дипломных работ; в лексикографии; переводческой деятельности.

Результаты выполненного исследования служат основой для формулирования **основных положений**, выносимых на защиту:

1. Кубинский национальный вариант испанского языка появился вследствие интенсивного процесса транскультурации, в том числе – под влиянием адстратных и суперстратных языковых систем.

2. Ядро кубинского национального варианта испанского языка составляет язык испанских завоевателей, включивший в себя диалекты Пиренейского полуострова и Канарских островов.

3. Среди различных воздействий, которые испытывал на себе испанский язык на Кубе, влияние индейских и африканских языков было важным, но не единственно решающим.

4. Кубинский национальный вариант испанского языка проявляет национально-культурную специфику на всех уровнях языковой системы: фонетическом, морфосинтаксическом и лексико-семантическом.

5. Среди фразеологических единиц кубинского национального варианта испанского языка, с одной стороны, наибольший интерес представляют разговорные формулы как специальные языковые средства, обслуживающие высокочастотные бытовые ситуации (поскольку именно они обеспечивают эффективную коммуникацию), а с другой – фразеологизмы с антропонимическим компонентом как основа для понимания кубинской национально-культурной идентичности.

Объективность и достоверность полученных выводов подтверждаются, в первую очередь, представительностью анализируемого словарного и дискурсивного материала. В рамках исследования было прослушано порядка 500 записей кубинской речи и опрошено 200 информантов, изучено более 3,5 тысяч ЯЕ. Общий объем использованного массива текстов разной стилистической направленности (художественная литература, тексты блогов, Интернет-переписка, запись диалогов) на испанском языке Кубы составил более 20000 страниц. Достоверность обеспечивается также использованием опыта как отечественной, так и зарубежной вариантологии и диалектологии испанского языка.

Апробация диссертации. Основные положения диссертации неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков РУДН, а также были представлены в докладах на международных конференциях в 2016 – 2019 гг.: I Фирсовские чтения. Современные проблемы межкультурной коммуникации (Москва, РУДН, ноябрь 2016 г.); XLVI, XLVII, XLVIII, XLIX Международные филологические конференции (Санкт-Петербург, СПбГУ – март 2017 г., март 2018 г., март 2019 г., ноябрь 2020 г.).

Основные положения диссертации освещены в 11 научных статьях, в том числе 5 из них – в изданиях, включенных в «Перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук».

Структура диссертации определяется целью, основными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения и Списка использованной литературы.

Глава 1. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ ОПИСАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КУБИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

§ 1.1. К вопросу о языковой вариативности

В современном языкознании наибольший интерес вызывают гуманитарные исследования, имеющие междисциплинарный характер, охватывающие проблемы соотношения национальной культуры и языка, этнокультурной общности, связи языка с диахронным и синхронным социокультурными контекстами. Диалектология и вариантология являются одними из наиболее сложных и многоаспектных разделов языкознания, рассматривающих язык в максимальном многообразии его форм.

Вариативность, непосредственно связанная с такими общими свойствами языка, как дихотомии «язык – речь», «синхрония – диахрония», «парадигматика – синтагматика», является одним из фундаментальных свойств, обеспечивающих способность языка служить средством человеческого общения, мышления, выражения и объективации проявлений действительной жизни. Данное понятие охватывает не только различные стороны проявления отношений отдельных единиц системных языковых уровней, но и состояние языковой системы в целом, ведь, как отмечает отечественный лингвист К.С. Горбачевич, «это – не только порождение неустойчивости языковых норм (скорее, наоборот, неустойчивость нормы – следствие варьирования), а и естественное состояние языка как конкретно-исторического явления, одно из внутренних проявлений литературного языка, наделенного разнообразными культурно-историческими признаками» [Горбачевич 1978: 9]. Такая интерпретация объясняет использование вариантных форм как одного из способов стилистического обогащения художественной речи.

Функции вариантности языковой системы, однако, не ограничиваются рамками художественного дискурса. По справедливому замечанию известного исследователя Л.И. Баранниковой, она проявляется «как в процессе отражения

действительности и выражения обобщенных мыслительных образов в чувственно воспринимаемой, то есть звуковой, форме, так и в процессе функционирования языка в качестве важнейшего средства человеческого общения» [Баранникова 1982: 19]. Таким образом, вариативность является тем самым общим свойством, заложенным в самом «устройстве» языковой системы как способ «существования и функционирования всех без исключения единиц языка, обнаруживающего специфические черты в пределах каждого уровня» [Там же]. Это – универсальное свойство языка, тесно связанное с иными его свойствами – такими, как парадигматическое устройство, дихотомия язык – речь, линейность.

Множество сосуществующих разновидностей одного языка представляет собой органичное единство взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Объединяя все виды дифференциации данной системы, возникшие под воздействием внешних факторов (временны́х, пространственных, социальных и др.), этот комплекс составляет так называемую *внешнюю,* или *функциональную* систему языка. Как отмечает академик Г.В. Степанов, «понимание конкретного языка во всех его проявлениях должно основываться на представлении о единстве его внутренней структуры и внешней системы, на представлении о языке как об исторически выработанном комплексе подсистем, возникших на базе варьирования и комбинирования элементов его внутренней системы» [Степанов 1976: 29]. С точки зрения рассмотрения внешней системы языка как в парадигматическом, так и синтагматическом аспектах, важной характеристикой является *состояние языка* – совокупность всех видов его вариативности независимо от степени функциональной нагрузки.

Известный отечественный лингвист-американист А.Д. Швейцер разработал следующую классификацию языковых разновидностей:

- *диалект* – территориальная разновидность национального языка, ограниченная сферой народно-разговорной речи, противостоящая нормированному литературному языку;
- *вариант литературного языка* – территориальная разновидность единого нормированного литературного языка;

- *национальный вариант языка* – совокупность территориально ограниченного варианта литературного языка и распространенных в пределах его ареала территориальных диалектов [Швейцер 1971: 41 – 51].

Термин «национальный вариант» появился в отечественной лингвистике в 60х гг. XX века, однако десятилетием ранее Г.В. Степанов применял по отношению к испанскому языку стран Латинской Америки термин «разновидность»: «У американской разновидности испанского языка за четыре с лишним столетия сложилась своя история, в странах Латинской Америки возникла своя языковая традиция, своя языковая политика, свое эстетическое понимание норм общенародной речи» [Степанов 1963: 8]. Развивая данную мысль, Е.Г. Вершинина приходит к выводу о том, что раздельное применение единого языка с точки зрения территории, истории и социального контекста влечет за собой развитие его характерных черт, «в соответствии с которыми язык данной общности дифференцируется от того же языка другой национальной общности» [Вершинина 2002: 5].

При описании национального варианта равнозначными с его лингвистическими признаками считаются социальные признаки данного варианта, такие как социальный статус и престиж данного национального варианта в обществе, выполняемые им социальные функции. Важнейшей лингвистической характеристикой национального варианта выступает наличие отличительных признаков на всех уровнях языковой системы, дистрибутивные отличия в их употреблении. Как отмечал академик В.С. Виноградов, «эти маркированные фонетические, грамматические и лексические особенности развиваются в системе национального варианта и способны порождать новые вариантные своеобразия и отличие» [Виноградов 1994: 72], то есть лежат в основе продуктивности данного национального варианта и его способности к адаптации к жизни рассматриваемой социальной общности.

В целях разграничения национального варианта от иных форм существования языка известный российский романист В.Г. Гак предлагал схему

функциональных полей. Согласно этой схеме, язык каждого социума выполняет следующие функции:

1) устное общение;
2) письменное неофициальное общение (художественная, научная, общественно-политическая литература, пресса);
3) официальное общение административной единицы (автономной области, части федерации);
4) официальное общение в рамках отдельной административной единицы государства (однонационального или многонационального);
5) межгосударственное общение.

Функциональное поле может охватывать одну форму существования языка или дробиться между несколькими, дополняющими друг друга. В.Г. Гак считал, что для территориального варианта характерными выступают функции типов 1 – 3, а национальному варианту свойственны сразу все признаки [Гак 1986: 120 – 121].

В национальном варианте традиционно выделяются 3 уровня:

1) *нижний уровень* включает различные формы разговорной речи (диалектной, жаргонной, профессиональной, просторечной);
2) на *среднем уровне* находится разговорно-литературная речь;
3) под *высшим уровнем* подразумевается местная письменная литературная норма.

Для национального варианта языка характерно наличие собственной национальной формы разговорно-литературной речи и развитой функционально-стилистической подсистемы, не обязательно совпадающей с подобной ей подсистемой других вариантов. Эти особенности структуры национального варианта наблюдаются, прежде всего, в устной форме речи, но также бывают отражены и в письменной речи конкретного национального сообщества. При этом принципиальное значение имеет общественная функция, выполняемая вариантом языка в границах отдельной общности, – в школьном образовании, СМИ, в сферах культуры (театре, кино, художественной литературе), официальном

делопроизводстве. По сути, это – выполнение функций, свойственных самостоятельным стандартным языкам.

Национальные варианты языка также необходимо отличать от территориальных вариантов, которые формируются и развиваются в стандартном языке, имеющем обширную территорию распространения. При этом, функционируя в пределах национальной общности, для которой могут быть характерны свои местные языковые особенности, национальный вариант может иметь один или несколько диалектных уровней. В отличие от национального, территориальный вариант, как справедливо отмечает Е.Г. Вершинина, выступает «прямым следствием культивирования данных (местных) языковых особенностей, исчерпывающих его сущность» [Вершинина 2002: 21].

Испанский язык – один из самых распространенных плюроцентричных языков, который является национальным более чем в 20 странах. По данным Института Сервантеса, на сегодняшний день количество говорящих на испанском языке достигает 495 млн. человек [www.cervantes.es]. На испанском языке говорят на четырех континентах: помимо Южной Америки, это – территории Ближнего Востока, где проживают говорящие на сефардском испанском, территории Экваториальной Гвинеи и Филиппин. Испанский язык активно распространяется на территории Соединенных Штатов, где в ряде регионов может конкурировать с официальным английским. Большая географическая протяженность территорий, на которых распространен испанский язык, а также богатый культурно-этнический элемент делают испанский язык одним из наиболее вариативных языков мира.

Общеизвестно, что в настоящее время языковая норма Испании не является единственной нормой для всех стран, говорящих на испанском языке, в отличие от XVIII-XIX веков, когда данная норма рассматривалась как единственно правильная. Сегодня, по справедливому утверждению исследователя-мексиканиста С.А. Яковлевой, «только у человека, не связанного с испанским языком, может возникнуть ощущение, что этот язык одинаков как в Испании, так

и в странах Латинской Америки, а также мнение, что единственно правильным и достойным изучения является его пиренейский вариант» [Яковлева 2015: 25].

Поскольку одного единственного испанского языка не существует и мы имеем дело с множеством его национальных вариантов, можно говорить и о множественности норм, система которых зависит от языковой политики конкретной страны. Так, например, в США нормы «пиренейского испанского» языка в преподавании отходят на второй план в связи с увеличением численности и значимости испаноязычного населения – выходцев из стран Латинской Америки. Как пишет американский ученый-испанист Дж. Липски, *dado que se prefieren las normas panamericanas en la enseñanza del español, el mítico "castellano" va desapareciendo de esta enseñanza* ('учитывая, что в преподавании испанского языка предпочитаются панамериканские нормы, мифический «кастильский язык» постепенно исчезает из преподавания') [Lipski 2002: 15]. Под «кастильским» в данном случае указанный ученый понимает язык классической литературы Испании, не подходящий для современных реалий межкультурной коммуникации.

Авторитетные ученые-испанисты поддерживают концепцию испанского языка как полинационального: *Es cierto e indiscutible que la lengua española hablada actualmente en América y en España, ha conservado su unidad, su homogeneidad que es algo básico y fundamental. No sería menos correcto afirmar que en el marco de esta unidad fundamental, siempre – en cada país y en cada región, la lengua adquiriese sus propias características distintivas* ('Правильным и бесспорным является то, что испанский язык, на котором говорят в настоящий момент в Америке и в Испании, сохранил свое единство, свою однородность – нечто фундаментальное, основополагающее. Не менее правильно и то, что в рамках этого основополагающего единства всегда – в каждой стране, в каждом регионе язык приобретал своеобразные отличительные черты') [Lope Blanch 1993: 111].

Испанский лингвист М. Альвар, говоря о роли латиноамериканских стран в формировании полинационального испанского языка, отмечает следующие вехи данного процесса: *Hace muchos años, Amado Alonso habló de tres centros culturales*

(Madrid, Ciudad de México, Buenos Aires) que participarían en la nivelación de nuestro idioma. Esto es cierto, pero no completamente cierto. Casi medio siglo después, vemos que sus supuestos eran correctos, pero también hay que sumarles Guatemala, Colombia, Chile, para nombrar al menos solo aquellos países que gozan del "reconocimiento oficial" y cuyo idioma entendemos fácilmente (...) también me tomo la libertad de agregar aquí a Cuba, Venezuela, Perú... ('Много лет назад Амадо Алонсо сказал о трех культурных очагах (Мадрид, Мехико, Буэнос-Айрес), которые примут участие в нивелировании нашего языка. Это – правда, но не полная. Почти полвека спустя мы видим, что его предположения были правильными, но к ним надо также добавить Гватемалу, Колумбию, Чили, чтобы назвать хотя бы только те страны, которые пользуются «официальным признанием» и язык которых мы легко понимаем (…) Я позволю себе также добавить Кубу, Венесуэлу, Перу') [Alvar 2002: 100].

В 60^{x} гг. XX века под руководством мексиканского лингвиста Х.М. Лопе Бланча был создан проект *Proyecto de estudio coordinado de la norma lingüística culta de las principales ciudades de Iberoamérica y de la Península Ibérica* ('Проект координированного изучения литературной лингвистической нормы испанского языка основных городов Латинской Америки и Иберийского полуострова'), внесший значительный вклад в признание лингвистических норм Мехико, Буэнос-Айреса, а через некоторое время – остальных столиц испаноязычных стран Латинской Америки – равноправными с нормами Мадрида. Таким образом, развитие концепции полинационального испанского языка началось уже более 60 лет назад, и на сегодняшний день она получила безоговорочное признание: *no existen normas panispánicas que seleccionen las opciones preferidas, no hay ningún país o región que sea reconocido por todos como portador de un estándar de lenguaje y cuya forma de habla sea copiada por residentes de otros países* ('не существует паниспанских норм, которые отбирали бы предпочтительные варианты, нет страны или региона, признаваемого всеми как носителя языкового стандарта и чья форма речи копировалась бы жителями других стран') [Lipski 2002: 154].

Пробуждение национального самосознания жителей испаноговорящих стран, осознание ими собственной культурной идентичности привело к созданию своей языковой традиции, своей языковой политики, к собственному эстетическому понимаю норм общенародной речи в данных регионах[1]. По мнению Х.М. Лопе Бланча, *cualquier sistema lingüístico transferido a un terreno nuevo se arraiga en la nueva tierra o, finalmente, muere asfixiado bajo el ataque de una lengua autóctona* (‘любая языковая система, перенесенная на новую почву, либо пускает корни на новой земле, либо в конце концов умирает, задохнувшись под натиском автохтонного языка’) [Lope Blanch 1993: 113]. В Америке испанский язык прочно укоренился и стремительно распространился по обширной территории, обогатившись местным лингвистическим материалом.

Результатом такого разнообразия стали многочисленные дискуссии о том, испанский язык какой страны следует считать лучшим[2]. С одной стороны, националистическая позиция простых носителей языка объяснима: *No importa cuán injusto e infantil pueda parecer este comportamiento lingüístico “patriótico”, no podemos negar la importancia psicológica y humana que realmente tiene* (‘Каким бы несправедливым и детским ни казалось это «патриотическое» лингвистическое поведение, мы не можем отрицать ту человеческую, психологическую важность, которой оно действительно обладает’) [Lope Blanch 1997: 95]. С другой, лингвисты всячески подчеркивают лженаучность подобных рассуждений ([Alvar 2002], [Lipski 2002], [Lope Blanch 1997]). В научном сообществе полностью разделяется точка зрения М. Альвара, который подчеркивает: *el mejor español no existe, solo hay español de cada lugar para satisfacer las necesidades de ese lugar. Lo que queda fuera de la caja es lo que la sociedad piensa que es correcto, y estos requisitos son diversos en diferentes lugares* (‘не существует лучшего испанского языка, а только испанский язык каждого места для удовлетворения потребностей этого места. За рамками остается то, что общество считает правильным, и эти требования различны в разных местах’) [Alvar 2002: 80 – 81].

[1] Подробнее по данному вопросу см.: Степанов 1963.
[2] Подробнее см.: Яковлева 2015.

Тем не менее, несмотря на диатонические и диастратические различия, которые характеризуют все испаноговорящее пространство и которые ярче всего проявляются в устной речи, «культурная норма» языка характеризуется неким нивелированием, не означающим, однако, его обеднения, а отражающим современную реальность. Как отмечает испанский лингвист Х.С. Лобато, *esta realidad es que los habitantes de los países de habla hispana, con todas las diferencias posibles (geográficas, políticas y culturales), forman parte de un sistema lingüístico integral, que a lo largo de su trayectoria se encuentra en constante cambio y fortalecimiento, ayudando a sus hablantes a aprender a convivir* (‘эта реальность такова, что жители испаноязычных стран, со всеми возможными различиями (географическими, политическими и культурными), являются составной частью одной цельной лингвистической системы, которая на протяжении всей своей траектории постоянно меняется и укрепляется, помогая своим носителям научиться жить совместно’) [Lobato 1997: 585 – 586].

Признание того факта, что испанский Латинской Америки состоит из многих вариантов, не означает игнорирования существования единой идиоматической общности, в которой присутствуют варианты (кубинский, аргентинский, мексиканский и т. д.), отличающиеся между собой меньше, чем пиренейские диалекты (леонский, арагонский, андалузский и т. д.). По мнению мексиканского лингвиста Х.Г. Морено де Альбы, *tanto la integridad del lenguaje como su variabilidad persistirán durante mucho tiempo, y las tendencias de unidad básica y pluralidad de variantes regionales van a coexistir y desarrollarse paralelamente* ‘(как целостность языка, так и его вариативность будут сохраняться еще долго, причем тенденции базового единства и множественности региональных вариантов будут сосуществовать и развиваться параллельно)’ [Moreno de Alba 1995: 99 – 100].

В отечественной испанистике исследования в русле полинациональной концепции испанского языка начинаются с работы академика В.Ф. Шишмарева «Очерки по истории языков Испании» (1941). Ведущую роль в данном направлении сыграли труды Г.В. Степанова, который сформулировал дефиницию

национального варианта полинационального языка. Как отмечают его последователи, теоретические разработки Г.В. Степанова «позволили по-новому подойти к пониманию национального языка в сложных условиях существования многих вариантов как языка, имеющего возможности самостоятельного и независимого развития, причем отношение вариантов единого языка друг к другу должно осмысляться как паритетное в социальном, культурном, политическом и лингвистическом аспектах» [Домашнев 1990: 7].

Г.В. Степанов определяет социолингвистический статус испанского языка в странах Латинской Америки как «национальный вариант» испанского языка, представляющий собой «формы национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но вместе с тем приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности» [Степанов 1976: 100]. В разработанной им концепции исходным понятием выступает функциональная система языка, которая охватывает все виды дифференциации (варьирования) языка, возникающие под воздействием внешних факторов (временных, пространственных, социальных) и имеющих ту или иную функцию в социуме.

По мнению Г.В. Степанова, основой организации функциональной системы языка являются языковое состояние и языковая ситуация. Под языковым состоянием им понимается «совокупность всех видов его вариативности, как функционально нагруженных, так и не имеющих ясно выраженной функциональной нагрузки» [Степанов 1976: 30]. Языковое состояние рассматривалось Г.В. Степановым как некий парадигматический набор элементов, образующих функциональную систему языка (диалекты, литературный язык, национальные варианты), взаимодействующих или не взаимодействующих друг с другом. Языковая ситуация, по мнению ученого, это – «отношение языка (или его части), характеризующегося данным состоянием, к другим языкам или к другой части того же языка, проявляющееся в различного рода пространственных и социальных взаимодействиях (синтагматический план)» [Степанов 1976: 30 – 31].

В связи с указанной трактовкой проблемы Г.В. Степанов также подчеркивал невозможность смешения вышеперечисленных вариантов языка, участвующих в разных ситуациях: «Методологически ошибочно, а поскольку ситуации складываются в пределах государств, то и политически неверно и бестактно … квалифицировать португальский язык Бразилии как диалект языка Португалии, … французский Канады как диалект французского Франции, а аргентинский испанский как диалект европейского испанского или наоборот» [Степанов 1976: 59].

В.С. Виноградов в своих работах выделяет межнациональную испанскую форму в качестве глобальной формы существования испанского языка. Он, так же как и Г.В. Степанов, придерживается мнения, что существующие в испаноговорящих странах национальные варианты испанского языка являются не его диалектами, а именно национальными вариантами (например, мексиканский, кубинский или аргентинский и т.д.), имеющими право на признание самостоятельных языковых систем. Каждый из национальных вариантов имеет свои диалекты и говоры, причем однотипные диалектные зоны могут охватывать части различных национальных территорий [Виноградов 1994: 80 – 94].

Продолжив разработку идей Г.В. Степанова и В.С. Виноградова, Н.М. Фирсова детализировала типологию разновидностей национальных вариантов и классифицировала формы существования испанского языка. Н.М. Фирсова выделяет несколько форм существования испанского языка:

1. Национальный вариант испанского языка, обладающий следующими признаками: 1) испанский язык имеет ранг официального государственного языка; 2) наличие национальной литературной нормы; 3) испанский язык является родным для абсолютного числа жителей, либо доля испаноязычного населения составляет более 50% от общего числа населения страны; 4) испанский язык выполняет полный объем общественных функций; 5) язык обладает известной лингвокультурологической спецификой.

2. Территориальный вариант испанского языка, для которого характерны следующие признаки: 1) испанский язык имеет ранг официального

(государственного); 2) отсутствие литературной нормы; 3) испанский язык не является родным для абсолютного числа жителей, а доля испаноязычного населения составляет менее 50% от общего числа населения страны; 4) обладает известной лингвокультурологической спецификой.

3. Территориальный диалект испанского языка. Его основные признаки: 1) распространение за пределами государств, в которых социолингвистический статус испанского языка определяется как вариант (национальный или территориальный); 2) не располагает собственной литературной нормой языка; 3) не имеет ранга официального (государственного) языка; 4) не является родным для абсолютного большинства населения страны; 5) обслуживает отдельные малочисленные группы населения; 6) используется в ограниченных сферах коммуникации; 7) язык обладает местной спецификой.

4. Диалект испанского языка, который отличается от территориального диалекта по первому признаку, а именно: типично распространение внутри (не за пределами) стран, в которых социолингвистический статус испанского языка определяется как вариант (национальный или территориальный). Сферы использования диалекта лимитировны разговорно-бытовой и религиозной [Фирсова 2003: 19 – 21].

Исходя из всех вышеперечисленных признаков, можно сделать вывод, что испанский язык Кубы является кубинским национальным вариантом испанского языка.

Проблема диалектного членения испанского языка подробно освещена в отечественной испанистике, в первую очередь – известным исследователем латиноамериканского мира академиком Н.Ф. Михеевой, которая предлагает типологию классификаций диалектов испанского языка, основываясь как на экстралингвистических, так и лингвистических факторах. К первым ученый относит географическую близость стран латиноамериканского региона, территориальное распределение основных семей индейских языков на данных территориях, изначальную территориальную и социальную принадлежность испанских конкистадоров, интенсивность контактов с метрополией.

Лингвистические факторы включают фонетические характеристики испанского языка в различных регионах, лексический фонд и грамматическую систему испанского языка в странах Латинской Америки [Михеева 2003: 50].

Рассмотрев ряд характерных отличительных черт кубинского национального варианта испанского языка, обратимся к одному из наиболее продуктивных и интересных исследовательских вопросов – к проблеме выделения диалектных зон, являвшейся и являющейся одной из наиболее актуальных проблем отечественной и зарубежной романистики в течение длительного времени. На протяжении XX века, основываясь на различных критериях (в первую очередь, фонетических) был разработан ряд классификаций диалектов, охватывающих весь ареал испанского языка в странах Латинской Америки. Одним из первых диалектологов, предложивших подобную классификацию, стал мексиканский ученый П. Энрикес Уренья, взявший за основу критерии географической, социальной и культурной близости, а также влияние субстрата. П. Энрикес Уренья выделяет 5 диалектных зон:

1. *Науатль* – южная часть США, Мексика, Центральная Америка.
2. *Таино* – Куба, Доминиканская республика, прибрежная и равнинная части Венесуэлы, север Колумбии.
3. *Кечуа* – высокогорные зоны Венесуэлы и Колумбии, западная зона Колумбии, север Чили, Перу, Эквадор, Боливия.
4. *Араукано* – остальная часть Чили.
5. *Гуарани* – Уругвай, Аргентина, Парагвай, юго-восточная зона Боливии [Henríquez Ureña 2003: 61].

Следует отметить, что, по мнению многих ученых, критерий влияния субстрата, взятый за основу П. Энрикесом Уреньей, не является состоятельным. К примеру, кубинский исследователь Х.П. Рона считает, что степень влияния именно индейских языков не была столь значительной, чтобы стать единственным фактором, серьезно повлиявшим на формирование латиноамериканских диалектных зон. Помимо этого, П. Рона обращает внимание на тот факт, что, упоминая всего 5 основных индейских языков, П. Энрикес

Уренья упускает из внимания иные, не менее важные индейские языки, такие, как майя-пикче, аймара и другие [Rona 1962: 215–226].

В отличие от П. Энрикеса Уреньи, Х.П. Рона не придает большого значения экстралингвистическим факторам и основывает свою классификацию на изоглоссах, исходя из чисто лингвистических явлений, соотносимых со всеми языковыми уровнями:

1) zeísmo;
2) yeísmo;
3) voseo;
4) четыре типа флексий для глаголов, употребляемых при местоимении *vos*:
   1. *–áis* (окончание настоящего времени для глаголов I спряжения), *–éis* (наст. время, II спряжение), *–ís* (наст. время, III спряжение).
   2. *–áis, –ís, –ís*.
   3. *–ás, –és, –ís*.
   4. *–as, –es, –es*.

В зависимости от распространенности указанных явлений, он выделяет 16 зон:

1. Мексика (за исключением штатов Юкатан, Табаско, Чиапас, Кинтана Роо), Антильские острова, восток Панамы, прибрежная часть Венесуэлы, прибрежная часть Колумбии: наличие *yeísmo*, отсутствие *zeísmo* и *voseo*.
2. Мексиканские штаты Юкатан, Табаско, Чиапас, Кинтана Роо, запад Панамы: наличие *yeísmo, zeísmo, voseo*, третий тип глагольной флексии во 2 лице множественного числа (окончания *–ás, –és, –ís* для глаголов I, II и III спряжения в настоящем времени) индикатива.
3. Тихоокеанское побережье Колумбии, центральная часть Венесуэлы: наличие *yeísmo* и *voseo*, отсутствие *zeísmo*, третий тип глагольной флексии при местоимении *vos*.
4. Высокогорье Колумбии, наличие *voseo*, отсутствие *yeísmo* и *zeísmo*, третий тип глагольной флексии при местоимении *vos*.

5. Прибрежная часть Эквадора, наличие *yeísmo, zeísmo, voseo*, третий тип глагольной флексии при местоимении *vos*.
6. Высокогорные зоны Эквадора, наличие *voseo* и *zeísmo*, отсутствие *yeísmo,* второй тип глагольной флексии при местоимении *vos* (*–áis, –ís, –ís* для глаголов I, II и III спражения в настоящем времени индикатива).
7. Прибрежная часть Перу, наличие *yeísmo*, отсутствие *voseo* и *zeísmo*.
8. Высокогорные зоны Перу, отсутствие *yeísmo, voseo, zeísmo*.
9. Южная часть Перу, наличие *yeísmo* и *voseo,* отсутствие *zeísmo,* второй тип глагольной флексии при местоимении *vos*.
10. Север Чили, северо-восток Аргентины, боливийские департаменты Оруко и Потоси, отсутствие *zeísmo* и *yeísmo*, наличие *voseo*, второй тип глагольной флексии при местоимении *vos*.
11. Остальная часть Боливии, отсутствие *zeísmo* и *yeísmo,* наличие voseo, третий тип глагольной флексии при местоимении *vos*.
12. Парагвай, аргентинские провинции Мисионес, Коррьентес, Формоса, отсутствие *yeísmo*, наличие *voseo*, третий тип глагольной флексии при местоимении *vos*.
13. Центр Чили, отсутствие *zeísmo*, отсутствие *yeísmo* и *voseo*, отсутствие *zeísmo,* наличие *yeísmo* и *voseo*, второй тип глагольной флексии при местоимении *vos*.
14. Южная часть Чили, наличие *voseo*, отсутствие *yeísmo* и *zeísmo,* второй тип глагольной флексии при местоимении *vos*.
15. Аргентинские провинции Буэнос-Айрес, Энтре-Риос, Санта Фе, Ла Пампа, Рио Негро, Чубут, Огненная Земля, Уругвай (кроме пограничных и южных регионов), наличие *voseo, yeísmo, zeísmo,* третий тип глагольной флексии при местоимении *vos*.
16. Южная часть Уругвая, наличие *seseo* и *yeísmo,* отсутствие *voseo* [Rona 1962: 215–226].

Позднее колумбийский лингвист Х.Х. Монтес Хиральдо на основе вышеуказанных классификаций предложил более точную карту диалектного членения испанского языка в Латинской Америке, включающего 9 зон:

1. Карибские острова, восток Мексики, часть Панамы, север прибрежной Колумбии, Венесуэла (кроме высокогорной части).
2. Оставшаяся часть Мексики.
3. Центральная Америка, пограничные зоны с Мексикой.
4. Колумбия (за исключением прибрежной зоны), высокогорные зоны Венесуэлы.
5. Колумбия (тихоокеанский бассейн).
6. Перу (кроме южной части).
7. Эквадор и Перу (кроме указанных зон), Аргентина, центральные зоны Боливии.
8. Чили.
9. Рио-де-ла-Плата, восток Боливии и Аргентины [Montes Giraldo 1982].

Первые попытки создания собственно кубинской диалектной карты мы находим уже в работах XVIII – XIX веков. К примеру, кубинский лингвист Э. Пичардо Тапия использует термины *tierra-dentro* («земля внутри», восточная зона Острова) и *vuelta arriba* («поворот вверх», западная зона), говоря о различиях в речи жителей страны. Он объясняет их, в частности, субстратным влиянием индейских языков, в большей степени сохранившихся в восточных зонах. Тем не менее, более подробно кубинские диалектные зоны были описаны уже в XX веке [Pichardo Tapia 1976].

Наиболее структурированной выступает классификация кубинского ученого Л.Р. Чоя Лопеса, установившего на основе принципа консонантных различий 5 кубинских геолектальных зон (на основании анализа речи жителей 16 наиболее крупных и древних кубинских городов, имеющих ключевое культурное и политическое значение для страны, являющихся действующими столицами провинций и т.п.). В основе классификации лежит фонетический критерий.

1. Западная зона (Пинар-дель-Рио, Гавана, Матансас, Сьенфуэгос, Тринидад). К основным особенностям данной зоны относятся:

- регрессивная ассимиляция *[r]* и *[l]: correr – [korrel]* (‘бежать’), *verdadero – [veldadelo]* (‘настоящий, правдивый’);
- аспирация *[s]* на конце слога и в середине слова: *fiesta – [fiexta]* (‘праздник’);

- аспирация *[r]* перед согласными: *carbón – [kabbón]* (‘уголь’), *circo – [sikko]* (‘цирк’);
- ослабление интервокального *[j]*: *pollo – [pojo]* (‘цыпленок’).

2. Центральная зона (Санта-Клара, Санкти Спиритус, Сьего де Авилья). В данной зоне можно заметить все вышеупомянутые особенности, однако они являются менее выраженными: регрессивная ассимиляция *[r]* и *[l]*, ослабление *[j]* в интервокальной позиции. Аспирация [s] на конце слога и в середине слова, а также аспирация *[r]*, особенно перед согласными *[n]* и *[l]*: *carne – [kaxne]* (‘мясо’), *charla – [tʃaxla]* или *[ʃaxla]* (‘болтовня’) прослеживаются столь же интенсивно, как и в Западной зоне.

3. Центрально-восточная зона (Камагуэй, Лас Тюнас, Ольгин, Манзанильо, Байямо). С точки зрения фонетики – наиболее консервативная зона. Вышеупомянутые фонетические явления здесь проявляются достаточно слабо, исключением является аспирация *[r]* перед *[n]* и *[l]*, столь же интенсивная, как и в вышеупомянутых регионах.

4. Юго-восточная зона (Сантьяго-де-Куба, Гуантанамо). Одна из наиболее интересных с фонетической точки зрения диалектных зон Кубы. По наблюдению Л.Р. Чоя Лопеса, в данной зоне весьма часто встречается явление взаимозамены *[l]* и *[r]*, при этом отсутствует явление аспирации *[r]* перед согласными. Также часто встречается регрессивная ассимиляция *[s]*, вплоть до его полного исчезновения: *fiestas – [fieta]* (‘праздники’).

5. Южная зона (Баракоа). В данной зоне, на протяжении долгого времени находившейся в определенной изоляции, сочетаются как консервативные, так и инновационные фонетические явления. Наиболее ярко, сильнее, чем во всех вышеупомянутых регионах, здесь проявляется практически полная ассимиляция *[s]*. Помимо этого, в данном регионе наблюдается явление потери финального *[r]*, в особенности, на конце инфинитива: *correr – [korré]* (‘бежать’).

В процессе наблюдения и записи спонтанной речи информантов на Кубе[1] нами были обнаружены все обозначенные фонетические явления кубинского национального варианта испанского языка, а также выявлены некоторые особенности, не упомянутые Л.Р. Чоем Лопесом. Так, помимо финального *[s]*, в разговорной речи зачастую опускаются практически все финальные глухие согласные: *pared – [paré]* – ‘стена’ (в пиренейском испанском произносится как *[paret]* или *[pareϴ]*), *reloj – [reló]* (‘часы’), *diez – [dié]* (‘десять’) и др. На юго-востоке Острова (Сантьяго-де-Куба) – случаи замены согласного *[r]* на *[j]* между гласным и звонким согласным: *carbón – [kajbón]* (‘уголь’), *bárbaro – [bájbaro]* (‘варвар’), *(no te) pierdas – [piejda]* (‘не теряйся’).

К другим отличительным чертам «кубинского произношения» можно отнести следующие особенности, отмеченные румынским исследователем-испанистом С. Исбасеску почти 50 лет назад (и услышанные нами в кубинской речи в современный период):

- выпадение интервокального *[d]: perdido – [perdío]* (‘потерянный’), *planchado – [plancháo]* (‘глаженый’), *matado – [matáo]* (‘убитый’);
- замена смычного *[tʃ]* на фрикативный *[ʃ]: muchacha – [muʃaʃa]* (‘девушка’), *charla – [ʃaxla]* (‘болтовня’);
- назализация финального *[n]* в ударном слоге: *nación – [naϴióŋ]* (‘нация’): *canción – [kanϴióŋ]* (‘песня’) [Isbasescu 1968: 57 – 115].

В заключение необходимо также отметить, что сегодня из всех вышеупомянутых характеристик ослабление и выпадение звука *[s]* – единственная нормативная черта фонетической системы кубинского национального варианта испанского языка. В СМИ использование в речи остальных «особенностей» кубинского произношения считается дурным тоном.

Практически все кубинские лексикографические труды и проекты по изучению национально-культурных особенностей испанского языка страны второй половины XX – начала XXI века так или иначе связаны с работой над Лингвистическим Атласом Кубы (*ALCu – Átlas Lingüístico de Cuba*). Создание

[1] Более подробные сведения об информантах см. на С. 13 – 14 данной диссертации. – Прим. З. Игнашиной.

лингвистических атласов ставит своей целью описание языковых явлений для всех уровней системы языка на определенной территории, установление границ диалектных зон и выявление изоглосс. Указанное направление является частью геолингвистических исследований, чрезвычайно важных для изучения истории, динамики и современного состояния испанского языка,[1] поскольку, по справедливому утверждению С.А. Яковлевой, «предоставляют фактические данные, позволяющие судить о процессах конвергенции и дивергенции, характеризующих этот язык» [Яковлева 2015: 31].

К сожалению, в русской испанистике исследований по вопросам геолингвистики в целом и лингвистических атласов, в частности, мало. В работах С.А. Яковлевой (2013, 2015), вплотную занимающейся проблемами истории геолингвистики в Латинской Америке, при наличии скрупулезного описания основных геолингвистических проектов Аргентины, Колумбии, Коста-Рики, Мексики, Никарагуа, Пуэрто-Рико, Сальвадора, Уругвая, Чили и Эквадора, а также двух межрегиональных проектов (Átlas lingüístico de América Central (ALAC) – *Лингвистический атлас Центральной Америки* и Átlas lingüístico de Hispanoamérica (ALH) – *Лингвистический атлас Испаноамерики*), отсутствуют сведения о Кубе.

Выбор стран С.А. Яковлева объясняет доступностью опубликованной информации, поскольку, как отмечает автор, «несмотря на наличие схожих проектов в таких странах, как Венесуэла, Куба и Перу, нам не удалось найти каких-либо сведений по истории и развитию научно-исследовательской деятельности по данному направлению в названных странах» [Яковлева 2015: 39]. В этом смысле настоящая диссертация является первой работой, содержащей сведения по истории создания и особенностях *Лингвистического атласа Кубы* (ALCu), а также – о проектах, непосредственно связанных с ним.

Неотъемлемой частью работы над любым лингвистическим атласом выступает создание вопросников. Помимо сведений лингвистического плана

[1] См., например, исследования Н.Ф, Михеевой (2003), Н.Е. Амехиной (2007), И.В. Смирновой (2006), Е.В. Антонюк (2007), А.М. Синицыной (2019) и др.

(бóльшую часть из них представляет лексический материал), они включают данные этнографического и культурологического характера, например, песнопения, мифологические традиции, литературное творчество этнографического происхождения.

Обширный материал, основная часть которого впоследствии была включена в первую редакцию ALCu, стал итогом десятилетней работы (с 1986 по 1996 гг.) над проектом «Геолингвистическая характеристика национального варианта испанского языка Кубы» (*Caracterización geolingüística del español de Cuba).* В настоящее время в рамках данного проекта, разработанного научно-исследовательским коллективом кубинского Института литературы и лингвистики (*Instituto de Literatura y Lingüística*), одновременно решаются задачи картографирования и интерпретации собранного материала.

С указанным проектом тесно связана работа над «Глоссарием региональной и сельской лексики» (*Glosario de léxico regional y rural / Glosario de ruralismos*) под руководством Г. Карденаса Молины (G. Cárdenas Molina), посвященная изучению речи жителей городов и сельской местности Кубы на основе вопросника, созданного для ALCu. Глоссарий является источником синхронного типа и представляет собой сравнительное описание диалектизмов и «стандартной» лексики кубинского национального варианта испанского языка. Он состоит из 800 лексикографических статей, основанных на следующих источниках:

1) материалах, собранных с помощью вопросника ALCu;
2) 30 блоков записей спонтанной речи из всех провинций страны;
3) данных анкет «Этнографического атласа Кубы» (*Atlas etnográfico de Cuba*);
4) данных опросов на соответствие региональных лексических единиц, включенных в лексико-семантические поля «производство табака» и «производство сахара», общекубинской лексике, используемой в национальных СМИ.

Что касается самого атласа ALCu, в 1987 и 1988 гг. были опубликованы 2 пилотных проекта, содержавших предварительные результаты опросов. В

первом была представлена апробация техники сбора данных по интонации и жестам, во втором – предложены методы автоматизации по сбору данных в целом (проект разрабатывался специалистами Центра дизайна и автоматических систем Академии наук Кубы). К началу 90^{x} гг. XX века было проведено 90 опросов в двух западных провинциях Кубы (Гаване и Пинар дель Рио) и в одной восточной (Гуантанамо). Первичные результаты сбора данных по фонетическим особенностям регионов показали значительное сходство говоров в противоположных частях страны [García Riverón 1991: 199 – 222].

После 40 лет работы над проектом на VII Международной лингвистической конференции в Гаване в 2013 г. состоялась презентация, а в 2014 г. – публикация Атласа в печатном и цифровом форматах. По словам директора Института литературы и лингвистики Н. Грегори Торады, ALCu является первым лингвистическим атласом в истории Кубы [Gregori Torada 2014].

Основными характеристиками Атласа выступают следующие:

1) отражение синхронного среза «испанского языка, существующего на Кубе в данный момент»;
2) структура, позволяющая использовать Атлас параллельно с другими лингвистическими проектами сходной тематики, а также как материал для дальнейших исследований;
3) методология Атласа опирается на два подхода – геолингвистический и социолингвистический, то есть, с одной стороны, создатели ALCu ставят перед собой задачу обозначения территориальных, а с другой – социальных диалектов (и даже так называемых гендерлектов);
4) анализ системы языка происходит по следующим уровням: лексический, фонетико-фонологический (фонемы и интонация), морфологический и синтаксический. В Атлас также входят данные, касающиеся невербальных средств выражения (прежде всего, жестов).

За последние 20 лет был написан ряд статей и диссертаций, посвященных отдельным ЛСП, представленным в ALCu, таким, как, например, «питание» (*alimentación*) [Menéndez Pryce y Montero Bernal 1993 – 1994], «формы

обращения» (*formas de tratamiento*) [Blanc Rodríguez 2011], «дикие и домашние животные» (*animales silvestres y domésticos del corrar*) [Sobrino Triana 2013] и др. Также активно изучаются принципы построения Атласа с точки зрения выделяемых диалектных зон Кубы [Menéndez Pryce 1993 – 1994; 2007], стилистики [Abreu Babi 2011] и лексикографических источников [Sobrino Triana 2014].

Таким образом, на протяжении второй половины XX и первых десятилетий XXI веков языковая политика кубинского государства направлена на расширение функций кубинского национального варианта испанского языка, повышение его социальной и коммуникативной роли. Так, в данный период была начата масштабная работа над созданием лингвистического атласа Кубы, проведен ряд научных исследований, направленных на изучение кубинской диалектологической картины, результаты которых регулярно публиковались в специализированном издании «Ежегодник L/L» *Anuario L/L*.

§ 1.2. Становление кубинского национального варианта испанского языка в контексте исторического развития Кубы

Наряду с пуэрториканским и доминиканским национальными вариантами испанского языка, кубинский национальный вариант испанского языка входит в карибскую диалектную зону, развитие которой тесно связано с транскультурными процессами, а также с богатой панорамой языковых контактов.

Известный кубинский лингвист Р. Чой Лопес выделяет несколько основных этапов формирования кубинской разновидности испанского языка, *que coinciden aproximadamente con los períodos principales de formación de la nación cubana* (‘которые примерно совпадают с основными периодами становления кубинской нации’) [Choy López 1989]:

1. «Koinezación» («койнеизация», 1492 г. – 1762 г.) – время активного заселения Острова, появления важнейших городов. Совместное проживание коренного индейского населения, испаноговорящих европейцев различной

диалектной принадлежности и, впоследствии, африканцев, положило начало формирования, стабилизации и консолидации кубинского койне.

2. «Estandartización» («стандартизация», 1763 г. – 1898 г.): как и предыдущий, данный период характеризуется интенсивными языковыми контактами различных этнических групп (в первую очередь, испаноязычных и африканских, франкоязычных креолов, американцев и т.п.). Именно в данный период формируется диалектная картина Острова, в частности, происходит постепенная культурная и лингвистическая обособленность восточных областей (Сантьяго де Куба, Баракоа), а также становятся ощутимыми фонетические и иные особенности разных регионов страны.

3. «Independización» («обретение независимости», 1898 г. – настоящее время) – период окончательного осознания кубинцами себя в качестве отдельной нации, достижения всеобщей грамотности, осмысления и популяризации собственного кубинского национального варианта испанского языка (ранее для научного сообщества была характерна ориентация лишь на пиренейский вариант в качестве единственного правильного). Время создания научных организаций и сообществ, занимающихся изучением кубинской лингвистической картины (создания Лингвистического атласа и т.д.)

Период койнеизации (1492 г. – 1762 г.). Как отмечает кубинский лингвист С. Вальдес, история испанского языка на Кубе начинается с появления на Острове войск Д. Веласкеса во время Конкисты и колонизации страны [Valdés Bernal 1978]. При этом колонисты представляли собой достаточно неоднородную группу, являясь представителями различных областей Испании, обладающих своей диалектной спецификой. По наблюдению Х. Гуанче, исследовавшему «Каталог путешественников в Индию», в период с 1514 по 1559 гг. испанцы, населявшие Кубу, «происходили» из нескольких регионов полуострова: из Андалузии (37,85%), Экстремадуры (14,13%), Леона (6,78%), Галисии (1,70%), Страны Басков (1,13%), Наварры (1,13%), Каталонии (1,13%), Мурсии (0,56%) [Guanche 1999].

К началу XVIII века большинство иммигрантов являлось представителями юго-западных областей Испании, таких как Андалузия и Канарские острова. Как пишет американский исследователь Х. Риверенд в книге «Экономическая история Кубы», многие переселенцы из указанных областей были табаководами и имели привилегии на торговлю с Америкой и с Антильскими островами, в обход севильского порта, являвшегося в то время центром торговой монополии Испании. Что касается их социального происхождения, «эти «островитяне», как их называют на Кубе, были земледельцами у себя на Родине и остались ими на Кубе. Но к концу XVI века земля на побережье была уже захвачена крупными помещиками. Поэтому по прибытии на Кубу новые поселенцы пробираются внутрь страны, где находят плодородные земли и обосновываются на них» [Риверенд 1967: 87 – 88].

Таким образом, можно утверждать, что в основе формирования кубинского национального варианта испанского языка лежали диалекты испанского языка южной группы. Это подтверждается следующим фактом: *a nivel del sistema léxico de las 1350 palabras del dialecto andaluz que denota el ámbito de la actividad humana, 400 palabras tienen una coincidencia total del significado en Cuba; de las 1210 palabras del dialecto canario que pertenecen al área semántica especificada, 800 palabras también tienen correspondencia semántica completa* (‘на уровне лексической системы из 1350 слов андалузского диалекта, обозначающих сферу деятельности человека, полное совпадение по значению на Кубе имеют 400 слов; из 1210 слов канарского диалекта, принадлежащих указанной смысловой области, 800 слов также имеют полное семантическое соответствие’) [Sánchez-Boudy 1999: 11–12]. Подобная закономерность прослеживается и на фонетичском уровне. Например, это касается эллипсиса согласных в конце слога и слова: сочетания типа *estoy asombrado* (‘я удивлен’), *estoy cansado* (‘я устал’) произносятся как *[etój asombráo], [etój cansáo]* и т.д.

Как известно, территории, на которых были распространены вышеупомянутые диалекты, на протяжении веков являлись эпицентром арабского господства, что привело к присутствию большого количества арабизмов,

впоследствии привнесенных на Кубу. Российский иссдедователь М.Ф. Алуарт де ля Крус обращает внимание на то, что арабизмы составляют 11,58% эквивалентной лексики в испанском языке Кубы. Вышеуказанный автор приводит следующие примеры лексических единиц арабского происхождения: *mameluco* (‘ползунки’), *alforza* (‘складка на платье’), *chícharo* (‘горох’), *toronja* (вид грейпфрута) [Алуарт де ля Крус 2012].

Помимо ***арабизмов***, следует отметить присутствие в кубинском национальном варианте испанского языка ***гитанизмов*** (слов цыганского происхождения): *chalao* (‘сумасшедший’), *chaval* (‘молодой человек, парень’), *jarana* (‘суета, суматоха’), *jeta* (‘физиономия’), *sandunga* (‘празднество’). Некоторую часть гитанизмов составляют слова из цыганского языка кало (caló), в большинстве своем пришедшие из воровского жаргона: *afanar* (‘стянуть, стащить’), *arañar* (‘воровать’), *paripé* (‘обман’), *palmar* (‘украсть’) и др.

В кубинской лексике заметную роль также играют ***лусизмы***, или заимствования из португальского языка, – наследие иммигрантов-колонизаторов из Галисии и с Канарских островов: *bosta* – ‘навоз’, *cardumen* – ‘изобилие’, *carimbo* – ‘клеймо’, *laja* – ‘камень’, *magua* – ‘неудача, разочарование’, *mucamo* – ‘слуга’, *maturrango* – ‘чужак’ и др. Особенно это касается слов с «морской» семантикой (*botar* – ‘бросать якорь’, *cabezón* – вид мелкой морской рыбы, *marejada* – ‘прибой’ и т.д.) и «бытовыми» значениями (*balay* – ‘деревянный поднос для очистки риса’, *mojo* – соус из паприки со специями, *rolo* – ‘бигуди’, ‘кудри’ и др.).

Значительную часть лексики кубинского национального варианта испанского языка составляет корпус ***итальянизмов***. В Таблице № 1 представлен ряд кубинских лексем итальянского происхождения из разных семантических групп.

Таблица № 1

Список итальянизмов, присутствующих в кубинском национальном варианте испанского языка

Лексема в кубинском национальном варианте испанского языка	*Лексема в итальянском языке*	*Значение*
andarivel	*andarivello*	канат
bandido	*bandito*	бандит
baqueta	*bacchetta*	шомпол
boleta	*bolletta*	билет, пропуск
canalla	*canaglia*	сброд
chaveta	*chiavetta*	стержень
charla	*ciarle*	болтовня
cuarela	*acquerello*	акварель
espagueti	*spaghetti*	спагетти
filigrana	*filigrana*	тонкая работа
gaveta	*gavetta*	ящик
peto	*petto*	нагрудник
posta	*posta*	почтовая станция
tutilimundi	*tutti li mondi*	раек

Как отмечает Г.В. Степанов, «изменение культурно-исторических условий, которое испытали на себе носители испанской речи, прибывшие в Америку, заставило их мобилизовать наличный лексический фонд для обозначения новых понятий и представлений. На первых порах завоеватели и колонисты не увеличивают заметно свой испанский лексикон за счет новообразований, а продолжают называть новые предметы и понятия прежними терминами» [Степанов 1963: 51]. Как указывает С. Вальдес Берналь, видный специалист по истории испанского языка, *los arabismos desempeñaron un papel importante en la descripción de la realidad estadounidense, pero más tarde, durante el acercamiento de los europeos con la población de las Antillas, estos dieron paso a los*

indoamericanismos (‘арабизмы играли большую роль при описании американской действительности, но позже, во время сближения европейцев с населением Антильских островов, арабизмы уступили место индоамериканизмам’) [Valdés Bernal 1994: 127]. Установившиеся социально-экономические отношения, сближение испанского населения с автохтонным населением Антильских островов способствовали вхождению в «кубинский испанский» индейских лингвистических элементов.

К XV веку Куба была заселена несколькими группами индейских племен аравакского происхождения – гуанахатабибе или гуанахатабеи, сибонеи и таино. Отдельно хочется упомянуть о самих этнонимах – обозначениях индейских племен. По мнению отечественного историка-американиста Г.Э. Александренкова, «в конце XV века слово «таино» употреблялось индейцами не как этноним, а как личностный термин, всего лишь означающий принадлежность к своему племени. Это явление характерно для примитивных племен. И индейцы Кубы, столкнувшись с испанцами, словосочетанием «таино» противопоставляли себя караибам» [Александренков 1976: 81].

В последнее время ученые относят племена таино к аравакской группе племен [Александренков 1976], однако более поздние исследования (конца XX века) предполагают, что таино все же следует относить к группе андских индейских племен [Guitar 2000]. Таким образом, вопрос о происхождении двух из трех племен, заселивших Кубу в древности, остается открытым.

Гуанахатабеи являлись древнейшими обитателями Острова. Представители данной племенной группы были людьми каменного века, не обладавшими какой-либо развитой культурой. К моменту активного заселения испанцами острова гуанахатабеи практически полностью вымерли. Об их культуре известно очень мало.

Сибонеи, предположительно, были одной из родовых ветвей таино, однако разительно отличались от них как внешне, так и общественным укладом. Если таино обладали более массивной фигурой и чертами, то сибонеи отличались

малым ростом, изящным сложением и не имели, в отличие от таино, навыков земледелия. Сибонеи были рыболовами и охотниками[1].

Араваки вытеснили первобытные поселения рыбаков, охотников, собирателей ягод и фруктов, живших на острове. Общественный строй индейцев-араваков находился на более высоком уровне развития – у них существовала общественная дифференциация труда, однако при этом они не имели своего государства и развитого хозяйства. К моменту открытия Кубы Колумбом индейцы возделывали маниок, маис (кукурузу), бобовые, тыкву, табак, хлопчатник, из волокна которого плелись гамаки и сети, батат (сладкий картофель); также выращивались фруктовые деревья. У араваков уже существовала иерархическая политическая система: каждый остров делился на мелкие государства, во главе которых стояли вожди, а само государство делилось на округа, во главе которых стояли обычно жрецы – главы самых уважаемых семейств. В округа входили несколько деревень, которые, в свою очередь, имели своих вождей. Таким образом, налицо система управления, построенная по подобию вассальной системы средневековых европейских государств.

Несмотря на то, что жителей доколумбовой Кубы принято считать находившимися на примитивном уровне цивилизационного развития, можно говорить о наличии у них довольно развитой культуры. Так, найденные в результате археологических раскопок глиняные сосуды с округлым туловом, плоскодонные сферические чаши, тарелки говорят о том, что таины хорошо владели искусством изготовления и обжига.

На сегодняшний день все поселения, которые сохранили часть культуры таино, сосредоточены на востоке Кубы, в условном треугольнике Хигуани – Сантьяго-де-Куба – Пунто-Маиси. Жители Хигуани не являются чистокровными таино, однако именно они сохранили наибольшую генетическую взаимосвязь с предками в силу тех обстоятельств, что современные жители этой местности – потомки конкистадоров и индейцев таино, а не индейцев и африканских рабов. В

[1] Подробнее об индейских племенах, исторически населявших территорию современной Кубы, см.: Археология Кубы 1986.

языке жителей долины Кауто можно встретить многочисленные слова индейского происхождения. В топонимах – изобилие древних индейских терминов, начиная с самого города Хигуани (*Jiguani* – в переводе ‘золотая река’). К таким топонимам относятся: Баямо (*Bayamo*), Гуаканайабо (*Guacanayabo*), Йара (*Yara*), Бабатуаба (*Babatuaba*), Бабиней (*Babiney*), Купайнику (*Cupaynicu*), Мабоа (*Maboa*), Маканаку (*Macanacu*), Хатиа (*Jatia*), Мабай (*Mabay*), Хагуа (*Jagua*), Касибакоа (*Casibacoa*), Купей (*Cupey*), Сейба (*Ceiba*), Виха (*Vija*), Пепу (*Pepu*) и многие другие. По утверждению историка из Баракоа А. Хартманна Матоса, *desde Baracoa hasta Punta Maisi, la población moderna usa tantas palabras en taíno como en ningún otro lugar de Cuba, La Española (Haití) o Puerto Rico* (‘от Баракоа до Пунта-Маиси современные люди используют так много слов из языка таино, как нигде больше на Кубе, в Эспаньоле (Гаити) или Пуэрто-Рико’) [Hartmann Matos 1999: 86].

Отзвуки культуры и языка таино слышатся и в особом описательно-информационном способе выражаться жителей провинций Гранма (*Granma*), Лас-Тунас (*Las Tunas*) и Ольгин (*Holguín*), а также в своеобразной музыкальной манере интонировать речь, отличной от других регионов страны. Характерный фразеологизм, чаще всего звучащий в этой местности – *te comiste la guayaba* (букв. ‘ты съел гуаву’, то есть ‘тебя обманули’). Согласно индейским поверьям, он интерпретируется следующим образом: с одной стороны, гуайаба, или гуава, – сладкий и ароматный плод, его мякоть с удовольствием едят летучие мыши и совы. В летучих мышей и сов, по мифологии таино, превращались по ночам опии (*opia, hupia*) – духи мертвых, а «гуайаба» – их любимая пища, ведь имя бога мертвых созвучно этому названию – Макетаурэ Гуайаба (*Maquetaure Guayaba*).

По сравнению с другими латиноамериканскими государствами, испанский язык на Кубе не имел сильного взаимодействия с автохтонными языками. Это связано с тем, что аборигены Кубы – как сибонеи, так и таино, стоявшие на разных ступенях развития, не имели своей письменности. Г.К. Ноубл характеризует язык этого племени как «чисто полисинтетический» (*purely holophrastic*), поскольку в нем имена существительные не склоняются, глаголы не

спрягаются, а категория времени выражена служебными частями речи [Noble 1965: 1 – 23].

Именно поэтому лингвистическое влияние языков коренных жителей Кубы оказалось значительно меньше по сравнению с тем влиянием, которое оказали автохтонные языки на формирование языковых вариантов в соседних странах Латинской Америки. Основу заимствований составляют специфические лексемы, отражающие быт аборигенов, к примеру, *canoa* (корыто), *cusubé* (сладкое блюдо), *conuco* (участок земли, выделенный в пользование рабу), *yarey* (шляпа из волокон ярея, разновидности пальмы), национальных блюд *taitabuico* (жареные бананы), *macao* (разновидность раков) из языка таино; *yuca* (юкка), *yana* (манговое дерево), *naiboa* (отвар из юкки), *guama* (столовая миска), *anaiboa* (напиток из измельченного корня юкки), *binasí* (морская рыба) из языка сибонеев и т.д.[1] Кроме того, различия в интонации у жителей восточной части страны по сравнению с остальными регионами являются результатом влияния именно языка индейского племени таино [López Morales 1970: 34 – 46].

Проблеме заимстованных лингвистических элементов стран Карибского бассейна посвящено большое количество испанских и латиноамериканских исследований, к примеру, *Léxico Mayor de Cuba* Родригеса Эрреры [Rodríguez Herrera 1959], работы Г. де Гранда [de Granda 1978], М. Франко Фигероа [Franco Figueroa 1989] и др. Указанные ученые обращают внимание на тот факт, что большое количество индихенизмов не получает активного развития в языке и впоследствии архаизируется, при этом лишь небольшая группа индихенизмов, из которой значительное количество лексических единиц не может быть соотнесено с конкретным национальным вариантом, более или менее употребительна. Среди лексико-семантических групп (ЛСГ) индихенизмов в кубинском национальном варианте испанского языка ими выделяются следующие:

1. Флора и фауна: *anona* / *guanábana* – ‘плод аноны’ (или гуанабаны – вечнозеленого тропического растения, которое имеет плоды, похожие на маленькие дыни зеленого цвета), *abuje* – ‘паук’, *arabo* – ‘арабо’ (тропическое

[1] Подробнее см.: Valdés Bernal 1994: 155 – 172.

дерево), *bejuco* – ‘лиана’, *bijaura* – ‘дурман’, *binasí* – ‘морская рыба’, *caracatey* – ‘сова’, *guabico* – ‘ананас’, *guaguao* – ‘перец’, *guaniqui* – ‘лиана’, *jicotea* – ‘черепаха’, *jutía* – ‘вид грызунов’, *yarey* – ‘пальма, из волокон которой плетут шляпы’ и др.

2. Кулинария: *ajíaco* (густая похлебка с мясом, перцем, кукурузой и другими овощами), *casabe* – ‘пресный хлеб из маниоки’, *frijol* – ‘фасоль’, *maní* – ‘арахис’ и др.
3. Предметы быта: *cutarra* – ‘домашняя туфля’, *guama* – ‘столовая миска’, *guayo* – ‘терка’, *jacate* – ‘веретено’ и др.
4. Строения: *bajareque* – ‘домишко’, ‘лачуга’, *bohío* – ‘хижина из дерева, ветвей или тростника без окон’, *caney* – ‘шалаш’, ‘коническая хижина’ и др.
5. Территории, участки земли: *batey* – ‘территория сахарного завода’, *conuco* – ‘маленький участок пахотной земли’, *manigua* – ‘поле, заросшее сорняками’ и др.
6. Обозначения лиц: *guajiro* – ‘крестьянин, мелкий фермер’, *jíbaro* – ‘крестьянин’, *jimagua* – ‘близнец’ и др.

Вышеупомянутый исторический период является временем первичной урбанизации Кубы, начатой экспедицией Д. Веласкеса. До конца 1514 г. экспедиция основала 7 первых поселений: Асунсьон де Баракоа, Сан Сальвадор де Байамо, Санта Мария де Пуэрто Принсипе, Сантьяго де Куба, Санкти Спиритус, Тринидад и Сан Кристобаль де Ла Гавана. В 1515 г. Д. Веласкес перенес свою штаб-квартиру из Баракоа в Сантьяго де Куба – первую столицу Кубы. Позже все они, кроме Баракоа, поменяли местоположение. Постепенное смещение экономической активности с востока на запад Острова, усилившееся в период с 1763 по 1893 гг., а если говорить об оттоке населения, то продолжающееся до сих пор, привело к определенной изоляции восточных областей, что не могло не отразиться на языке – в первую очередь, на формировании диалектной картины.

Период стандартизации (1763 г. – 1898 г.), как и предыдущий, характеризуется интенсивными языковыми контактами различных этнических

групп (в первую очередь, испаноязычных и африканских, франкоязычных креолов, американцев и т.п.). Именно в данный период формируется диалектная картина острова, в частности, усиливается культурная и лингвистическая обособленность восточных областей (Сантьяго де Куба, Баракоа), а также постепенно становятся ощутимыми фонетические и иные особенности (см. Главу 2). Данный этап является ключевым для развития основных отраслей кубинской экономики.

До начала XVII столетия основой экономики страны служили крупные скотоводческие хозяйства, на которых трудились черные рабы – представители различных африканских этносов. Тогда же на Кубе начало развиваться производство сахарного тростника и табака, и к началу XVII века Куба уже стала монопольным поставщиком сахарного тростника и табака в Испанию. Развитие сахарного и табачного производства, возможности быстрого обогащения за счет постоянного роста экспорта привели к тому, что начался процесс дробления скотоводческих латифундий и их переориентирование на производство тростника и табака.

К концу XVII – середине XVIII века борьба табаководов за наиболее плодородные земли достигла пика, т.к. раздел территории Кубы между испанскими завоевателями был завершен и свободных земель на Острове не осталось. В 1762 – 1763 гг., во время войны между Англией и Испанией, англичане, захватившие Остров, ввели режим свободной торговли, который способствовал оживлению его экономической жизни. Когда после окончания Семилетней войны (1756-1763) в Европе Остров был возвращен Испании, ей пришлось ослабить режим торговой монополии на Кубе. Это ослабление помогло Кубе наладить торговые связи с Европой, особенно с Францией, а затем – и с США, что, в свою очередь, вызвало общий подъем сахарного и табачного производства. К концу XVIII века на Кубе насчитывалось 339 крупных скотоводческих латифундий, 478 плантаций сахарного тростника, 7814 владений мелких хозяев, скотоводов, табаководов и др. Население Кубы быстро росло за счет переселенцев и рабов.

В XVIII веке на кубинские земли приходится активное миграционное движение французских помещиков и их рабов (причиной послужило восстание рабов, населявших северную часть Гаити, против французских колонизаторов). Их переселение обогатило региональную речь жителей восточной части Острова. М.Ф. Алуарт де ля Крус в качестве примера транскультурации гаитян на Кубе приводит «культурное процветание» деревенской общины «Эль Конгри» в провинции Грамма, где сохраняется много кулинарных и музыкальных традиций Гаити. Жители деревни, которая знаменита изготовлением музыкальных инструментов и головных уборов из волокон ярей, создали единственную на Кубе музыкальную группу, «сочетающую» гаитянский стиль *gaga* и кубинский *son*[1].

Количество ***галлицизмов*** в кубинском национальном варианте испанского языка невелико, однако данная группа также заслуживает внимания. Следует отметить, что диалектологический интерес представляют так называемые неинтернациональные галлицизмы, т. е. вошедшие непосредственно в рассматриваемый нами национальный вариант испанского языка.

Основой для проникновения на Кубу вышеупомянутых заимствований стала территориальная близость не только Гаити, но и франкоязычной Луизианы. Данные территории оказали значительное влияние на экономическое развитие Карибского региона в период становления кубинской нации. Интересным является тот факт, что французское влияние на испанский язык Кубы в целом носит региональный характер: большинство неинтернациональных галлицизмов можно встретить в речи именно восточных областей Острова, в то время как на западе они не столь распространены. Как отмечалось выше, в некоторой степени данная тенденция обусловлена миграцией франкоговорящих жителей Гаити, вызванной революцией 1791 г. и впоследствии оказавшей значительное влияние на экономическое и, прежде всего, культурное развитие региона, на географически близкий восток Кубы.

В большинстве случаев функционирование неинтернациональных галлицизмов в кубинском национальном варианте испанского языка связано с

[1] Подробнее см.: Алуарт де ля Крус 2012.

языком повседневного общения: *afiche* (от фр. *affiche*) – ‘афиша’, *bató* (от фр. *bachot*) – ‘лодка типа каноэ’, *bidel* (от фр. *bidet*) – ‘биде’, *caró* (от фр. *carreau*) – ‘мера измерения площади, соответствующая десятой части от 13 ГА’ и др.

Среди кубинских «бытовых» галлицизмов можно выделить и целые ЛСГ:

1) «одежда, аксессуары»: *creyón* (от фр. *crayon*) – ‘карандаш для губ’, *trusa* (от фр. *trousses*) – ‘купальный костюм’, *desabillé* (от фр. *deshabillé*) – ‘женский легкий домашний халат’, *corsé* (от фр. *corset*) – ‘корсет’ и др.
2) «пища»: *croqueta* (от фр. *croquette*) – ‘котлета цилиндрической формы в кляре’, *ecléar* (от фр. *éclair*) – ‘пирожное в виде трубочки с кремом’, *frapé* (от фр. *frappé*) – ‘пища, порубленная на мелкие кусочки’ и т.д.

Также из французского языка было заимствовано некоторое количество глаголов, к примеру, *epatar* (от фр. *épater*) – ‘удивлять, поражать, испытывать желание выделяться’ или *explosar* (от фр. *exploser*) – ‘взрываться’.

Неоспоримо и африканское влияние на кубинский национальный вариант испанского языка. Среди кубинских африканизмов часто встречаются названия племен, флоры и фауны, народных танцев и музыкальных инструментов, топонимы, слова, характеризующие внешность человека и др. Приведем наиболее частотные африканизмы в современном кубинском национальном варианте испанского языка, распределенные нами по лексико-семантическим группам:

1. Пища, продукты питания: *endila* – ‘блюдо из муки, воды и яиц’; *fufu* – ‘жареные бананы’; *tasajo* – ‘вяленое мясо’; *zambumbia* – ‘напиток из сахарного тростника’; *chibirico* – «‘язычки’ с сахаром» (вид сдобной выпечки) и др.
2. Музыкальные инструменты, музыкальная культура: *marímbula* – ‘маримбула’, народный щипковый инструмент’; *guapachá* – ‘гуапача’, распространенный на Антильских островах танец; *chachá* – ‘чача’, музыкальный инструмент из пустого гуиро (гуиро – плод горлянкового дерева, распространенного на Кубе и в Пуэрто-Рико); *aggbé* – ‘кубинские маракасы’ и др.
3. Негативная характеристика человека: *treniní* – ‘нищий’; *ensonga* – ‘бессловесный’; *entumbo* – ‘пьяный’ и др.

4. Предметы быта и обихода: *emeruaba* – ‘горшочек’; *kumaka* – ‘сумка из пальмовых листьев’; *orual* – ‘глиняный диск’ и др.
5. Мир флоры и фауны: *susú* – ‘земляной орех’; *musenga, misenga* – ‘сахарный тростник’; *mancueva* – ‘тигр’; *calabongo* – ‘светлячок’ и др.

Как показывают недавние исследования, в общем массиве эквивалентной и безэквивалентной предметной лексики, входящей в состав указанных лексико-семантических полей (ЛСП), африканизмы, в основном, концентрируются в ЛСП «музыка» и «кулинария» [Алуарт де ля Крус 2012: 68 –73]. Кубинский национальный вариант испанского языка также во многом обогатили африканские религиозные культы. Так, например, *bembé* (‘бембе’) – это название африканского ритуала в сантерии, призванного вызывать духа орише; *mayombé* (‘майомбе’) – ритуал религии Пало Монте из языка африканской народности банту. Само обозначение служителей религиозного культа также ощутило влияние африканских диалектов (‘жрец’ – *babalao*; ‘жрица’ – *yaloche*; ‘колдовство’ – *bilongo*).

Среди африканизмов довольно большую группу заимствований в кубинском национальном варианте испанского языка составляет лексика из языка эфик, *la lengua efik de Calabar* (Калабар – город на юго-востоке Нигерии), «завезенная» на Кубу вместе с рабами из Нигерии. Примечательно то, что бóльшая часть данной лексики «пришла» в язык из тюремного жаргона: *anarufié* – ‘подача левой руки для приветствия’; *chévere / chébere* – ‘сутенер’; *cufón eñóngoro* – ‘тюремное заключение’; *efión* – ‘кровь’; *erufié* – ‘подача правой руки для приветствия’; *eñongoró* – ‘кандалы’; *eutomiñón* – ‘земля’ и др.[1]

Некоторые слова из эфик вошли в состав кубинского национального варианта испанского языка через Андалузию, например, *hampa* – ‘воровское сообщество’, ‘преступный мир’. Отдельные лексемы, такие как *ñampiar* (‘убить’), стали частью кубинской фразеологии: *ñampiar un embori* – ‘заколоть козленка’, *(ser) ñampiti gorrión* (букв. ‘быть убитым воробьем’) – ‘умереть’ (стилистически соответствует русскому выражению *сыграть в ящик*). Вокруг происхождения

[1] Подробнее по данному вопросу см.: Valdés Bernal 2011.

последнего фразеологизма, возникшего сравнительно недавно и активно используемого кубинцами в современной разговорной речи, ходят легенды:

Cuentan que en La Habana de la década del 30 existió un personaje que acostumbraba a visitar las funerarias, aunque no conociera al difunto. Su práctica, que consistía en saludar a los dolientes, ofrecerles su pésame, acercarse a la caja, sentarse y despedirse puntualmente al filo de las 10 de la noche, luego de consultar su reloj de bolsillo, se hizo habitual, al extremo que la gente comenzó a llamarlo por el mote de "Nampiti Gorrión", en alusión al citado vocablo ('Говорят, что в Гаване в 30ᵉ гг. XX века существовал человек, который постоянно ходил на похороны, хотя не знал покойных. Его ритуал, который состоял в том, чтобы поприветствовать горюющих, выразить им соболезнования, подойти к гробу, сесть попрощаться ровно в 10 часов вечера, посмотрев на свои карманные часы, стал настолько привычным, что люди дали ему кличку «Убитый воробей», ссылаясь на соответствующий глагол') [http://arrajatabla.net/nampiti-gorrion/].

Отдельно следует отметить появление языка босаль – креольского языка, окончательно сформировавшегося на базе испанского языка в афро-негритянской кубинской среде во второй половине XIX века. В данном контексте необходимо подчеркнуть принципиальную разницу между неграми-босалами (*negros bozales*) и неграми-креолами, поскольку испанский язык, на котором они говорили, не был одинаковым. *Negros bozales*, или «новичками», называли негров, привезенных из Африки и еще осознававших свою принадлежность к прежней этнической группе, а, следовательно, плохо говоривших на испанском. Сам термин «босаль», имеющий латинское происхождение (лат. *bucceus* – 'рот', 'губа'), таким образом подчеркивал и внешние отличия «африканцев» (в частности – из-за их больших губ) от «белых» испанских колонизаторов.

На Карибах их легко отличали от негров-креолов, уже рожденных на Острове. Отечественный исследователь африканского влияния на испанский язык Кубы Е.Г. Вершинина выделяет 2 базовых признака, по которым была видна разница между двумя указанными группами. Во-первых, это – знаки, характерные для этнической общности босалов и территории их происхождения, которые

соответствовали типу его культуры со всеми ее иерархическими и религиозными сложностями. Во-вторых, негры-креолы, «оторванные» от Земли предков, уже не соблюдали ритуалов посвящения: «только некоторые – из подражания, а уже не по обязанности – наносили ритуальные шрамы» [Вершинина 2002: 90].

Поскольку рабы «происходили» из многих регионов африканского континента и принадлежали к самым разным племенам, общение между ними было возможно лишь на испанском языке, который стал для них *lingua franca*, удовлетворяя потребности в общении между собой и с хозяевами. Тем не менее, несмотря на то, что негры-босалы говорили на испанском языке, они усваивали его не по книгам и учебникам, а на слух, в упрощенной и примитивной форме. Это обуславливало большие расхождения между системой и так называемой «нормой» в речи босалов (в данном случае нет возможности говорить о какой-либо норме в научном понимании данного термина). В работах Г.В. Степанова термин *lengua bozal* переводится как «язык диких негров» [Степанов 1963: 42] или «язык негров-новичков» [Степанов 1979: 95].

Лингвисты-американисты Х. Кастельянос и И.М. Кастельянос утверждают, что на таком «деформированном испанском языке» на сегодняшний день говорит почти половина Кубы, и выделяет следующие характеристики данного «языка» в области фонетики и грамматики:

1) замена согласного звука *[d]* на *[r]* в начальной позиции: *Rió* (= *Dios*) – ‘Бог’, *risi* (= *dice*) – ‘он / она говорит’;
2) замена гласных звуков, чаще – в финальной безударной позиции:
   - *[o]* → *[u]*: *muríu* (← *morío*) = *muerto* – ‘мертвый’, *malafu* (← *malafo*) = *aguardiente* – ‘горячительный напиток’;
   - *[e]* → *[i]*: *ri* = *de* (предлог), *risi* (= *dice*) – ‘он / она говорит’;
3) использование личных местоимений только в именительном падеже:
   - *tá miní kun yo* (= *él / ella está viniendio conmigo*) – ‘он / она идет со мной’;
   - *akoddá rí yo* (= *se acordó de mí*) – «он / она вспомнил(а) обо мне»;
4) отсутствие флексий и безличных форм у глаголов и глагольных образований:

- *tá miní* (= *está viniendo*) – ‘он (уже) идет / вот-вот придет’ (герундиальная форма);
- *murío / morío* (= *muerto*) – ‘мертвый’ (причастная форма) [Castellanos J., Castellanos I. M. 1992: 355].

Лексика «языка босалов» получила в исследованиях кубинских ученых название «невольничий жаргон» (*jerga esclava*), который, помимо видоизмененных испанских слов (по «правилам», обозначенным выше), содержит слова и термины, «происходящие из языка рабов» и составляющие отдельный и довольно большой массив кубинской разговорной лексики. К таким словам относятся, например, *baracón* (от исп. *barracón* – ‘большой барак’) – ‘дом’ (вместо *casa*), *agua ri Papa Rió* (от исп. *agua de Papá Dios* – букв. ‘вода Отца Бога’) – «святая вода» (вместо *agua bendita*), *karo mucho buya* (от исп. *carro mucha bulla* – букв. ‘повозка много шума’) – ‘скорая помощь’ (вместо *ambulancia*), *welerura* (от исп. *huele duro* – букв. ‘пахнет тяжело’) – ‘духи’ (вместо *perfume*) и др.[1]

Таким образом, в течение XVIII века, в результате развития кубинской экономической и культурной общности, начала складываться кубинская народность (в том числе, и ее этнические характеристики), к середине XIX века получившая свое окончательное оформление.

Обретение независимости (1898 г. – настоящее время). В 1886 г. на Кубе было отменено рабство и чернокожие кубинцы были формально уравнены в правах с белыми. В 1893 г., в результате революционной вооруженной борьбы против испанцев под руководством Хосе Марти – известного кубинского поэта, писателя и публициста, Испания предоставила Кубе автономию. В 1898 г. началась испано-американская война, по итогам которой Куба на несколько лет перешла под контроль США, и только в 1902 г. была провозглашена, хотя и формально, независимая Кубинская Республика.

Первые два десятилетия XX века на Кубе характеризуются ускоренными темпами экономического роста в связи с благоприятной обстановкой,

[1] Подробнее по данному вопросу см.: Castellanos J., Castellanos I.M. 1992, Ortiz López 1999.

сложившейся после Первой мировой войны. В его основе, однако, лежали исключительно отношения с США: американский капитал, пришедший на Остров в результате торговли сахаром, был единственным бенефициаром экономического роста Кубы, поскольку американцы контролировали бóльшую часть производства сахарной продукции. Таким образом, благополучие, вызванное описанными процессами, оказалось нестабильным, и в 1920 г. резкое падение цены на сахар обанкротило финансовые институты Кубы.

Первая половина XX века по праву считается временем интенсивного проникновения англицизмов в кубинскую речь, время полновластной гегемонии США на Острове. Ученые отмечают ряд факторов, усиливших данный процесс, среди которых – социальная престижность американского образа жизни и культуры, активная экспансия американских торговых корпораций на Кубу, «массивная» реклама их продукции, проживание большого числа американцев-специалистов и членов их семей на Острове в тот период.

В кубинском национальном варианте испанского языка можно выделить несколько основных ЛСГ англицизмов. Так, начиная с первой половины XX века, наблюдается активный рост американской автомобильной промышленности, что не могло не отразиться на Кубе, тесным образом политически и экономически связанной с США. Интенсивность ввоза автомобилей на Кубу, рост их популярности, бурное развитие культуры вождения – все это выразилось в необходимости создания в языке терминов для обозначения новых объектов реальности.

Заимствование англоязычной лексики стало наиболее логичным способом восполнения данной лингвистической лакуны. Так, англицизмы в кубинском национальном варианте испанского языка используются для обозначения частей автомобиля, разновидностей транспортных объектов, а также объектов, связанных с автомобилями и управлением транспортными средствами:

- *cloche* (от англ. *clutch*) – ‘коробка передач’;
- *emergencia* (от анг. *emergency*) – ‘стояночный тормоз’;

- *yipi* (от англ. *GP – general purpose*) – ‘транспортное средство для любого типа поверхности’;
- *recapar* (от англ. *recap*) – ‘восстанавливать протектор шины’ и др.

Помимо автомобильной сферы, в кубинском национальном варианте испанского языка различные объекты и явления, связанные с технологической сферой (названия материалов, новых профессий, механизмов и т.п.), также нередко передаются при помощи прямого заимствования из английского языка или же посредством калькирования. Можно привести следующие примеры:

- *aire* (от анг. *air*) – ‘теле- и радиопередача’, *estar en air* – ‘идти (о передаче, программе)’;
- *elevador* (от анг. *elevator*) – ‘лифт’;
- *nailon* (от анг. *nylon*):
- ‘синтетическая ткань нейлон’;
- ‘любая синтетическая ткань’;
- ‘большое изделие, сделанное из нейлона’;
- *pleibo* (от анг. *plywood*) – ‘слоистая древесина’;
- *plo* (от анг. *plug*) – ‘штепсельная вилка’;
- *catao* (от анг. *cutout*) – ‘автоматический переключатель, предохранитель’;
- *teipe* (анг. *tape*) – ‘изоляционная лента’ и т.д.

Как и в других странах Латинской Америки, ЛСП «одежда» содержит большое количество англицизмов с меньшей степенью фонетической адаптации. Среди них можно упомянуть названия частей и предметов одежды:

- *suéter* (от анг. *sweater*) – ‘свитер’;
- *chor* (от англ. *shorts*) – ‘шорты’;
- *pulóver*, ум. *pullovito* (от англ. *pullover*) – ‘пуловер’;
- *yersi* (от анг. *jersey*) – ‘ткань джерси’;
- *ziper* (от англ. *zipper*) – ‘застежка-молния’ и некоторые др.

Первая половина XX века на Кубе была ознаменована подъемом национально-освободительного и рабочего движения, рядом восстаний и

несколькими экономическими кризисами. В 1923 г. произошло событие, получившее в истории название «Протест тринадцати» и положившее начало «интеллигентскому» движению на Кубе: группа интеллигентов, возглавляемая Р.М. Вильеной, поднялась против мошеннической продажи правительством монастыря Святой Клары.

В 1925 г., с приходом к власти Х. Мачадо-и-Моралеса, была предпринята попытка согласования интересов кубинской буржуазии и американского капитала, однако репрессивная политика Х. Мачадо-и-Моралеса привела к его свержению в 1933 г. Власть захватил армейский сержант Ф. Батиста, занявший в 1940 г. пост президента Кубы, а в 1952 г., в результате поражения на выборах, совершивший второй переворот и установивший военную диктатуру.

Год спустя начался период вооруженной борьбы отряда Ф. Кастро против режима, развернувшийся в полномасштабную революцию. После 1 января 1959 г. наступил новый этап кубинской истории – период социалистической республики. 1 мая 1961 г. Ф. Кастро объявил о социалистическом характере кубинской революции, в корне изменившей вектор внутри- и внешнеполитических взаимоотношений кубинского государства.

С момента победы кубинской революции и полного разрыва политических и экономических отношений с США начинается сближение Кубы и СССР. С 60^{х} гг. кубинская элита ориентируется на улучшение и укрепление отношений с Советским Союзом, начинается постепенная советизация страны. В этот период происходят такие процессы, как импорт социально-политических институтов, массовое обучение кубинских граждан в военных и образовательных учреждениях СССР, введение русского языка в качестве иностранного в кубинской средней и высшей школе, активное распространение переводных советских публицистических материалов, кинофильмов, что не могло не оставить следа в языке.

Влияние русского языка в целом проявляется в заимствовании и калькировании терминов, связанных со следующими областями жизни:

1) политическое устройство: *bolchevique* (‘большевик’), *komsomol* (‘комсомол’), *soviet* (‘совет – орган государственной власти в СССР’);
2) трудовая деятельность: *choque obra* (‘ударная работа’), *combinado* (‘комбинат’), “*Héroe del trabajo”* (‘«Герой труда»’), *obrero de avanzada* (‘передовик труда’), *quinquenal* (‘пятилетка’);
3) сельское хозяйство: *koljós* (‘колхоз’), *sovjós* (‘совхоз’), *sovnarjós* (‘совнархоз’);
4) образование: *aspirantura* (‘аспирантура’), *día de las puertas abiertas* (‘день открытых дверей’), *palacio de pioneros* (‘дворец пионеров’);
5) русская культура разных эпох: *balalaika* (‘балалайка’), *caftán* (‘кафтан’), *kopec* (‘копейка’), *kvas* (‘квас’), *matrioshka* (‘матрешка’), *mujik* (‘мужик’), *rublo* (‘рубль’), *samovar* (‘самовар’), *troika* (‘тройка’), *vodka* (‘водка’).

В силу изменения исторического контекста сегодня некоторые термины архаизируются из-за исчезновения обозначаемых ими реалий, например, вышеупомянутые *choque obra* (‘ударная работа’) или “*Héroe del trabajo”* (‘«Герой труда»’). Следует отметить, что в целом русизмы в кубинском национальном варианте испанского языка отличаются невысокой степенью ассимиляции и чаще сохраняют графическую форму и ударение, характерные для языка-донора. Тем не менее, в случае с отдельными словами, имеет место изменение семантических и морфологических характеристик слова: так, например, существительное *combinado*, изменив род, превратилось в *combinada* и получило значение ‘сельскохозяйственная техника, используемая для сбора сахара’.

Новый период жизни кубинского общества вызвал к жизни и другие новые слова, такие как *colectivo* (‘коллектив’), *cederista* (‘член CDR – Комитета защиты революции’), *alfabetizador* (‘участник компании по ликвидации неграмотности’), *anapista* (‘член ANAP – Национальной ассоциации мелких фермеров’), *anirista* (‘член ANIR – Национальной ассоциации новаторов и рационализаторов’), *federada* (‘член Федерации кубинских женщин’). Приобрели большую популярность и расширили свои первоначальные значения давно вошедшие в обиход кубинцев слова: *pionero* (‘пионер’, изначально – ‘поселенец, первопроходец’), *brigada* (‘бригада’, изначально – ‘группа’), *voluntario*

(‘доброволец, волонтер’), *activista* (‘активист’), *militante* (‘боец, солдат, ополченец’) и др.

В жизнь каждого кубинца вошли такие слова, как:

- *compañero(a)* (‘товарищ’) – общепринятая форма обращения в устной и письменной речи;
- *actividad* – ‘мероприятие’;
- *efectuar* – ‘совершать, выполнять, осуществлять’;
- *realizar* – ‘реализовать, осуществлять, воплощать в жизнь’;
- *asistencia* – ‘присутствие’;
- *ausentismo* – ‘систематические прогулы’;
- *cumplimiento* – ‘выполнение, исполнение’.

Кроме того, появились многочисленные, причем порой – совершенно ненужные условные сокращения, что характерно для постреволюционных десятилетий. Такие сокращения появились во Франции после французской революции, в советской России – в первые годы после Октябрьской революциии и т.д. Подобные явления, откровенно «уродовавшие» лексическую систему языка, не обошли стороной и кубинский национальный вариант испанского языка: *afectación* (‘конфискация’), *usuario* (‘пользователь имущества’), *cevep* (‘член Органов полицейской охраны’) и др.

Выводы по Главе 1

1. Испанский язык является полинациональным, поэтому ключевым при изучении его разновидностей выступает понятие «национальный вариант языка» и его отличия от территориального варианта, территориального диалекта и диалекта. Испанский язык на Кубе может быть классифицирован как национальный вариант испанского языка, поскольку удовлетворяет всем критериям данного термина:

- имеет статус официального и является родным для преобладающего числа жителей страны;
- имеет национальную литературную норму и лингвокультурологическую специфику;
- выполняет полный объем общественных функций.

2. Развитие испанского языка на Кубе тесно связано с историческим развитием страны. Каждый исторический этап обогащал кубинский национальный вариант испанского языка новыми возможностями. Традиционно выделяются 3 этапа его формирования:

1) *koinezación* («койнеизация» / «образование койне») происходит во время активного заселения Острова и зарождения его основных городов (1492 – 1762 гг.); характеризуется смешением языков коренного индейского населения, испаноговорящих европейцев различной диалектной принадлежности и, впоследствии, африканцев;
2) *estandartización* («стандартизация») характерна для XVIII – XIX веков (1763 – 1898 гг.); основным признаком являются интенсивные языковые контакты различных этнических групп (испаноязычных, африканских, франкоязычных креолов, американцев) и формирование диалектной картины Острова;
3) *independización* («обретение независимости» / «обособление») выступает периодом окончательного осознания кубинцами себя в качестве отдельной нации, периодом достижения всеобщей грамотности, осмысления и популяризации собственного кубинского национального варианта испанского языка и длится с начала XX века по настоящее время.

Благодаря насыщенной событиями истории страны, в «кубинском испанском» языке можно выделить следующие пласты лексических заимствований (даны в историческом ракурсе, от более ранних – к более поздним): арабизмы, гитанизмы, лусизмы, итальянизмы, индихенизмы, африканизмы, англицизмы.

3. Со второй половины XX века начинается активное изучение испанского языка Кубы и его популяризация с помощью научных организаций и сообществ, занимающихся изучением кубинской лингвистической картины. Появляются многочисленные словари и глоссарии кубинского национального варианта испанского языка; проекты, связанные с исследованием его особенностей; в течение 40 лет создается Лингвистический атлас Кубы; публикуется большое количество научных работ, посвященных данному национальному варианту. Интерес к его изучению виден не только в испаноязычном, но и русскоязычном научном сообществе, о чем свидетельствуют научные работы, опубликованные в последние десятилетия.

Глава 2. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В КУБИНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

§ 2.1. Национально-культурные особенности фонетической системы кубинского национального варианта испанского языка

«Произносительные» особенности того или иного национального варианта испанского языка выходят на передний план в большинстве исследований, поскольку именно фонетика отличается наибольшим количеством различий между диалектными и национальными разновидностями испанского языка. Фонетическая система испанского языка не является исключением из данного общего правила.

Как отмечал академик Г.В. Степанов, «диалектная дифференциация испано-американского ареала не имеет столь резких различий, которыми характеризуется лингвистическая карта Пиренейского полуострова» [Степанов 1966: 87]. По его мнению, все языковые изменения, происходившие в испанском языке на просторах Латинской Америки, связаны, прежде всего, с внешними причинами. Весь «исторически сложившийся комплекс фонетических признаков, характерный для ибероамериканского испанского языка (в который входят все многочисленные национальные варианты испанского пиренейского), «основаны на закономерных языковых изменениях, свойственных испанскому языку, но расшатанных в той или иной степени различными процессами» [Степанов 2004: 154].

Отличаясь довольно устойчивой системой гласных, составляющих более 50% языкового материала, фонетическая система испанского, тем не менее, характеризуется неустойчивой и неоднородной системой согласных: 19 согласных фонем дают более 50 вариантов произнесения, большинство из которых без труда воспринимаются на слух. Именно поэтому в области консонантизма проявляются основные диалектные различия между национальными вариантами испанского языка.

Сопоставляя фонетические особенности кубинского национального варианта и паниспанский вариант, можно отметить, что на Кубе они проявляются не столь ярко, как в иных регионах, например, в Аргентине или Мексике: здесь наблюдается усиление черт, характерных для андалузского диалекта первых европейских колонизаторов Острова:

- аспирация или выпадение *[*s*]* в конце слова: *[vámono]* (*vánomonos* – ‘идемте’), *[uté / ujtede]* (*usted / ustedes* – ‘Вы’ в ед. или мн. ч.);
- веляризация и элизия *[*n*]* в конце синтагмы и в конце слова: например, в словах *pan* (‘хлеб’) и *tango* (‘танго’) звук произносится мягче, чем в *nada* (‘ничего’);
- элизия согласных *[*p, b, t, d, k, g*]* в конце слова: *[oxeto]* вместо *objeto* (предмет).

Произношение губно-губных согласных *[b]* и *[p]* в целом не отличается от паниспанского варианта, однако при сочетании с некоторыми согласными могут возникать следующие произносительные вариации *[p]*:

- ассимиляция звука: *aceptable [ase: áβle]* (‘приемлемый’);
- эллипсис: *decepción [desesjón]* (‘разочарование’);
- соноризация: *compañera [kombaɲéra]* (‘коллега’);
- трансформация во фрикативный *[ɣ]: aptitud [aɣtitú]* (‘пригодность’).

В случае с *[b]*, в свою очередь, можно говорить о таких вариациях, как выпадение (при нахождении согласного в препозиции к дифтонгу *ue*): *bueno – [wéno]* (‘хороший’) и усиление посредством фрикативного велярного звука: *desguabinar – [deɦɣwaɣinár]* (‘причинять ущерб’).

Произнесение смычных губно-зубных *[t]* и *[d]* в кубинском национальном варианте испанского языка отличается высотой артикуляции: кончик языка не касается края верхнего ряда зубов, что характерно для всех регистров общения.

Смычный лингвовелярный *[k]* в случае сочетания с некоторыми согласными (например, *[kt]*, *[ks]*) произносится со следующими особенностями:

- ассимиляция: *producto [proðútto]* (‘продукт’);

- эллипсис: *dirección [diresjón]* (‘направление; адрес’), *examen [esámen]* (‘экзамен’);
- трансформация в фрикативный *[ɣ]: doctor [doɣtól]* (‘врач’).

В интервокальной позиции возможна реализация глухого велярного звука как фрикативного сонорного: *pequeña [peɣéɲa]* (‘маленькая’).

Общеизвестным является факт распространения на территории Латинской Америки двух фонетических явлений:

1) *seseo* – замена фрикативного звука *[s]* на альвеолярный фрикативный в его апикальном или предорсальном вариантах;
2) *yeísmo* – произнесение палатального *[l]* как фрикативного палатального *[y]* или аффрикаты *[ŷ]*.

Именно в данных явлениях проявляется наибольшее сходство разговорной речи носителей латиноамериканских вариантов с андалузским диалектом. На Кубе наличие названых явлений характерно для разговорной речи жителей всех диалектных зон.

В целом испанский язык на Кубе разделяет фонетические характеристики с другими странами, где распространен карибский диалект (например, Пуэрто-Рико и Доминиканская Республика).

Рассматривая систему гласных звуков в латиноамериканских национальных вариантах испанского языка, Г.В. Степанов отмечал, что «ни одно из фонетических изменений, наблюдаемых в системе гласных, нельзя отнести к фонетическим американизмам, поскольку сходные и подобные типы изменений широко распространены в пиренейском варианте испанского языка» [Степанов 1966: 87]. Таким образом, сложно говорить о собственно кубинских вариантных явлениях в области произнесения гласных. Тем не менее, в данном национальном варианте все же есть ряд характерных отличительных черт, связанных, в первую очередь, с нейтрализацией гласных в безударной позиции.

К примеру, гласный *[e]* в препозиции к ударному слогу имеет тенденцию к переходу в *[j]*, в особенности это заметно в определенных глагольных формах: *bateó [batjó]* (‘он отбил’), *paseaste [pasjaste]* (‘ты прогулялся’) и т.д. Также в

некоторых случаях происходит замена *[e]* на *[i]* в финальной позиции: *siquitraque – [sikitraki]* (‘стук’), *yute – [juti]* (вид материи).

В повседневной речи в некоторых многосложных словах происходит замена *[a]* на *[u]*: *arañar – [aruñar]* (‘царапать’), *batacazo – [batukaso]* (‘фиаско’). Помимо этого, в определенных словах, относящихся к разговорному и сниженному регистрам, наблюдается замена *[e]* на *[a]* и, наоборот, *[a]* на *[e]*: *estrellar – [estrajar]* (‘разбить’), *astilla – [estija]* (‘заноза’). В ряде случаев замена происходит в финальном слоге: *Cagua – [kague]* (‘Кагуа’).

Интересно проанализировать особенности метаплазма, характерные для кубинской речи. К примеру, говоря о протезе, можно отметить, что нередким для рассматриваемого нами национального варианта является «начальное добавление» *a-* и *en- / em-*, в большинстве случаев являющегося, однако, социально маркированным и характерным для сниженного регистра: *apreparar* < *preparar* (‘готовить’), *arresultar* < *resultar* (‘получаться’), *ajumarse* < *jumarse* (‘напиваться’). Довольно распространенным также является использование метатезы, или взаимной перестановки звуков, на почве ассимиляции или диссимиляции: *embarnudar* < *embadurnar* (‘пачкать’), *chirriquitico* < *chiquirritico* (‘малюсенький’).

§ 2.2. Национально-культурные особенности морфосинтаксической системы кубинского национального варианта испанского языка

Несмотря на то, что специфические особенности большинства латиноамериканских национальных вариантов наиболее широко проявляются на фонетическом и лексическом уровнях, на грамматическом уровне также можно обнаружить ряд черт, имеющих национально-культурную специфику. В области морфологии и синтаксиса особенности кубинского национального варианта испанского языка в целом соответствуют общекарибским тенденциям. Рассмотрим более подробно основные морфосинтаксические особенности, характерные для кубинского национального варианта испанского языка.

Весьма интересными выступают морфологические особенности, характерные для кубинской разговорной речи, обусловленные описанными ранее фонетическими процессами, в первую очередь – аспирацией и выпадением фрикативного звука *[s]* в конце слога, что приводит к видоизменению формального выражения ряда грамматических значений. К примеру, форма единственного числа объектного местоимения *le* также употребляется в качестве формы множественного числа:

– *Sí, distinguió a Renán y a Tunder, pero no le[Ø] prestó importancia a aquellas sombras* (‘Он смог различить [силуэты] Ренана и Тундера, но не стал обращать внимания на эти тени’) [Запись информантов].

Влияние вышеупомянутого фонетического процесса также выражается в изменении парадигмы форм определенного артикля мужского рода единственного (*el, la*) и множественного (*los, las*) числа:

– *Mira lo[Ø] palillito[Ø] de la[Ø] penca[Ø] de guano* (‘посмотри на прожилки в основании больших мясистых листьев’) [Запись информантов];

– *... cuando se metieron lo[Ø] americano[Ø] aquí* (‘когда американцы «влезли» сюда’) [Запись информантов].

Говоря, например, о доминиканском национальном варианте испанского языка, отечественные испанисты отмечают, что разграничение форм множественного и единственного числа и коммуникационное намерение говорящего может быть установлено лишь посредством анализа контекста [Плеухова, Куликовская 2017], что абсолютно верно и для кубинского национального варианта испанского языка.

Особенностям функционирования местоимений в кубинском национальном варианте посвящено большое количество исследований как в отечественной, так и зарубежной испанистике[1]. В целом здесь расхождения с паниспанским вариантом минимальны, повсеместно используется личное местоимение *ustedes* как форма второго лица множественного числа. Интересен тот факт, что употребление

[1] Подробнее по данному воспросу см.: Иванова, Мартынова, Хонкасало 1971; Михеева 1987, 1989; Гили и Гайа 1975; Пенни 2003 и др.

стандартной пиренейской формы *vosotros* встречается в «высоком слоге» поэтической речи с целью придания торжественности создаваемому образу. Ярким примером подобного употребления являются строки национального гимна Кубы:

– *Al combate corred, bayameses,*

que la patria os contempla orgullosa.

No temáis una muerte gloriosa,

que morir por la patria es vivir.

(Торопитесь в битву, люди Байямо,

За Отчизну, с гордостью смотрящую на вас.

Не бойтесь погибнуть во славе,

Умереть за Отчизну – значит, жить)

[https://es.wikisource.org/wiki/Himno_Nacional_de_Cuba].

В большинстве латиноамериканских вариантов, в том числе, и в кубинском национальном варианте испанского языка, используется следующая система личных местоимений третьего лица в функции прямого и косвенного дополнений: местоимения *lo / los, la / las* – в качестве прямого дополнения, местоимения *le / les* – в качестве косвенного. Последние, однако, все чаще встречаются в функции прямого дополнения для обозначения лиц в официальном контексте:

– *Los más importantes diarios y publicaciones, como The New York Times o Cambio 16, de España, se hacen eco de las declaraciones de los generales, soldados y personas que* ***le*** *vieron poco antes de morir* (‘Наиболее важные ежедневные издания, такие как *The New York Times* или испанская газета *Cambio 16* публикуют воспоминания генералов, солдат и других лиц, которым довелось его [Фиделя Кастро] увидеть незадолго до смерти’) [Из услышанного по радио].

Окказионально возможна постановка подлежащего, выраженного личным местоимением, в препозицию к инфинитивной конструкции, отличного от подлежащего основного предложения вместо стандартного использования глагола в субхунтиве: *antes de yo llegar* (‘до того, как я пришел’), *después de ella haber salido* (‘после того, как она вышла’):

– *También me contó que se había casado con un venezolano ... y* ***sin yo preguntarle*** *añadió que se había divorciado y estaba aquí por el verano* (‘Она также рассказала мне, что вышла замуж за венесуэльца … и, хотя я не спрашивала ее об этом, что уже развелась и приехала сюда на лето’) [Cabrera Infante 1979: 172].

С точки зрения лингвокультуральной специфики, интересна реализация местоименных форм обращения в кубинском национальном варианте испанского языка, что связано с феноменом сокращения социальной дистанции, характерным для социального развития большинства испаноговорящих регионов во второй половине XX века. На Кубе данные тенденции усиливаются после Революции 1959 г. в ходе реформ, направленных на гомогонизацию общества. Коммуникативный выбор местоимения *tú* в большинстве ситуаций указывает на крайне демократичный характер общества.

Предлог *en* на Кубе часто заменяется предлогом *para* для обозначения местонахождения: *Pepe está para Santiago* (‘Пепе сейчас находится в Сантьяго’). Можно отметить ряд расхождений кубинского национального варианта испанского языка с паниспанским вариантом и в области актуализации некоторых наречий. В первую очередь, это связано с нестандартной позицией наречия в предложении.

К примеру, для кубинского национального варианта испанского языка характерна постановка количественного наречия *más* в препозицию к отрицательным местоимениям *nada* (‘ничего’), *nadie* (‘никто’), отрицательному наречию *nunca* (‘никогда’): *más nada / más nadie / más nunca* (‘больше никто / ничего / никогда’) – наряду со стандартным постпозиционным вариантом данного наречия: *nada más, nadie más, nunca más*. Вариант с препозицией наречия отличается бóльшей степенью эмфатической окраски:

– *La reinserción no será difícil, tengo a mi mamá, mi esposa y mis hijos. Además soy profesor de historia, estudié en la prisión. Pero me gustaría mucho ser promotor cultural que es otra de las actividades que desarrollaba allí. Quiero sentir me libre, útil y no volver* ***más nunca*** *a prisión...* (‘Вернуться в общество будет нетрудно: у меня есть мама, жена и дети. Кроме того, я – преподаватель истории – получил

образование в тюрьме, но мне бы очень хотелось организовывать культурные мероприятия, это – одно из направлений, которыми я также здесь занимался. Я хочу чувствовать себя свободным, нужным и больше никогда-никогда не возвращаться в тюрьму’) [http://cartasdesdecuba.com/conversando-fuera-de-la-prision/].

Наречия места *detrás* (‘сзади’), *delante* (‘впереди’), *debajo* (‘внизу’) нередко являются частью сочетаний, образованных по схеме наречие + притяжательное местоимение в абсолютной форме: *detrás mío, debajo tuyo* (букв. ‘за моим / за твоим’). Для разговорной кубинской речи также характерно дублирование наречия *ya* (‘уже’) в начале и в конце высказывания: *Ya voy ya* – букв. ‘я уже иду, уже’:

– *¡Estás hablando como si fueras un dios y el resto por* ***debajo tuyo!*** (‘Ты так разговариваешь, как будто ты – Бог, а все остальные по статусу ниже тебя!’) [Запись информантов].

Помимо этого, следует отметить, что для кубинского национального варианта характерно использование наречий с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *ahorita* (‘прямо сейчас’), *por la mañanita* (‘утречком’), *por naíta / por naitica* (‘ни чуточки’); *feo* (‘некрасивый’, ‘страшный’) в значении *mal* (‘плохо’), *fuerte* (‘сильный’) в значении *fuertemente* (‘сильно’) и т.д. (что является типичной чертой карибских вариантов в целом), а также прилагательных в функции наречий:

– *Ay por dió por dió, ¡que me queda un examen y no me concentro* ***naíta****!* (‘Ах, боже мой, боже мой, у меня остался один экзамен, а я вообще не могу собраться!’) [Запись информантов].

– *Es super* ***feo*** *estar pensando en alguien que ni medio por ti, ¡****ahorita*** *estoy viviendo eso!* (‘Это ужасно – постоянно думать о ком-то, кому до тебя абсолютно нет дела, а именно это я и переживаю прямо сейчас!’) [Запись информантов].

Одним из важнейших механизмов, позволяющих языку развивать новые возможности, выступает словообразование. Появление новых лексических единиц

происходит по определенным словообразовательным моделям, исторически сложившимся в данном языке.

С точки зрения словообразования, для кубинского национального варианта наиболее характерными способами выступают суффиксация и словосложение.

Именно существующее в языковой системе испанского языка многообразие суффиксов позволяет выбрать один из синонимичных формантов, предлагаемых системой.

Процессы суффиксации в кубинском национальном варианте испанского языка в целом подчиняются паниспанским законам. В то же время в кубинском национальном варианте испанского языка можно выделить следующие активные суффиксы, обладающие национальным лингвистическим своеобразием:

1. – *dera:*

1) повторяющееся, продолжительное, привычное действие, например, *barredera* – ‘регулярный процесс подметания пола’;
2) стилистическое значение экспрессивности, интенсивности, эмоциональная окраска действия, например, *discutidera* – ‘постоянные разговоры, болтовня’;
3) состояние: *arrancadera* – ‘крайняя нищета, нехватка чего-либо’;
4) агент, инструмент, место для выполнения действия: *bañadera* – ‘небольшая ванночка для купания детей’, *agarradera* – ‘тканевая прихватка для сковороды’.

2. –*illo:*.

1) состояние: *culillo* – ‘состояние беспокойства, неусидчивость’, *barenillo*- ‘мономания’;
2) предмет, имеющий сходство с обозначаемым словом, от которого посредством данного суффикса было образовано новое слово: *barquillo* (от *barco*) – ‘вафельная трубочка от мороженного’.

С помощью данного суффикса часто образуются фитонимы и зоонимы, причем словообразование может осуществляться как на основе заимствованных индихенизмов, так и на базе исконной лексики: *piojillo* – ‘насекомое-паразит’; *tamarindillo* – растение Lysiloma bahamensis; *corojillo* – растение Cyperus rotundus;

hicaquillo – название ряда растений, имеющих сходство с кокосовой сливой (икако); *mamoncillo* – растение Melicoccus bijugatus и т.д.

3. *–ngo.* По мнению лингвистов, данный суффикс имеет африканское происхождение[1]. В кубинском национальном варианте испанского языка он является весьма продуктивным, имеет экспрессивное значение высшей степени качества, интенсивности: *flacudengo* – ‘очень худой’, *querindango* – ‘любимый, дорогой’, *flojindango* – ‘обессиленный’, *machango* – ‘ведущий паразитический образ жизни’, *musicanga* – ‘музыка очень плохого качества’.

4. *–eco*. Обозначает принадлежность к определенной нации, народу, например, *cubaneco* – ‘кубинский’.

5. *–ismo.* Данный суффикс является весьма продуктивным при образовании различных терминов: политических, экономических, религиозных, относящихся к миру музыки, лингвистических и т.д. Можно привести следующие примеры: *ñañiguismo* – ‘совокупность религиозных и культурных обрядов общества абакуа’, *aruaquismo* – ‘слово из аравакского языка’, *siboneyismo* – ‘кубинская литературная тенденция, связанная с романтическим восхвалением природы и обращением к жизни доколумбовой Кубы’, *bandidismo* – ‘действия вооруженных антиреволюционных групп’. Все вышеперечисленные термины относятся к официальному регистру.

6. *–ete:*

1) «продуктивный» суффикс для образования музыкальных, спортивных и кулинарных терминов: *majanete* – ‘сладкое кушанье из перемолотой молодой кукурузы, молока и сахара’, *doblete* – ‘удар, позволяющий игроку достигнуть второй базы в бейсболе’;
2) крайняя степень чего-либо, значение преувеличения: *segurete* – ‘абсолютно безопасный’.

Во многом выбор зависит от лингвистического сообщества, регистра общения, коммуникативной ситуации, и, конечно же, он почти всегда мотивирован тенденциями того или иного национального варианта. В связи с

[1] Подробнее по данному вопросу см.: Castellanos 1992.

этим можно констатировать наличие национальной предпочтительности к определенной суффиксальной модели, а также – к тому, что механизмы словосложения выступают в качестве важных механизмов диалектной идентификации и дифференциации.

Для кубинского национального варианта испанского языка в словосложении типичными, как и в других испаноязычных странах, являются следующие модели:

1) удвоение глагола по модели (V+V): *pegapega* – а) ‘сильное влечение к чему-либо’; б) ‘вещество, оставляющее на ткани трудно смываемые пятна’;
2) комбинации полных слов по моделям (SUST+ADJ, SUST+SUST, ADJ+ SUST): *casasola* – а) ‘человек, предпочитающий уединение, не выносящий компанию’; б) ‘ярко выраженный индивидуалист, эгоист, заинтересованный лишь в собственных интересах’; *bobopinareño* – ‘глупый, простоватый человек’; *bolsanegra* – нелегальные места торговли; *‘bicicletataxi* – велотакси; *malhumor* – ‘нелюдимый человек’; *malacrianza* – плохое воспитание;
3) комбинации двух слов, предполагающие частичное усечение одного из компонентов:
   - *trénbus* – ‘рейсовый автобус больших размеров’;
   - *turistaxi* – ‘такси, в котором возможна оплата валютой, предназначенное для иностранцев’;
   - *servicentro* – ‘заправочная станция, на которой также возможно техническое обслуживание автомобиля’;
4) комбинация слов, имеющих различное этимологическое происхождение: *petiminí* – ‘истощенный, худой человек’; *driquibeba* – ‘сильноалкогольный напиток’;
5) лексикализация наречных конструкций: *porsiacaso* – ‘авоська, взятая с собой на случай непредвиденных покупок (в условиях дефицита)’, *malagredecido* – неблагодарное поведение.

Выводы по Главе 2

1. Лингвокультурная специфика кубинского национального варианта испанского языка проявляется на всех языковых уровнях, однако его фонетические и морфосинтаксические структуры в целом соответствуют диалектной группе Карибского бассейна.
2. С точки зрения фонетики, на Кубе наблюдается усиление черт, характерных для андалузского диалекта первых европейских колонизаторов Острова: аспирация или выпадение *[*s*]* в конце слова; веляризация и элизия *[*n*]* в конце синтагмы и в конце слова; элизия согласных *[*p, b, t, d, k, g*]* в конце слова.
3. Для речи жителей всех диалектных зон Кубы (в классификациях разных исследователей их выделяется от 5 до 16), как и для всей Латинской Америки, характерно наличие двух явлений – *seseo* и *yeísmo*.

   Во всех диалектных зонах Кубы к собственно фонетическим особенностям относятся нейтрализация гласных в безударной позиции, аспирация согласного *[r]* перед звонкими согласными, взаимозамена *[l]* и *[r]* и регрессивная ассимиляция *[s]*, вплоть до его полного исчезновения.
4. Основными особенностями, присущими грамматике кубинского национального варианта испанского языка, выступают следующие:

1) как и в других латиноамериканских национальных вариантах испанского языка, личное местоимение *ustedes* узуально как форма второго лица множественного числа, а употребление формы *vosotros* характерно для поэтической речи;
2) для косвенных форм личных местоимений существует тенденция к использованию *le / les* в функции прямого дополнения для обозначения лиц в официальном контексте (вместо *lo / los, la / las*);
3) в области предлогов – замена *en* предлогом *para* для обозначения местонахождения; в области наречий – нестандартная позиция в предложении (препозицию отличает бóльшая степень эмфатической окраски), дублирование и большое количество диминутивных форм.

5. С точки зрения словообразования, для кубинского национального варианта испанского языка наиболее характерными способами выступают суффиксация и словосложение. Продуктивными суффиксами, обладающими национальным лингвистическим своеобразием, являются *–dera, –illo, –ngo, –eco, –ismo, –ete.* В словосложении типичными, как и в других испаноязычных странах, являются следующие модели: удвоение глагола по модели глагол+глагол; комбинация полных слов по моделям (существительное+прилагательное, существительное+существительное, прилагательное+существительное); комбинации двух слов, предполагающие частичное усечение одного из компонентов; комбинация слов, имеющих различное этимологическое происхождение; лексикализация наречных конструкций.

Глава 3. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КУБИНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

§ 3.1. Национально-культурные особенности лексической системы кубинского национального варианта испанского языка

Лексическая структура любого языка находится в состоянии постоянного изменения и развития, чему немало способствует необходимость актуализации лексической структуры и ее адаптации под новые условия. Происходящие лингвистические изменения почти всегда неразрывно связаны с социальным и экономическим развитием страны. Как всякий живой язык, он активно реагирует на происходящие процессы: снижается актуальность и социальная необходимость одних лексических элементов, в то же время появление новых реалий ведет к необходимости образования новых десигнативных знаков.

Лингвисты (См.: [Степанов 1979; Виноградов 2003; Нарумов 2008; Садиков 2018; Casares 1950; Fernández 2008]) выделяют следующие основные пути пополнения лексического состава испанского языка:

1. Создание новых слов на основе продуктивных словообразовательных моделей.
2. Включение в словарь заимствованных лексических элементов из языков различных групп: индихенизмов, африканизмов, заимствований из европейских языков и т.п.
3. Переосмысление исконных лексических элементов испанского языка.

Остановимся на их более подробном рассмотрении.

Как отмечает Г.В. Степанов, «лексический уровень любого национального варианта представляет особый интерес для исследователей именно потому, что дифференциация местных национальных разновидностей испанского языка происходит через определение расхождений в области словарного состава базового языка» [Степанов 1966: 148]. Именно эти расхождения и являются наглядным доказательством развития испанского языка в новых культурных условиях Латинской Америки.

Известно, что, наряду с образованием новых слов, в основе пополнения культурно-специфического лексического пласта также лежит заимствование. Лингвистический энциклопедический словарь определяет заимствование как «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов из одного языка в другой» [ЛЭС 1990: 89]. Традиционно выделяют внешние (экстралингвистические) причины заимствования и внутренние, собственно лингвистические, связанные с потребностью уточнить или детализировать соответствующее понятие, разграничить некоторые смысловые оттенки.

На основе анализа особенностей конкретной социолингвистической ситуации, а также анализа комплекса переменных и постоянных, внешних и внутренних причин заимствования, испанский лингвист Х.Х. Фернандес выделяет основные параметры, характеризующие процесс лексического заимствования в кубинском национальном варианте испанского языка, к которым относятся:

1) необходимость в наименовании новых объектов действительности, обусловленная лексическим несоответствием собственно испанских языковых средств;
2) необходимость в интенсивной межэтнической коммуникации, способствующей лингвистической и культурной гибридизации;
3) влияние индейского субстрата, африканского субстрата, английского и французского суперстратов, связанных с транскультурацией и постепенной декультурацией определенных этнических групп (индейский субстрат, африканский субстрат), а также культурной экспансией и глобализационными процессами (английский адстрат);
4) действие принципа лингвистической экономии: заимствованный лексический элемент вытесняет более громоздкую перифрастическую конструкцию;
5) использование заимствованной лексики в качестве маркера принадлежности к определенной этнической и социальной группе: к примеру, лексические элементы из группы «музыкальные инструменты», «музыкальная культура»,

«танцевальная культура» в качестве демонстрации африканской идентичности [Fernández 2008: 15 – 38].

Значительное влияние на становление кубинского национального варианта испанского языка оказал английский язык. На Кубе это объясняется историческими условиями сосуществования английского и испанского языков в XVIII веке, а также влиянием на экономику Кубы английских флибустьеров в более раннем периоде.

Так, в кубинском национальном варианте испанского языка существует ряд англицизмов, предположительно вошедших в него в первой половине XIX века и ранее, о чем свидетельствует высокая степень фонетической адаптированности лексем. Примером может служить междометие *pío tai* (букв. ‘прошу время’ – измененное *pido tain*, от английского *time*), используемое детьми в подвижных играх с целью получения паузы (ср. русское *я в домике*). К другим примерам фонетически адаптированных заимствований из английского языка можно отнести слова *disyóquey* (от англ. *disc jockey*) – ‘диджей’, *bisté* (во мн. ч. *bistés*) – ‘бифштекс’ (от англ. *beefsteak*), *esprín* – ‘спринт’ (от англ. *sprint*; во мн. ч. – *esprines*; глагол, образованный от данного существительного – *esprintar*; ‘спринтер’ – *esprínteres*, только во мн. ч.) и т.д.

Интересными являются особенности фонетической адаптации англицизмов, вошедших в корпус кубинского национального варианта испанского языка в разный период. Ученые обращают внимание на то, что ранние заимствования характеризуются добавлением парагогической *[e]*: англ. *crank* (‘прихоть’, ‘человек с причудами’) – *cranque*; *pancake* (‘блин’) – *panqueque*.

Заимствования, пришедшие в испанский язык в более поздний период, в свою очередь, характеризуются тенденцией к выпадению финальных согласных, чье положение в данной позиции нехарактерно для просодической системы испанского языка: англ. *cake* (‘пирожное’) – *quei*. Также известны случаи, когда в процессе адаптации различные заимствования в конце концов приобретали одну форму, т. е. можно говорить об определенной омонимии данных слов:

ponche – 1. (англ. *puncture*) прокол в шине транспортного средства;

2. (англ. *punch*) крепкий алкогольный напиток.

Н.М. Фирсова приводит 5 основных видов лексико-семантических расхождений между лексическими единицами паниспанского варианта и национальными вариантами испанского языка:

1. Лексические единицы, совпадающие в плане выражения, но различающиеся в плане содержания при совпадении определенного семантического компонента их значений.
2. Лексические элементы, схожие в плане выражения, но полностью различные в плане содержания.
3. Межвариантная антонимия – слова совпадают по внешней форме, но обладают противоположным значением.
4. Межвариантная синонимия – слова различны по звучанию, но схожи по лексическому значению.
5. Сопоставляемые лексические единицы частично различаются по виду, но имеют близкое или схожее значение [Фирсова 2000: 39 – 45].

Анализ лексических единиц, представленных в одно- и двуязычных словарях, а также в текстовых корпусах испанского языка (*Corpus RAE* и *Corpus del Español*) позволил выделить ряд ЛСГ, содержащих национально-культурную коннотацию: 1) «национальные блюда и напитки»; 2) «предметы быта и повседневного обихода»; 3) «флора и фауна»; 4) «свойства человеческого характера, оценочная лексика»; 5) «внешний вид человека».

Сравнивая семантику лексических единиц (ЛЕ) ЛСГ «дом и быт» в Испании и на Кубе, мы обнаружили, что на Кубе особенности значения имеют следующие слова: существительное *casa*, кроме значения ‘дом’, имеет также значение ‘ставка в игре в кости (домино)’; *cama* – это не только ‘кровать’, но и ‘кузов грузовика’, а также ‘срез, сделанный топором на дереве’; *caldo* – и ‘бульон’, и ‘газы при вздутии живота от несварения’, и ‘назойливый человек’; *cuchara* – ‘ложка’,

‘штукатурная лопатка’ и ‘мастерок каменщика’; *tenedor* – ‘вилка’ – дает название и садовым вилам; *jabón* – наименование морской рыбы Rypticus saponaceus и т.д.[1]

Ниже в Таблице № 2 представлены результаты сопоставительного анализа семантики наиболее узуальных ЛЕ, получивших в речи кубинцев расширение значения.

Таблица № 2

Список исконно испанских ЛЕ, частично изменивших (в сторону расширения) свои значения в кубинском национальном варианте испанского языка

Лексическая единица	*Общеиспанское лексическое значение*	*Лексическое значение в кубинском национальном варианте испанского языка*
piña	ананас	1) ананас; + 2) шишка; + 3) тройник (термин из электрики)
fritura	жареные продукты	1) жареные продукты + 2) оладьи
cabaña	хижина, шалаш	1) хижина, шалаш; + 2) небольшой одноэтажный дом, предназначенный для отдыха; + 3) номер в отеле с двумя или более спальнями и гостиной
descarga	разгрузка, выгрузка	1) разгрузка, выгрузка; + 2) музыкальное выступление перед немногочисленной публикой; + 3) молодежная вечеринка с музыкой; + 4) нудная болтовня; + 5) выговор, упрек

[1] См.: Diccionario del español de Cuba 2000: 103, 122, 170, 310.

Продолжение Таблицы № 2

haragán	лентяй, бездельник	1) лентяй, бездельник; + 2) швабра с резинкой для мытья полов
aporreado	1) бедный, нуждающийся; 2) несчастный, горемычный; 3) протяжный; тягучий (о звуке)	1) бедный, нуждающийся; 2) несчастный, горемычный; 3) протяжный; тягучий (о звуке); + 4) блюдо из говядины, телятины, вяленого мяса или трески с луком, чесноком, помидорами и т.п.
acordeón	аккордеон (музыкальный инструмент)	1) аккордеон (музыкальный инструмент); + 2) шпаргалка (из-за сходства по форме с гармошкой); + 3) двухсекционный автобус

Довольно распространенным в кубинском национальном варианте является процесс изменения семантики как своеобразной «перестройки» внутри предметной лексики. Так, один паниспанизм может приобретать значение другого паниспанизма, не использующегося на Кубе.

Примером может служить пара лексем *pepita* и *semilla*: в Испании *pepita* – ‘семя, семечко, косточка (плода)’, а *semilla* – ‘зерно’, но на Кубе в обоих значениях используется только *semilla*. Подобное мы можем наблюдать при функционировании лексем *sandía* и *melón*. Если испанец для обозначения арбуза использует *sandía*, а дыню именует *melón*, то кубинцы оба плода именуют соответственно *melón* и *melón de Castilla*. Лексема *sandía* в кубинском национальном варианте вообще не используется.

В рамках процесса переосмысления лексики встречаются и более сложные «схемы». *Bodega* в Испании – винный магазин, а на Кубе – бакалейная лавка. В свою очередь, для обозначения бакалейной лавки испанцы используют слово

tienda, которым в кубинском национальном варианте испанского языка называют магазин тканей.

С другой стороны, существует множество паниспанизмов, широко распространенных на Кубе и почти не используемых в Испании. Ряд слов данного типа представлен в Таблице № 3.

Таблица № 3

Список наиболее распространенных ЛЕ, свойственных только кубинскому национальному варианту испанского языка

Общеиспанская ЛЕ	*Лексический синоним в кубинском национальном варианте испанского языка*	*Перевод на русский язык*
entada principal	*portal*	главный вход
cámara	*sala*	палата (учреждение)
baño, retrete	*servicio*	туалет
cacerola	*caldero*	кастрюля
tostador	*tostadora*	тостер
ordenador	*computadora*	компьютер
tocador, mesilla	*mesita de noche*	прикроватный столик
manta	*colcha*	одеяло
acerico	*alfiletero*	игольник
pedazo, trozo	*retazo*	лоскут
mosquitera	*mosquitero*	москитная сетка
mango	*agarradera*	рукоятка
emplasto	*curita*	пластырь
elástico	*liga*	резинка (д. одежды)
pendientes	*aretes*	серьги
aperitivo	*entrante*	аперитив

Указанные расхождения являются следствием ряда факторов. Во-первых, они могут быть связаны с особенностями национальных вариантов испанского языка под влиянием других языков. Так, для обозначения компьютера в Испании

предпочтительна лексема *ordenador*, заимствованная из французского языка (от фр. *ordenateur*), тогда как в странах Латинской Америки, в силу исторических причин, употребительно слово, пришедшее из английского языка (англ. *computer*). При этом в одних странах, например, в Чили и Колумбии, используется форма м. р. *computador*, а в других, в том числе, и на Кубе, форма ж.р. – *computadora*.

Еще одним фактором, повлиявшим на различия в лексике «кастильского испанского» и кубинского национального варианта испанского языка, может быть семантический «сдвиг» по родо-видовому принципу: например, слово *arete* на Кубе (как и в других странах Латинской Америки) обозначает любую серьгу, а в Испании – только серьгу колечком (общее название для серьги – *pendiente*). Тот же процесс наблюдается в семантике слова *liga*, обозначающего резинку для любой одежды в Латинской Америке и резинку для чулок, либо медицинский бандаж в пиренейском национальном варианте испанского языка.

Отличия также могут быть связаны с процессом архаизации лексических единиц в пиренейском национальном варианте испанского языка. Примером может служить лексема *portal*, одно из значений которой в Испании – ‘въездные городские ворота’ – трансформировалось в ‘главный вход’ и на сегодняшней день малоупотребительно. На Кубе данное значение является первым в списке толкований и считается наиболее узуальным.

Архаизация отдельных значений многих лексем происходит и внутри кубинского национального варианта испанского языка. В первую очередь, речь идет о словах индейского и африканского происхождения, то есть лексике, представляющей культурно-специфический пласт испанского языка Кубы. На основе анализа лексики подобного рода нами были выделены следующие процессы, связывающие устаревшее значение слова с его современной семантикой:

1) метафоризация;
2) метонимический перенос;
3) родо-видовая трансформация.

Некоторые примеры найденных нами индихенизмов и африканизмов, иллюстрирующих указанные процессы, представлены в Таблице № 4.

Таблица № 4

Список семантических архаизмов в кубинском национальном варианте испанского языка

Лексическая единица	*Устаревшее значение в кубинском национальном варианте испанского языка*	*Современное значение в кубинском национальном варианте испанского языка*	*Принцип переноса*
achiacabo	близкий родственник	дедушка	родо-видовая трансформация
aqüita	насекомое	маленький подарок	метафоризация
bayatú	голова	мяч	метафоризация
bemgua	чародей	черная магия	метонимический перенос
coigua	корзина	материал	метонимический перенос
esbirro	убийца	хищная птица	метафоризация
jamo	рыбалка	рыболовная сеть	метонимический перенос
tety	человек маленького роста	малек (рыба)	метафоризация

Для некоторых слов процесс, повлиявший на связь значений, установить не удалось, следовательно, мы не можем утверждать, имел ли в данном случае место процесс семантической архаизации или произошло полное изменение лексического значения слов.

В кубинской лексике также существует ряд слов, этимология которых до конца не изучена. К ним можно отнести ЛЕ следующих ЛСГ:

1) «предметы быта»: *bayeta* (‘фланелевая ткань’), *artesa* (‘корыто, кормушка’), *bastoncillo* (‘тросточка’, ‘палочка для чистки ушей’), *vitola* (‘мерка’), tiritas (‘лейкопластырь’) и др.
2) «одежда и аксессуары»: *pelele* (‘ползунки’), *arete* (‘серьга’), *gafas* (‘очки’, ‘заушники для очков’), *pita* (‘панама’);
3) «предметы косметики»: *barra de labio* (‘губная помада’);
4) «пища и предметы кулинарии»: *gacha* (‘каша’; ‘плошка’), *carajillo* (напиток из кофе и рома или бренди) и т.д.

Большая часть ЛЕ указанных ЛСГ в кубинском национальном варианте имеет латинское происхождение. Можно сказать, что лексика латинского языка в целом является главной составляющей лексического фонда в испаноговорящих регионах, и превалирование ЛЕ латинского происхождения обеспечивает взаимопонимание кубинцев с остальным испанским миром. Таким образом, ЛЕ латинского языка, составляя значимый массив среди слов, употребляемых как в большинстве испаноговорящих стран, так и в отдельных странах Латинской Америки, способствуют «вовлечению» кубинского национального варианта в активный дивергирующий процесс.

Отличительной чертой лексики кубинского национального варианта выступает наличие в нем ЛЕ, в которых сосуществуют сочетания как латинско-французской (*alfiler de criandera* – ‘английская булавка’), так и арабско-латинской (*azcar prieta* – ‘сахар-сырец’, *taza bola* – ‘чаша для пунша’), таино-латинской (*rosita de maíz* – ‘воздушная кукуруза’) и кечуа-латинской (*pelapapas* – ‘нож для чистики картофеля’) этимологии [Алуарт де ля Крус 2012].

Одной из отличительных особенностей кубинской речи выступают именные маркеры, чьей функцией является полное выражение всех оттенков степени наличия или отсутствия социальной дистанции с собеседником. В зависимости от прагматической функции, в кубинском национальном варианте испанского языка мы выделяем следующие группы именных маркеров:

1. Указывающие на социальное равенство. Непосредственно личное знакомство с собеседником не обязательно: *compadre* – ‘товарищ’, ‘друг’; *consorte*

– ‘приятель’, ‘товарищ’; *socio* – ‘компаньон’, ‘приятель’, ‘товарищ’. Отметим, что большинство примеров мы приводим из речи людей, знакомых между собой, однако в ходе сбора материала нам встретилось немало дискуссий в Интернет-пространстве, где незнакомые собеседники активно использовали указанные способы обращения:

– *Quiero felicitarte a ti a tu papá,* ***compadre,*** *con gente como uds todo va a cambiar…* (‘Дружище, я хочу поздравить тебя и твоего отца, с такими людьми, как Вы, все изменится…’) [Из разговора в баре].

– *Mientras,* ***consorte****, vamos a echarnos unos lagers. ¿Qué volá? ¿Sirvió?* (‘А пока, приятель, давай-ка опрокинем по кружке светлого. Ну, что? Пошлó?’) [Из разговора в баре].

– *Muchas gracias por haber venido, mi* ***amigo*** *querido, mi* ***socio****. Me gustó mucho la entrevista y la sinceridad de un grande actor como lo es Osvaldo Doimeadiòs* (‘Большое спасибо за то, что ты пришел, мой дорогой друг, мой товарищ. Мне очень понравилось интервью и твоя искренность – такого великого актера, каким являешься ты – Освальдо Доймеадьос’) [Из кубинской телепередачи].

– *Bien saludos par ti mi* ***socio*** *y se acabó el tema entre nosotros* (Всего тебе хорошего, приятель, и давай уже закроем тему) [http://elduke.wordpress.com/2009/04/08/yunel-escobar-habla-sobre-la-realidad-de-los-peloteros-cubanos/, здесь и далее орфография авторов сохранена].

Некоторые маркеры указанной группы имеют африканское происхождение: *asere, monina, nagüe, ecobio, ambia / mi ambia* (‘друг’, ‘дружбан’, ‘приятель’, ‘чувак’). Данная группа маркеров является характерным компонентом распространенных приветственных формул: *¿Qué volá / bolá, asere / acere?* (‘Как дела, приятель?’ – клише, характерное только для кубинского национального варианта испанского языка). Обращения из данного ряда – наиболее частотные маркеры разговорной речи как «на улице», так и в Интернет-дискуссиях и блогах:

– *Cuídate mucho,* ***mi ambia****, y cuida mucho a tu esposa, que vale lo que pesa en oro...* (‘Береги себя, мой дорогой, и супругу береги, она у тебя - на вес золота…’) [Из разговора двух мужчин в возрасте].

– *Gracias ElChago por tu amable opinión. Dices "pero coño no se puede tapar el sol con un dedo, los aguaceros desde USA eran de a quintal y con buenos granizos" y eso, me perdona, me causa risa jajaj.* ***Asere, naguito, monina*** *tu no sabes,* ***consorte****, que cuando un gatico repelao y muerto de hambre le tira guaperia a un tigre este ultimo no se pone a maullar con el* ('Спасибо тебе, ElChago, за твое чудесное мнение. Ты говоришь: «Ну, блин, нельзя же пальцем закрыть солнце, Америка нахлынула на нас, как крутейший ливень с мощным градом», – и это, прости меня, конечно, вызывает усмешку, хаха. Друг мой, дружок, дружище, ты, видимо, не представляешь, мой хороший, что, если драный кот, умирающий от голода, станет заигрывать с тигром, тот не начнет мяукать в ответ') [https://espaciodeelaine.wordpress.com/2009/02/27/cincuenta-veces-cuba/].

– *Buenas tardes, Armiencita. Buenas tardes,* ***ecobio*** *JUDAS. Buenas tardes, hermano LUIS. Y también para todos los distinguidos de este Blog* ('Добрый день, Армьенсита. Добрый день, дружище Худас. Добрый день, братишка Луис. И все-все участники блога') [http://lageneraciony.com/?p=3226&cp=all].

– *Sinceramente prefiero escuchar a un cubano decir* ***"asere", "monina", "ambia", "el mío"*** *o la tan utilizada* ***"que bolá"****, entre otras frases típicas y reconocidas como riqueza de nuestra cubanía, para nada es degeneración de el cubano pues nos da autenticidad. Prefiero eso a tener que escuchar a otras expresiones como "¡Brother!", "¡very good!", "¡man!", "¡what!"...* ('Вот честно, я предпочитаю слышать, как кубинец говорит: "asere", "monina", "ambia", "el mío" или такое характерное для нас "que bolá", или другие типичные и узнаваемые вещи, которые являются богатством нашей кубинской натуры и речи. И никакая это – не деградация народа, наоборот, это – наша визитная карточка. И я предпочитаю слышать именно эти выражения, а не американские ¡Brother!, ¡very good!, ¡man!, ¡what!') [http://ecured.cubava.cu/2012/02/08/los-aldeanos-la-aldea-en-guerra/].

2. Указывающие на тесные личные отношения: *puchi, puchungo, puchucho* ('милый', 'дорогой'), *cosita* (букв. 'вещичка'), *mi cielo* ('солнышко мое'), *mi amor* ('любовь моя'), *mi vida* ('жизнь моя'):

– *¿Pa' qué tal mirada perdida de la tristeza,* ***puchucho****?* (Что за потерянный взгляд, зайка?) [Из разговора молодых людей].

– *Sólo pienso en qué estarás haciendo en este momento, en dónde estarás y con quién. Te has convertido en una persona muy especial para mí, en mi vida entera,* ***mi amor, mi cielo, mi tesoro*** *y* ***mi cosita*** *hermosa. Ahora solo tengo ganas de estar con tí a todas horas* ('Я только и думаю о том, что ты сейчас делаешь, где ты сейчас и с кем. Ты стала очень дорогой для меня, важной частью всей моей жизни, любовь моя, солнышко мое, сокровище, чудо мое расчудесное. У меня сейчас только одно желание – быть с тобой все время, каждую минуту') [http://elmundodeegnia.blogspot.com/2012/11/tqm.html].

3. Акцентирующие внимание на расовой принадлежности собеседника: *mulato* (букв. 'мулат'), *negro* (букв. 'негр'), *rubio* (букв. 'блондин'); *mi chino* (букв. 'мой китаец'), *mi negro* (букв. 'мой негр'):

– *Estereotipos hay en todas direcciones, pero en Cuba, como en otros muchos países de América Latina, especialmente hispano y lusohablantes, decir* ***"mi negro", "mi negra", "mi chino"*** *o* ***"mi china"****, no tienen obligatoriamente una connotación racista, sino todo lo contrario. Es un signo de afecto, de convivencia, aunque la persona designada no tenga nada de negro ni de chino. Pero en otros contextos sociales también estos términos tienen una connotación despectiva, desde "blanco sucio" hasta "negro escandaloso". Todo depende, no tanto de el texto (discurso), como de el contexto; es decir, de la situación particular…* ('Стереотипы есть везде, но на Кубе, как и во многих странах Латинской Америки, особенно испано- и португалоязычных, фразы типа «мой негр», «моя негритянка», «мой китаец» или «моя китаянка» вовсе не несут расистского подтекста, даже наоборот, это – ласковое прозвище, знак привязанности, близких отношений. При этом человек, к которому обращается его партнер, может не иметь ничего общего ни с негром, ни с китайцем. Однако в другом социальном контексте эти же термины звучат пренебрежительно, от «грязного бледнолицего» до «крикливого негра». Так что все зависит не столько от того, что говорят, сколько от контекста, то есть – от конкретной ситуации…')

[http://www.ipscuba.net/index.php?option=com_debate&view=questionanswers&Itemid=5&question=63].

В данном случае можно сделать вывод, что при несоответствии реальности данные маркеры совсем не обязательно носят выраженный оскорбительный характер, однако указанная группа жестко регламентирована типом межличностных отношений.

4. Указывающие на семейное родство: *mami / mima / vieja* (‘мамочка’, ‘мамуля’, ‘старушка’), *papi / pipo / viejo* (‘папочка’, ‘папуля’, ‘старик’), *herma* (‘сестренка’), *brode* (‘братан’). Подобные обращения, действительно, часто можно услышать в повседневной речи кубинцев, иногда – с иронией и даже с «черным» юмором. Тем не менее, необходимо отметить, что обращение *brode* используется и в значении ‘приятель’, ‘кореш’ и не всегда обязательно свидетельствует о родстве говорящих:

– ***Mima**, ¿qué precio tiene eso?* (‘Мамуля, сколько это стоит?’) [Из разговора матери и дочери в магазине].

– *Gracias por las fotos, **mi herma**, tanta nostalgia...* (‘Спасибо за фотографии, сестренка, у меня такая ностальгия…’) [Из разговора двух женщин].

– *¿En qué puedo servirle, **mi viejito***? (‘Чем я могу вам помочь, мой старичок?’) [Из разговора отца с сыном].

– ***Pipo**, ¡tu fulana hija tá ahí!* (‘Папуля, твоя гулящая дочь слушает!’) [Из телефонного разговора].

– *Oye **acere**, que vola, mira **brode**, ¡esto que hace etá de pinga!* (‘Слушай, чувак, ну как ты, братан, слушай, то, что ты делаешь, это же круто!’) [Из разговора двух молодых людей].

5. Акцентирующие внимание на положительных качествах собеседника, предполагается непосредственное личное знакомство: *bate* (‘ловкач’), *fiera* (‘зверь’), *tigre* (‘тигр’), *caballo* (‘конь’), *campeón* (‘чемпион’), *hierro* (‘железо’), *maestro* (‘учитель’):

– *¡Baja,* ***campeón****, que aquí etá lunchero!* (‘Спускайся, чемпион, я собрала тебе с собой еду!’) – *¡Mamá, sí, mamá, ya voy ya, mamá!* (‘Да, мам, уже иду, мам!’) [Из диалога матери с сыном-школьником].

Для выявления различий в лексико-семантической системе пиринейского и кубинского национальных вариантов представляется целесообразным рассмотреть самые узуальные ЛСГ, в которых наиболее ярко выражены свойственные для кубинского национального варианта испанского языка отличия. Так, одними из наиболее объемных и многочисленных выступают ЛСГ «флора» и «фауна», что характерно для большинства латиноамериканских вариантов. Большое количество лексических элементов из данных групп представляют собой индихенизмы. Наряду с указанными выше, можно привести следующие примеры таких слов:

- *camaguá* – ‘камагуа’ – дикорастущее дерево семейства мирсиновых;
- *camaguira* – ‘камагира’, ‘камагуира’ – дикорастущее растение, обладающее ценной древесиной;
- *curiel* – ‘куриэль’ – тихоокеанская рыба;
- *cucuba* – ‘кукуба’ – разновидность совы;
- *guaguao* – ‘гуагуао’ – насекомое-вредитель апельсиновых и лимонных деревьев;
- *guabino* – ‘гуабино’ – несъедобная речная рыба;
- *guaniqui* – ‘гуаники’ – разновидность лианы;
- *higuera* – ‘игера’, ‘игуэра’ – гуира-горлянковое дерево и т.д.

Интересен тот факт, что распространение того или иного слова из вышеупомянутых ЛСГ нередко соотносится с определенной диалектной зоной, деление на которые было описано нами ранее (С. 29 – 33). Приведем следующие примеры такого соотношения:

1. **Erebus Odora** (‘Черная ведьма’ – крупный вид бабочек рода Erebus семейства Erebidae):

- Зона 1: *Bruja, Mariposa bruja, Mariposón* (‘Ведьма’, ‘Бабочка-ведьма’ ‘Огромная бабочка’ – Пинар-дель-Рио);
- Зона 2: *Mariposa bruja, Mariposón, Viuda, Visita* (‘Бабочка-ведьма’ ‘Огромная бабочка’, ‘Вдова’ ‘Гостья’ – Сьенфуэгос);
- Зона 3: *Visita, Tataguón, Tatagua* (‘Гостья’, ‘(Огромная) ночная бабочка’);
- Зона 4: *Tataguón, Tatagua, Tatagón* (‘(Огромная) ночная бабочка’);
- Зона 5: *Huésped, Visita, Tataguón, Tatagua, Tatagón* (‘Гостья’, ‘(Огромная) ночная бабочка’).

2. **Hibiscus rosa sinensis** (‘Гибискус’, ‘Китайская роза’):
   - Зона 1: *Mar pacífico, Mar sereno, Flor de chivo, Chivo* (‘Тихое море’, ‘Спокойное море’, ‘Козлиный цветок’, ‘Молодой козел’ – Пинар-дель-Рио);
   - Зона 2: *Cupido* (‘Купидон’);
   - Зона 3: *Amapola, Borrachona, Hércules* (‘Мальва’, ‘Пьяная’, ‘Геркулес’);
   - Зона 4: *Amapola, Borrachona, Hércules* (‘Мальва’, ‘Пьяная’, ‘Геркулес’);
   - Зона 5: *Amapola, Borrachona, Hércules* (‘Мальва’, ‘Пьяная’, ‘Геркулес’).
3. **Cymbogobon citratus** (‘Ченнобородник лимонный’):
   - Зона 1: *Menta Americana* (‘Американская мята’);
   - Зона 2: *Menta Americana* (‘Американская мята’);
   - Зона 3: *Yerba de calentura, Limonchillo, Caña de limón, Cortalentura* (‘Трава-лихорадка’, ‘Лимонник / Испанский лайм’, ‘Лимонная кружка’, ‘Перехватывающая дыхание’);
   - Зона 4: *Yerba de calentura, Yerba de limón, Limoncillo* (‘Трава-лихорадка’, ‘Лимонная трава’, ‘Лимонник / Испанский лайм’);
   - Зона 5: *Yerba de limón* (‘Лимонная трава’).
4. **Citrus paradise** (‘Помпельмус гроздевидный’ – вид грейпфрута):
   - Зона 1: *Toronja* (‘Грейпфрут’);
   - Зона 2: *Naranja grifúa, Naranja grifu* (‘Нарядный апельсин’);
   - Зона 3: *Naranja grifu* (‘Нарядный апельсин’);
   - Зона 4: *Naranja grifu* (‘Нарядный апельсин’);

- Зона 5: *Naranja grifu, Naranja grei, Naranja boba* (‘Нарядный апельсин’, ‘Грей-апельсин’, ‘Глупый апельсин’).

5. **Musa Sapientum** (‘Банан заостренный’):
   - Зона 1: *Plátano cientoemboca* (‘Банан «сто в рот»’);
   - Зона 2: *Plátano cientoemboca, Guineo dátil* (‘Банан «сто в рот»’, ‘Гвинейский палец’);
   - Зона 3: *Guineo dátil* (‘Гвинейский палец’);
   - Зона 4: *Guineo dátil* (‘Гвинейский палец’);
   - Зона 5: *Guineo dátil; Dominico* (‘Гвинейский палец’, ‘Доминиканец’).
6. **Melopepo torticollis** (вид патиссона):
   - Зона 1: *Calabaza de pico* (‘Тыква с зубчиками’);
   - Зона 2: *Calabaza de guiro; Calabaza picuda* (‘Тыква-гуиро’, ‘Зубчатая тыква’);
   - Зона 3: *Calabaza pescuezilarga, Calabaza pescuezuda* (‘Длинношеяя тыква’);
   - Зона 4: *Calabaza pescuezilarga, Calabaza pescuezuda* (‘Длинношеяя тыква’);
   - Зона 5: *Calabaza cocotilarga, Calabaza cocotúa* (‘Тыква длинная, как кокос’, ‘Тыква, похожая на кокос’).
7. **Anchas sapote** (‘Сапотовое дерево’):
   - Зона 1: *Zapote* (‘Сапота’);
   - Зона 2: *Canistel* (‘Канистель’);
   - Зона 3: *Níspero* (‘Мушмула’);
   - Зона 3: *Níspero* (‘Мушмула’);
   - Зона 4: *Níspero* (‘Мушмула’);
   - Зона 5: *Níspero* (‘Мушмула’).
8. **Luffa cylindrical** (‘Люффа египетская’, ‘Люффа цилиндрическая’):
   - Зона 1: *Estropajo* (‘Мочалка’);
   - Зона 2: *Estropajo* (‘Мочалка’);
   - Зона 3: *Friegaplato* (‘Губка для мытья посуды’);
   - Зона 4: *Friegaplato* (‘Губка для мытья посуды’);

- Зона 5: *Friegaplato, Friegatraste* (‘Губка для мытья посуды’, ‘Тряпочка для мытья посуды’).

Как видно из приведенных примеров, одной из отличительных черт кубинских диалектных фитонимов и зоонимов является морфосинтаксическая структура «существительное + предлог + существительное» или же «существительное + существительное». Составные фитонимы и зоонимы, а также зоонимы и фитонимы, образованные способом суффиксации, в кубинском национальном варианте испанского языка также являются довольно частотными: суффиксы с различной семантической составляющей, не меняя грамматической категории лексемы, к которой они присоединяются, добавляют оттенок значения качественности (*limoncillo* – ‘испанский лайм’) и количественности (*manguito* – ‘манжетка’, *verraquito* – ‘мокрица’). Кроме того, агентивные суффиксы «намекают» на действие, выполняемое денотатом (*dormidera* – ‘способность легко засыпать’).

§ 3.2. Особенности образования лексико-семантических полей с выраженной социокультурной коннотацией в кубинском национальном варианте испанского языка

Наиболее значимым фактором, влияющим на появление лексики с ярко выраженной социокультурной коннотацией и национально обусловленной спецификой, выступает социально-экономическое развитие региона. Для Кубы это – развитие сельского хозяйства и напрямую связанных с ним отраслей производства.

На протяжении долгого времени в данных отраслях были сосредоточены основной капитал и человеческие ресурсы страны, что не могло не оставить существенного следа в культуре и языке. Например, такие обширные ЛСГ, как «производство сахара», «производство табака», «производство кофе» включают многочисленные имена существительные со значением «инструмент производства», «условия производства»:

- *banquillo* – ‘часть каркаса, на котором устанавливаются дробилки на сахарном заводе’:
- *bancazo* – ‘каркас для установок дробилок на сахарном заводе», «чан для сбора сахарного тростника на заводе’;
- *bicorno* – ‘низкосортный табак’;
- *blandura* – ‘атмосферная влажность, способствующая размягчению табака’;
- *bombón* – ‘ковш, черпак в сахарном производстве’ и др.

Помимо собственно производственных терминов, приведенных выше, в кубинском национальном варианте испанского языка присутствует большое количество разговорных клишированных конструкций, так или иначе связанных с упомянутыми нами сферами: *dar cuero* (букв. ‘давать плетку’) – ‘насмехаться, высмеивать’, *a un bagazo poco caso* (букв. ‘шелухе – мало внимания’) – ‘не обращать внимания на малозначительные вещи’, *hacer zafra* (‘собирать урожай сахарного тростника’) – ‘устроить пиршество’ и др.

Еще одним культурным феноменом Кубы, обладающим большой привлекательностью для общества и широким освещением в СМИ, является спорт. В области лингвистических исследований данная сфера рассматривается, в первую очередь, в рамках изучения особенностей функционирования спортивной терминологии, в частности, особенностей словообразования терминов, процессов заимствования и адаптации иноязычной терминологии, расширения значения спортивной лексики и т.д. Основным видом спорта на Кубе считается бейсбол. Говоря о спортивной терминологии в указанной области, следует отметить, что большое количество бейсбольных терминов в кубинском национальном варианте испанского языка представляют собой англицизмы разной степени ассимиляции: *suin* (от англ. *swing*) – ‘удар битой по мячу’, *fao* (от англ. *foul*) – ‘фол’ и т.д.

Нередко спортивные термины-существительные становятся частью фразеологизмов и других клишированных конструкций с глаголом. Так, весьма употребительны выражения *coger fuera de base* (‘застать кого-либо за совершением непозволительного действия’), *caer de flai* (‘неожиданно появиться где-либо’), *botar la bola* (‘осуществлять нетипичное или неожиданное действие;

угадывать что-либо’), *ser cuarto bate* (‘потреблять много пищи’; ‘делать что-либо хорошо’), *dar curvas* (‘уклоняться от темы, лгать’), *complicarse el inning* (‘усложнять, запутывать какую-либо ситуацию’).

Семантика подобных конструкций в большинстве случаев основана на метафорическом переносе, поскольку метафоризация служит одним из способов осмысления действительности, образного представления той или иной понятийной сферы. Как отмечает Е.Г. Вершинина: «две основные функции метафоры – функция характеризации и функция номинации индивидов и классов объектов, а два основных ее вида – это когнитивная и образная» [Вершинина 2002: 34]. Если когнитивная функция является отражением реальной или приписываемой общности у соответствующих предметов, то образной можно назвать ту метафору, которая создает зрительное впечатление об обозначаемом и имеет экспрессивно-оценочное значение.

Вот какое объяснение кубинцы дают, например, вышеупомянутому выражению *ser cuarto bate* (букв. ‘быть четвертой битой’):

– *En nuestro cotidiano decir de Cuba,* ***“un cuarto bate”*** *es una persona que come muchísimo. Es porque los bateadores que ocupan esa posición son los de mayor fortaleza* (‘В нашей кубинской повседневной речи мы называем «четвертой битой» любящих плотно поесть, а все потому, что игроки, занимающие данную позицию, обычно обладают весьма крепким телосложением’) [Запись информантов].

Некоторые фразеологизмы, в зависимости от контекста, могут обладать разными оттенками значения, вплоть до антонимичных. К примеру, фразеологизм *partir el bate* может иметь как положительное, так и негативное значение: либо ‘сделать что-либо необычно хорошее’, либо ‘совершить плохой поступок, впоследствии негативно повлиявший на окружающих’. Указанные значения подтверждает дискуссия на лингвистическом форуме www.wordreference.com:

– kiarasat: *[Partir el bate] puede ser una expresión usada solo en Cuba. En el libro que estoy leyendo el protagonista después de comer un plato cocinado por la madre de su amigo dije: “Vieja partiste el bate...”* (‘Возможно, это выражение используется только на Кубе. В книге, которую я сейчас читаю, главный герой,

съев блюдо, приготовленное матерью его друга, сказал: «Ну, матушка, ты превзошла сама себя…»’) – gatogab: ***Partir el bate:*** *Realizar un hecho inaudito, de grandes proporciones. [...] Puede significar lo mismo “Está muy bueno”, o “Está muy malo”. Parece que le gustó el plato cocinado por la madre del amigo.* (‘Выражение ***Partir el bate*** означает ‘сделать что-то неслыханное, в огромных масштабах’. Может иметь значение как ‘очень хороший’, так и ‘очень плохой’. Похоже, что герою понравилось блюдо, приготовленное матерью друга’) [http://forum.wordreference.com/threads/partiste-el-bate.1665415/].

В данном контексте интересно отметить, что и прилагательное *inaudito*, через которое участник форума характеризует клише *partir el bate*, имеет двоякое значение, обнаруживая внутрисловную антонимию: с одной стороны, ‘неслыханный, невероятный, небывалый, невиданный’, с другой – ‘чудовищный, ужасный’. Кроме того, в объяснении присутствует еще один компонент значения для указанного фразеологизма: ‘большой масштаб’.

Сайт для изучающих испанский язык www.elcastellano.org в разделе об испанском языке на Кубе дает следующее пояснение: *El lenguaje deportivo y en especial él de nuestro deporte nacional, el beisbol, ha nutrido las expresiones populares del cubano...;* ***partir el bate*** *se usa para referirse a un hecho excepcional, y por otra parte, estar en tres y dos – igual que un bateador con tres bolas y dos strikes – denota una situación difícil* (‘Язык спорта, в особенности, бейсбола, нашего национального вида спорта, стал основой многих кубинских речевых клише … выражение ***partir el bate*** используется для обозначения какой-либо нестандартной ситуации, а выражение ***estar en tres y dos,*** так же как и ***un bateador con tres bolas y dos strikes,*** означает трудную ситуацию’) [http://www.elcastellano.org/ns/edicion/ 2008/marzo/ cuba.html].

Здесь для выражения ***partir el bate*** мы не находим отрицательного значения как такового, однако в определении появляется компонент «трудность». Таким образом, обращение к широкому спектру словарей и коммуникативной практике позволяют создать максимально полное представление о значении и употреблении той или иной культурообразующей клишированной конструкции.

Ниже мы приводим примеры глагольных фразеологизмов ЛСП «бейсбол», наиболее узуальных в кубинском национальном варианте испанского языка:

- *no ver pasar la bola* (букв. ‘не видеть паса’) – не знать чего-л;
- *pasar la bola* (букв. ‘передать мяч’) – уйти от проблемы, предоставив решать ее другим;
- *recoger los bates* (букв. ‘собрать биты’) – 1) закончить дело; 2) сделать выводы;
- *salir / venir de emergente* (букв. ‘выйти из запаса’) – заменить другого человека в трудно выполнимом задании;
- *salvar el juego* (букв. ‘спасти игру’) – найти удачное решение проблемы;
- *ser el dueño del bate, el guante y la pelota* (букв. ‘быть хозяином биты, перчатки и мяча’) – полностью контролировать ситуацию;
- *tener la bola escondida* (букв. ‘иметь спрятанный шар’) – намеренно прятать что-л;
- *tener movimiento en el bull-pen* (букв. ‘начать движение на скамейке запасных’) – искать альтернативные решения, пока ситуация не ухудшилась;
- *tener tamaño de bola* (букв. ‘знать размер шара’) – сформировать для себя мнение или критерий оценки относительно чего-л;
- *tirar cuatro bolas malas* (букв. ‘бросить четыре плохих шара’) – избегать кого-либо или чего-либо.

В кубинском национальном варианте испанского языка узуальны этнонимы. Традиционно под этнонимами понимаются лексические элементы, служащие для обозначения жителей городов, регионов, стран, лиц по расовому признаку, а также исторически сложившиеся обозначения групп населения и этнических групп, содержащих информацию эмоционально-оценочного характера о признаках, типичных для представителей той или иной этнической группы, которая накладывается на основное предметно-логическое содержание этнонима (экспрессивные этнонимы). Подобные лексические элементы необходимо изучать с учетом исторических, социальных, этнических и экономических аспектов, затрагивающих области проживания рассматриваемых этнических групп. В

кубинском национальном варианте можно выделить 3 основных группы экспрессивных этнонимов:

1) этнонимы, служащие для обозначения принадлежности к определенной расе;
2) этнонимы, служащие для наименования жителя Кубы;
3) этнонимы, служащие для наименования представителей иных национальностей.

Подавляющее большинство ЛЕ, входящих в первую подгруппу, служит для обозначения представителей негроидной расы или метисов: *prieto* (букв. ‘темнолицый’), *jaba* (букв. ‘негр’), *niche* (букв. ‘чернокожий’). В целом, данные лексемы имеют пейоративный оттенок, что видно на примере особенностей метафорического переноса в случае с лексемой *jaba*, являющейся в кубинском национальном варианте испанского языка многозначной. Помимо вышеупомянутого ‘негр’, данное слово также означает ‘пустую тыкву’, ‘грубую дешевую холщовую сумку, полиэтиленовый пакет, сумý нищего’. Таким образом, представитель негроидной расы воспринимается исключительно как лицо, принадлежащее к беднейшим слоям населения, с низким социальным статусом.

Лексемы, служащие для обозначения жителей Кубы, в целом носят ироническую окраску, к примеру, *cubiche, cubaneco* – житель Кубы, кубинец; *aplatanado* – полностью ассимилированный иностранец, перенявший все нормы и обычаи кубинского поведения. Ряд этнонимов обозначает принадлежность к определенному региону Острова: *palestino, pilongo* служат для обозначения жителей восточных провинций и провинции Санта Клара соответственно. Данные термины обладают негативным значением и используются, в первую очередь, для обозначения переселенцев из этих областей в более обеспеченные регионы Острова:

*– Ian Manuel es un ilegal, es un «**palestino**». Así les llaman en La Habana a las personas que nacieron en las provincias orientales de la isla pero que han emigrado a la capital en busca de mejorías económicas* (‘Иан Мануэль – нелегал, «палестино». Так в Гаване называют тех, кто родился в восточных областях Острова и переехал

в столицу в поисках лучшей жизни’) [https://www. martinoticias.com/a/palestinos-delito-vivir-la-habana-cuba/116579.html].

– *Nunca me ha gustado que nos llamen* ***palestino****, no porque me ofenda sino pienso es una burla a un pueblo que ya ha sufrido bastante, me refiero al pueblo del medio oriente, no al del oriente de Cuba* (‘Мне никогда не нравилось, что нас называют «палестино», не потому, что меня обижает подобное обращение, нет, ведь это - насмешка над действительно многострадальным народом, и я имею в виду жителей Ближнего Востока, а не востока Кубы’) [Запись информантов].

В ходе войны за независимость 1895 г. и последовавшим за ним псевдореспубликанским периодом в кубинском обществе укоренилось двоякое восприятие представителей испанской нации. С одной стороны, испанцы виделись как чужаки, присланные извне с целью управления, с другой – как люди, не обладающие необходимыми деловыми и личностными качествами для выполнения возложенной на них функции.

Иллюстрацией подобного отношения служит архаизм *pancho* с ярко выраженной уничижительной окраской (ср. англ. *gringo*). В настоящее время, однако, ввиду значительных социальных и политических перемен, произошедших в жизни Острова в течение второй половины XX века, а также изменения характера взаимоотношений между странами, современные этнонимы лишены данной негативной окраски и в целом носят нейтральный характер: так, например, слова *gallego* (букв. ‘галисиец’) и *pepe* (уменьш. от Педро), которыми жители Кубы называют испанцев, больше не используются в уничижительных контекстах.

Для обозначения граждан США в кубинской разговорной речи чаще всего прибегают к этнониму *yuma*. Происхождение данного этнонима нередко связывают с популярностью на Кубе вышедшего в 1957 г. классического вестерна Д. Дэйвса по произведению Э. Леонарда «В 3.10 на Юму».

Типичной ЛЕ, использующейся для обозначения представителей СССР и России в кубинской разговорной речи, выступает этноним *bolo*, носящий иронический характер:

– *La magnitud del cambio de los* ***«bolos»*** *o ex tovarichis supera la imaginación y maravilla a los cubanos, esperanzados de que algún día también podamos experimentarla* (‘То, насколько сильно изменились **русские**, или «экс-товарищи», поражает воображение и вызывает восхищение кубинцев, давая надежду на то, что однажды и нас коснутся подобные изменения’) [www.cubanet.org].

Само прилагательное *ruso* в кубинском национальном варианте испанского языка в некоторых случаях имеет «расширенное» значение и используется для обозначения всех представителей республик бывшего СССР, а также – для наименования любой продукции, изготовленной в странах советского и восточного блоков, например, *muñequitos rusos* – ‘советские мультфильмы’, мультфильмы из восточных стран.

Другой обширной ЛСГ на Кубе, как и в любом национальном варианте испанского языка, является группа «предметы быта и повседневного обихода», поскольку в ней представлены лексемы, в определенной степени отражающие национальные картины мира латиноамериканских стран. Следует отметить, что национально-культурной особенностью кубинского национального варианта испанского языка выступает тенденция к переходу названий определенных марок товаров из категории имен собственных в категорию имен нарицательных с неизбежным расширением их значения. Многие ЛЕ начинают использоваться для обозначения всего класса однородных объектов: *yale* (от названия американской марки *Yale*) – ‘навесной дверной замок’; *centropen* (от названия чешской марки *Centropen*) – ‘авторучка’; *maybeline* (от названия американской марки *Maybelline*) – ‘тушь для ресниц’. Данный лингвистический процесс напрямую связан с особенностями экономического развития Кубы, активным экспортом товаров из стран США в дореспубликанский период, а также – в настоящее время. Схожие процессы можно наблюдать и в русском языке: ср. *памперс* – любой детский одноразовый подгузник (от названия марки *Pampers*).

Выводы по Главе 3

В ходе исследования лексического состава испанского языка на территории Кубы мы выделили ЛЕ, общие для всех испаноязычных стран: casa, mesa, vivir, comer и др. Также нами были обнаружены ЛСГ, в которых наиболее ярко проявляется «переосмысление» единиц пиренейского национального варианта испанского языка и отражается национально-культурная специфика кубинского национального варианта испанского языка. К таким группам относятся: национальные блюда и напитки; предметы быта и повседневного обихода; флора и фауна; свойства характера, оценочная лексика; внешний вид.

Большую роль в формировании лексического фонда кубинского национального варианта испанского языка сыграли заимствования, среди которых наименее ассимилированными с фонетической точки зрения являются англицизмы. В первую очередь, это касается ЛСГ «спорт». В указанной группе наиболее частотными выступают устойчивые выражения с «бейсбольным» компонентом, при этом некоторые из них имеют весьма широкий спектр значений, вплоть до противоположных (*un cuarto bate; partir el bate* и др.).

Одной из отличительных особенностей кубинского лексикона выступают именные маркеры, чьей функцией является выражение всех оттенков степени наличия или отсутствия социальной дистанции с собеседником. В зависимости от оттенка социальной дистанции, выражаемой каждым маркером, нами были выделены 5 групп:

1) указывающие на социальное равенство (личное знакомство не обязательно): *compadre, consorte, socio* – ‘товарищ’, ‘приятель’, ‘друг’; отдельно выделим маркеры африканского происхождения: *asere, monina, nagüe* (‘друг’, ‘приятель’, ‘чувак’);
2) указывающие на тесные личные отношения: *puchi, puchungo, puchucho* (‘милый’, ‘дорогой’);
3) акцентирующие внимание на расе: *mulato* (букв. ‘мулат’), *chino* (букв. ‘китаец’), *negro* (букв. ‘негр’) и используемые в дружеском общении вне зависимости от расовой принадлежности;

4) указывающие на семейное родство (часто – с иронией): *mima / vieja* (‘мамочка’, ‘старушка’), *pipo / viejo* (‘папочка’, ‘старик’);
5) акцентирующие положительные качества (необходимо личное знакомство): *bate* (‘ловкач’, букв. ‘бита’), *caballo* (‘конь’).

В лексическом составе кубинского национального варианта испанского языка важную роль играют экспрессивные этнонимы как исторически сложившиеся обозначения групп населения, содержащие информацию эмоционально-оценочного характера: отражающие принадлежность человека к определенной расе; служащие для наименования жителей Кубы в целом и ее регионов; обозначающие представителей иных национальностей.

Глава 4. ФРАЗЕОЛОГИЯ КУБИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ КУБИНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

§ 4.1. Особенности кубинского менталитета

Выделим несколько основных черт кубинского менталитета, которые сформировались в ходе развития страны и повлияли на становление фразеологического фонда кубинского национального варианта испанского языка. С точки зрения истории, важнейшую роль в указанных процессах сыграли отношения Кубы и Испании. В отличие от инков или ацтеков, местные племена тайно не являлись хранителями древней культуры, были малочисленны и довольно спокойно приняли превосходство белого человека. Данный фактор сыграл роль в появлении такой особенности кубинского мировосприятия, как культ белой кожи. Отечественный исследователь кубинской культуры, энолог Д. Кесадов отмечает, что «в некоторых странах и культурах развит культ денег и люди преклоняются перед богатством в любых формах… Есть такие культуры, где в почете аристократия и необходимо выделяться своей родословной и гербами. А вот на Кубе таким знаком отличия являлась и отчасти продолжает являться белизна вашей кожи. Вы белый? Отлично. Наполовину – неплохо. Но кубинец на этом не остановится: подсчет продолжается и лучше быть белым на четверть или хотя бы на восьмушку, чем вообще не иметь «белой крови» [Кесадов 2019].

Смешение национальностей создало предпосылки для богатства культур и характеров, а также спровоцировало то, что у кубинцев выработалось специфическое чувство юмора и довольно сложный и противоречивый национальный характер: «Внешне, напоказ, это – очень бедная, простая, безграмотная страна, живущая в трущобах, народ которой только и умеет, что пританцовывать, пить дешевое пойло, дымить вонючие сигары и всеми способами продавать себя иностранцам… Однако за этой внешней и очевидной стороной Кубы скрывается вторая: обаятельная, сложная культура, возникшая на фундаменте сказочных богатств и контрасте бедности и роскоши. Культура,

которая поднималась и падала вниз, но всегда выживала и шла вперед» [Кесадов 2019]. Богатства на Острове принадлежали, в первую очередь, испанцам, которые контролировали транзит судов из Европы, Дальнего Востока и обратно, тогда как бóльшая часть местного населения жила в нищете.

На фоне этого контраста зародилось еще одна важная черта культуры и характера кубинцев: стремиться «вырваться», «прорваться», но сохранить себя, свою индивидуальность и свое чувства юмора при любых обстоятельствах. Поэтому говорят, что кубинец шутит даже за пять минут до смерти. Причем к смерти он готов всегда, даже к самоубийству, поскольку его предки, замученные работой на плантациях, привыкли воспринимать смерть как облегчение и спасение от тяжелой жизни. А кубинские девушки никогда не отводят глаз, даже если мужчины – иностранцы бесцеремонны и назойливы: они принимают вызов, но при этом они одновременно ироничны и доброжелательны. Эти контрастные черты характера дали повод называть кубинцев «грациозными варварами». В дальнейшем этот контраст был повторен и усилен американцами: «через триста лет после транзита Великого испанского морского пути население Кубы, все такое же гордое и бедное, с восторгом наблюдало, как в сжатые сроки над пляжем Варадеро (который знатоки считают красивейшим в мире) «нависли» пятьдесят роскошных отелей, в которых забурлила шикарная жизнь, поражавшая воображение кубинцев так же, как испанская торговля в прошлые века» [Кесадов 2019].

Таким образом, исторически у кубинцев есть черты, делающие их страну привлекательной для туризма. Среди таких черт можно отметить культ красоты, музыки и сладкого, а также понимание того, что несправедлисость жизни – это повод не для депрессии, а для ироничного отношения к окружающей действительности и пребывания в состоянии некоторой расслабленности. Для кубинцев существует одно время – «сегодня», когда происходит все самое важное в жизни, а «завтра» как единица времени существует в параллельном измерении: «Если кубинцу скажут, мол, завтра – конец света, он ничего не поменяет в обычном течении своей жизни и проживет последний день, как привык. Сегодня у

тебя есть еда и дом, глаза видят, ноги танцуют, руки обнимают женщину – это все важно. А завтра может случиться революция, паралич или ураган, которые снесет в никуда твои накопления и планы, и будешь ты горько жалеть о каждой минуте, когда не наслаждался» [Матвеева 2014].

У кубинцев в крови также культ красоты. Кубинских женщин считают красивейшими в мире, среди женщин, чьи предки вышли с Кубы, Ева Мендес, Камерон Диас и множество других актрис, певиц, телеведущих и моделей. В одном из блогов, посвященных культуре Острова, находим следующее объяснение данному феномену: «Самые красивые дети, как известно, рождаются в смешанных браках, а кубинский брак – априори смешанный. Неважно, черные родители, белые, серобуромалиновые – у каждого на ветвях генеалогического древа сидят и европейцы, и африканцы, и индейцы, и мулаты с метисами всех мастей, и даже китайцы. Вот и бегают очаровательные белые девочки с безумным афро на голове и пухлыми губками, а темные мулатоны разбивают сердца взглядом голубых глаз» [Матвеева 2014].

Чрезмерное поклонение красоте привело к тому, что кубинцы приукрашивают образ национального героя Х. Марти, который был 6ольшим патриотом и поэтом, но мал ростом, тщедушен и показал себя не слишком умелым воином. Такая правда кубинцам не нужна, и Х. Марти на портретах пригож, в статуях высок, а в народных рассказах он еще и имеет огромный успех у женщин. В то же время герои второй великой кубинской революции – Фидель Кастро, его соратники и Че Гевара – не нуждаются в приукрашивании, и американцы шутят, что революция победила ввиду сходства Фиделя Кастро и его друзей с голливудскими героями. Сами кубинцы шутят на этот счет по-другому: на Кубе настолько искаженный испанский язык и такая быстрая и особая манера говорить, что Фидель Кастро, с его неторопливой и размеренной речью, оказался единственным кубинцем, которого иностранцы в состоянии понимать [Кесадов 2019].

После ухода американцев и последующей блокады кубинцам пришлось несладко. До этого страна купалась в изобилии американских товаров. Есть шутка

про городских жителей, которые якобы думают, что батоны растут на хлебном дереве, а колбаса – это плоды дерева колбасного. Примерно так кубинцы относились к большинству товаров, поскольку на Кубе они просто «были» – их привозили из Америки.

П. Хуан Гутьеррес, известный кубинский писатель, сказал об этом так: «Тридцать пять лет мы были заперты как в зоопарке, нам просто давали еду и лекарство. И вдруг зоопарк перестали снабжать продуктами». К примеру, легендарный революционный напиток «Куба Либре», включающий ром, колу и лед, является «плодом» американского периода. После победы Ф. Кастро кубинцы освоили производство собственного аналога колы, которая исчезла вместе с американцами, и сейчас Куба даже продает свою колу на экспорт. Далее выяснилось, что рома тоже нет, поскольку владельцы большинства предприятий покинули Остров. Тем не менее оборудование осталось целым, что позволило в скором времени наладить производство. В довершение ко всему оказалось, что лед на Кубу тоже полностью завозили американцы, поэтому пришлось осваивать и заморозку льда, в чем кубинцам помог Советский Союз.

На Кубе – культ сладкого. Как толстый человек в Средние века воспринимался красивым, поскольку считалось, что он хорошо питается, а значит – богат, так у кубинцев возможность вдоволь есть сахар означала «многого добиться в жизни». Например, у Ф. Кастро тяга к сладкому приняла форму большой любви к мороженому. Как отмечал Г. Гарсиа Маркес, на совещаниях вместо перекуров Команданте устраивал «перерывы на мороженое», а однажды писатель лично видел, как он закончил обед восемнадцатью шариками этого сладкого [Кесадов 2019].

Существует легенда о том, что Ф. Кастро лично составил 36 замысловатых рецептов мороженого, 28 из которых оказались в ассортименте торговой сети *Coppelia*. В эту сеть магазинов и кафе выстраивались многочасовые очереди, которые превращались в возможность познакомиться с новыми людьми, непринужденно пообщаться и даже помузицировать. Сегодня, когда образ Команданте постепенно уходит в историю, ассортимент «Коппелии» значительно

сократился, а интерес к мороженому снизился как у местного населения, так и у туристов.

Кухня Кубы – неизбежный исторический сплав традиций разных народов. Наиболее уважаемы блюда из риса и фасоли, например, *moros y cristianos* (букв. ‘мавры и христиане’ – черная фасоль с белым рисом), *congrí* (красная фасоль с рисом), *hayaca / tamal* (блюдо на основе кукурузы, завернутой с собственные листья, со свининой, чесноком, луком и специями), а также запеченные поросята, морской окунь.

Исследователи кубинских кулинарных традиций среди некогда популярных блюд выделяют суп из черепахи, которых раньше на Острове было настолько много, что ночью они производили страшный шум, который англичане принимали за оборонные действия кубинской армии, переоценивая таким образом готовность населения к войне [Кесадов 2019]. Сегодня черепах на Острове осталось мало, однако для туристов есть лобстеры, крокодилы и прочие деликатесы. Официант, который принесет лобстера, зачастую одет в смокинг, в знак уважения к гостям, сделавшим дорогой заказ, и отдавая дань историческим традициям. Необходимо отметить, что «парадная» одежда – костюм и галстук, также является частью образа официантов и портье в отелях, а в офисе и государственных учреждениях подобная одежда не допускается. Государственные служащие носят однотонную рубашку и брюки (такую форму ввел Р. Кастро).

Наконец, необходимо обозначить такую черту кубинского менталитета, как «градация запретов». Так, разного рода административные запреты на Кубе существуют только на бумаге и не выдерживают испытаний реальной жизнью. Семейные запреты воспринимаются больше как рекомендации, нежели строгие указания. А вот запреты религиозные соблюдаются более чем строго, при этом у каждого *religioso*, то есть имеющего отношение к сантерии (синкретической религии, распространенной на Кубе, а также в среде афрокубинских эмигрантов) есть свой собственный, практически именной, список «нельзя и нужно». Для человека непосвященного здесь – и причуды, и загадочность кубинцев. В.

Матвеева приводит такие примеры личных запретов, как отказ от приготовленного обеда, потому что там были креветки, или отказ носить подаренную майку красного цвета, отказ заходить в океан, живя на побережье, невозможность встречаться с мулаткой, а только с «чисто белой», либо «совсем черненькой» [Матвеева 2014]. В качестве объяснения отказа кубинцы используют клише *me lo quitó* (букв. ‘мне это отбросили’, т.е. ‘мне этого нельзя по религиозным соображениям’).

Приведенные выше черты кубинского менталитета, возникшие под влиянием таких экстралингвистических факторов, как исторический, этнический, социально-экономический, религиозный и др., оказали влияние на лексико-семантические особенности фразеологических единиц кубинского национального варианта испанского языка, которая придает ему уникальные, неповторимые черты и оттенки.

§ 4.2. Национально-культурные особенности фразеологического состава кубинского национального варианта испанского языка

Выявление лексико-семантических особенностей национального варианта языка невозможно без анализа фразеологических единиц (ФЕ), поскольку именно фразеология (от греч. φράσις – «выражение» и λογος – «понятие», «учение») занимается изучением фразеологического состава языка сразу на двух уровнях – в его современном состоянии и историческом развитии. Это позволяет отследить важнейшие вехи развития не только языка, но и говорящей на нем общности.

Объектом изучения фразеологии выступают все устойчивые сочетания, способные воспроизводиться как «готовые» единицы:

1) сочетания слов, в семантическом отношении эквивалентные словам как единицам языка (идиомы);
2) сочетания слов, в которых по крайней мере один компонент выступает в своем «свободном» значении, а другой – в переосмысленном;
3) предложения, в которых и формальный, и содержательный аспекты переосмыслены (идиомы типа ‘куры не клюют’);

4) предложения с переосмысленным лексическим составом, сохраняющие коммуникативную функцию (что характерно, в первую очередь, для пословиц) [Карнеадо 1984].

Вплоть до второй половины XX века все вопросы, касавшиеся ФЕ, затрагивались, в основном, в работах по грамматике, лексикологии и лексикографии[1]. Так, испанский ученый Т. Грасиан в своей работе по грамматике указывал, что фразеологизмы непременно связаны со спецификой определенного языка: специфичность и непереводимость ФЕ на другие языки Т. Грасиан называет основным (или, в ряде случаев, дополнительным) признаком при определении ФЕ: *Para definir correctamente las unidades fraseológicas hay que tomar en cuenta su singularidad e intraducubilidad como argumento básico o, por lo menos, adicional en algunos casos* (‘Для того, чтобы правильного выявить фразеологические единицы, необходимо принимать во внимание их специфичность и непереводимость как основную или, по крайней мере, как дополнительную (для определенных случаев) характеристику’) [Gracián 1946: 60].

Говоря о развитии фразеологии как науки, необходимо отметить работы Х. Касареса, который предложил подробную характеристику основных типов устойчивых сочетаний. Х. Касарес классифицировал самый обширный разряд ФЕ испанского языка – «устойчивые речения». Он разделил их на два больших класса: знаменательные (*conceptuales* или *significantes*) и связочные (*conexivas*) [Casares 1950]. Труды Х. Касареса, несомненно, внесли весомый вклад в развитие фразеологии как отрасли языкознания.

В свою очередь, последователь Х. Касареса, А. Сулуага предлагает следующую классификацию ФЕ:

- *combinación fraseológica fija no idiomática* (‘неидиоматическое устойчивое фразеологическое сочетание’), то есть сочетание, не имеющее никакой семантической особенности, связанной с идиоматичностью;

[1] Среди отечественных ученых отметим труды В.В. Виноградова (1977), В.Г. Гака (1977), Н.Н. Курчаткиной (1987, 2010), Л.А. Новикова (2001), А.И.Молоткова (1977), С.И. Ожегова (1974), Н.М. Шанского (1972), Д.Н. Шмелева (1977), Л.В. Щербы (1974) и др.

• *combinación fraseológica semiidiomática* (‘полуидиоматическое фразеологическое сочетание’) – сочетание, имеющее метафорическое или метонимическое значение;

• *combinación fraseológica idiomática* (‘идиоматическое фразеологическое сочетание’) – устойчивое выражение, в котором хотя бы один элемент лишен семантической самостоятельности.

В последней группе А. Сулуага выделяет несколько подтипов:

1) *UFs mixtas* (смешанные ФЕ): только части ФЕ свойственна идиоматичность (например, *prensa amarilla* – ‘желтая пресса’);
2) *UFs idiomáticas con elementos únicos* (идиоматические ФЕ с необычными элементами): *dar en el quid* – ‘попасть в точку’;
3) *UFs con anomalías estructurales* (ФЕ со структурными аномалиями): различные грамматические аномалии, например, *ojos vistas* (букв. ‘видимые глаза’) – ‘очевидно, открыто’;
4) *UFs con elementos metalingüísticos* (ФЕ с металингвистическими элементами): речь идет о включениях глагольных форм в значении существительных или о замене слов числом букв, которые они содержат, например, *más vale un toma que dos te daré* (букв. ‘больше ценится одно «взятие» сейчас, чем потом я тебе дам два’) – ‘лучше синица в руках, чем журавль в небе’;
5) *UFs idiomáticas estructuramente regulares* (идиоматические ФЕ с правильной структурой): у таких выражений существует литературный омофон, например, *tomar el pelo* – ‘подшучивать, разыгрывать’, дословно ‘взять волосы’ [Zuluaga 1980].

Фразеология кубинского национального варианта испанского языка изучается в работах А. М. Тристы Перес *La fraseología y la fraseografía, Estudios de fraseología y fraseografía del español actual*. Она выделила 2 типа устойчивых оборотов, с учетом их внутренней структуры:

1) фразеологизмы, в чью внутреннюю структуру включен определяющий элемент, имеющий семантический или лексический характер (*hacer el paripé* – ‘симулировать’, *estar en un tris* – ‘быть на волоске’);

2) фразеологизмы, в чьей внутренней структуре нет определяющего элемента (*caballo blanco* – букв. ‘белая лошадь’, человек, вкладывающий деньги в сомнительные предприятия) [Tristá Pérez 1998].

В своей работе А. М. Триста Перес указывает, что к фразеологии относятся как самые простые устойчивые сочетания, например, *mosquita muerta* (‘скромник, тихоня’, букв. – ‘мертвый комар’), так и сложные, такие, как поговорки и пословицы: *muchas manos en un plato, siempre tocan a rebato* (букв. ‘много рук на одну тарелку – всегда будет спор’) – ‘когда все берутся за одно дело, у них ничего не получается’ [Tristá Pérez 1998].

Рассматривая ФЕ кубинского национального варианта испанского языка, мы придерживаемся классификации, предложенной кубинским ученым-лингвистом Г. Корпас Пастор в работе *Manual de la fraseología española* (1996), где автор рассматривает такие вопросы, как границы фразеологии, выбор общего термина, характеристики объекта исследования.

Автор определяет фразеологизм как ЛЕ, состоящую из двух слов и более, но чья внешняя граница находится на уровне сложного предложения [Corpas Pastor 1996: 20]. Г. Корпас Пастор не придерживается принципа узкой направленности при изучении ФЕ, наоборот, она разделяет широкую концепцию фразеологии, относя к понятию «фразеологизм» не только коллокации и речевые обороты, но и поговорки, цитаты и формулы повседневного общения. Автор, однако, подчеркивает, что устойчивость ФЕ должна рассматриваться как относительная характеристика (так как многие устойчивые сочетания предполагают некоторую вариативность своих компонентов, не приводящую к изменению смысла ФЕ).

Исследователь, критикуя работы по испанской фразеологии, разрабатывает собственную классификацию. В качестве ее основы Г. Корпас Пастор предлагает сочетание критерия высказывания, или речевого акта (*el criterio de enunciado o de acto de habla*), и критерия устойчивости в норме, в системе или в речи (*el criterio de fijación en la norma, en el sistema o en el habla*) [Corpas Pastor 1996: 34]. Под высказыванием при этом понимается минимальная коммуникативная единица, продукт речевого акта, который соответствует простому или сложному

предложению. Предложение может состоять из одной синтагмы или одного слова. ФЕ подразделяются на 2 группы: представляющие собой цельное высказывание и не являющиеся таковым [Corpás Pastor 1996: 51]. В группу единиц первого типа входят ФЕ, не представляющие собой речевого акта, эквивалентные синтагме, комбинирующиеся в предложении с другими единицами языка.

Среди единиц первого типа выделяется 2 подтипа:

1) *colocaciones* – фразеологические сочетания, характеризующиеся строгой сочетаемостью и организованностью компонентов и не являющиеся эквивалентами какой-либо части речи;
2) *locuciones* – фразеологические обороты, раздельнооформленные лексические единства, обладающие целостной номинацией.

Ко второму типу относятся так называемые фразеологические высказывания (*enunciados fraseológicos*), то есть единицы, характеризующиеся устойчивостью в речи и реализованностью в ней в виде законченных высказываний, ситуативно обусловленных или не обусловленных, принадлежащие к социокультурному фонду языкового сообщества.

На основании вышеприведенной классификации рассмотрим основные структурные типы ФЕ, характерные для кубинского национального варианта испанского языка.

1. Colocaciones (фразеологические сочетания, характеризующиеся строгой сочетаемостью и организованностью компонентов и не являющиеся эквивалентами какой-либо части речи):

1) глагол + существительное (в функции подлежащего):

– *meritar la pena* – ‘уняться, пройти (о боли)’: *la pena lé ha meritado* (‘у него прошла боль’);

– *salir falla* – ‘не получиться’: *este plato me salió falla* (‘это блюдо у меня не вышло’);

– *zafarse un botón* (‘расстегнуться’, букв. ‘освободиться’ – о пуговице): *se le ha zafrado un botón* (‘у него расстегнулась пуговица’);

2) глагол + существительное (в функции дополнения):

– *botar la basura* (‘выбросить мусор’);

– *echarse un trago* (‘промочить горло’, букв. ‘сделать глоток’);

– *fundir la placa* (‘отлить орден’);

– *sacar turno* (‘занять очередь’);

3) существительное + прилагательное:

– *aguas albañales* (‘сточные воды’);

– *bufete colectivo* (‘столовая’, букв. – ‘коллективный буфет’);

– *control remote* (‘дистанционное управление’);

4) существительное + предлог + существительное:

– *buchito de café* (‘глоточек кофе’);

– *paso a nivel* (‘переход на уровень’);

– *escuela al campo* (‘сельская школа’);

5) существительное + существительное:

– *arroz macho* (‘крупный рис’, букв. ‘рис-мужчина’);

– *casa consultorio* (‘амбулаторный пункт’, ‘поликлиника’);

– *palma corcho* (‘пробковая пальма’);

6) прилагательное + существительное:

– *buena gente* (‘добрые люди’);

– *mala palabra* (‘ругательство’, букв. ‘плохое слово’);

– *mala paga* (‘низкая зарплата’, букв. ‘плохая зарплата’);

7) прилагательное + предлог + существительное: *nuevo de paquete* (‘новая пачка’);

8) глагол + прилагательное в функции наречия:

– *mirar virao* (‘смотреть по сторонам’, букв. ‘смотреть поворачиваясь’);

– *perder legal* (‘лишиться на законных основаниях’);

– *salir disparado* (‘выйти с потерями из какой-либо ситуации’, букв. ‘выйти простреленным’);

2. Locuciones (фразеологические обороты, раздельнооформленные лексические единства, обладающие целостной номинацией):

1. Субстантивные идиомы:

- существительное + прилагательное: *flaicito bobo* (‘невезучий человек’, букв. ‘худенький глупец’)*, pan perdío* (‘упущенная возможность’, букв. ‘потерянный хлеб’)*;*
- существительное + предлог + существительное: *arroz con mango* (‘нечто несочетаемое’, букв. ‘рис с манго’), *cortina de hierro* (‘железный занавес’), *galleta sin mano* (‘ложь’, букв. ‘печенье без руки’)*;*

1. ***Глагольные идиомы:***

- глагол + союз + глагол: *pica y se extiende* (‘события развиваются’, букв. ‘откусывает и распространяется’), *estar que arde / estar que corta* (‘быть очень рассерженным’, букв. ‘быть тем, кто горит / тем, кто режет’)*;*
- глагол + предлог + существительное*: batear de jonrón* (‘попасть в яблочко’), *partirse de la risa* (‘умирать со смеху’, букв. ‘разрываться на части от смеха’), *quedarse en una muela* (‘засесть в голове’, букв. ‘остаться в десне’), *ponerse pa las cosas* (‘смириться’, букв. ‘смириться с затратами’), *ir por la sombrita* (‘выйти из игры’, букв. ‘уйти в тенек’), *dárselas de guapo* (‘петушиться, бросаться в драку’, букв. ‘выставлять себя красавчиком’);
- глагол + предлог + прилагательное: *dárselas de guapo* (‘петушиться, бросаться в драку’, букв. ‘выставлять себя красавчиком’)*;*
- глагол + союз + существительное: *volarse como una cafetera* (‘очень быстро пролететь / пронестись’), *acabar como la fiesta del Guatao* (‘плохо закончиться’);
- глагол + существительное: *pegar la gorra* (‘быть несправедливым’), *tomarse la cocacola del olvido* (‘порвать с прошлым, отказаться от своих корней’), *querer cantidad* (‘формально подходить к делу, выполнять без души’), *coger nota* (‘напиться’);
- глагол + приглагольное местоимение + существительное: *meterle moropo* (‘размышлять’), *gustarle el dulce* (‘хотеть результата без труда’), *sacarle / echarle el pie / sacarle el plo* (‘танцевать’).

2. ***Адъективные идиомы:***

- прилагательное + предлог + существительное: *bobo de la yuca* (‘бесполезный человек’), *solo en alma* (‘одинокий человек’);
- причастие + предлог + существительное: *cortado con la misma tijera* (‘сделанный из того же теста’, ‘одного поля ягода’), *encantao de la vida* (‘счастливый, довольный’);
- сравнительные конструкции: *más negro que el totí* (‘чернее воронова крыла’);
- предложные конструкции: *de la yuma / de tres por quilo* (‘дешево’), *de llega y pon* (‘примитивно, очень плохого качества’), *de yuca y ñame* (‘просто и дешево’, негативная коннотация).

3. ***Адвербиальные идиомы:*** *a la barbacoa* (‘вовремя’), *a patadas* (‘чрезмерно, повсюду’), *en tiempo y forma* (‘в соответствии со всеми требованиями’), *con to los hierros* (‘принимая во внимание все детали’), *más lejos que el carajo* (‘очень далеко’), *ni papa frita* (‘никакого значения’).
4. ***Идиомы – маркеры речи:*** *hasta la coronilla* (‘до ручки’), *del carajo* (‘по уши’), *carajo, ni de casualidad* (‘даже близко не…’).

Среди пословиц и поговорок можно выделить следующие группы, имеющие важную национально-специфическую коннотацию:

1. Заимствованные из африканской культуры:

– *Chivo que rompe tambor, con su pellejo lo paga* букв. ‘козел, порвавший барабан, платит за него своей шкурой’);

– *Papelito jabla lengua* (букв. ‘и у клочка бумаги есть язык’).

2. Отражающие кубинскую действительность, с элементами аравакской культуры:

– *Aquí el que no tiene de congo, tiene de carabalí* (букв. ‘здесь, если ты не имеешь отношения к Конго, значит, ты – из Калабара’);

– *Por muy alto que vuele el aura, siempre el pitirre la pica* (‘как бы высоко ни летал ветерок, он всегда достигнет предела’).

Особое место среди ФЕ занимают так называемые разговорные или «рутинные», «ритуальные» формулы (*fórmulas de conversación / rutinarias /ritualizadas*) – специальные языковые средства, обслуживающие

высокочастотные бытовые ситуации, призванные обеспечить коммуникативное сотрудничество между участниками речевого акта. Разговорные формулы являются минимальными независимыми коммуникативными единицами, несущими в себе интонационное, дистрибуционное, текстуальное, семантическое и синтаксическое значение.

Вслед за испанским лексикологом М. Белен Альварадо Ортегой, мы подразделяем разговорные формулы на логические и субъективные [Belén Alvarado Ortega 2008: 116 – 129][1]. Среди логических разговорных формул для кубинского национального варианта испанского языка характерны эпистемические, связанные с выражением определенной степени сомнения в сообщаемой информации, степени уверенности говорящего, и деонтические, связанные с обязательностью претворения сообщаемого в жизнь. Обратимся к отобранным нами примерам, услышанным в кубинской речи:

1) эпистемические формулы (от высокой степени уверенности до слабой): *¡te lo juro por ésta!* (‘я клянусь тебе в этом’), *¡eso está querido ya!* (‘это уже решено’), *¡coño, claro!* (‘черт возьми, конечно’); *no es tan así* (‘это не совсем так’), *¡pa adivino, Dios!* (‘Бог его знает’);
2) деонтические формулы: *me hace el favor y…* (‘вы мне сделаете одолжение и…’), *ya está bueno ya* (‘ну да, хорошо, уже хорошо’); *¡vamo’ chico!* (букв. ‘пойдем, парень’), *¡dale por ahí pa’llá tú!* (букв. ‘начинай отсюда и дотуда’), *¡arranca!* (букв. ‘заводись’), *¡no te luzcas conmigo!* (‘ну, что ты на меня уставился’) = ‘давай, начинай делать что-либо’; *¡al grano!* (букв. ‘к зерну’ = ‘переходим в главному’).

Субъективные разговорные формулы выражают эмоциональную реакцию или оценочные суждения говорящего. Приведем примеры указанных формул в кубинском национальном варианте испанского языка: *¡qué vacilón!, ¡esa es dura!, ¡echa!* (выражение радости); *¡planchao!, ¡matao!, ¡completo Camagüey!* (выражение удовлетворения); *¡echa!, ¡ahí na’má!, ¡equelecuá!, ¡mameluco!,¡sirvió!, ¡bárbaro!, ¡volao!* (выражение одобрения); *¡recoño!, ¡concho!, ¡cojoyo!, ¡me caso en diez!*

[1] Более подробно о классификации разговорных формул см.: Belén Alvarado Ortega 2008: 97 – 135.

(выражение гнева); *¡ay caray!, ¡mira, caray!* (выражение разочарования); *¡cucha pa'llá!, ¡oyé!, ¡pa su madre!, ¡pa su abuela!, ¡pa su escopeta!, ¡los fósforos!, ¡del carajo!, ¡de pinga!, ¡alabao!, ¡ay caray!, ¡lo último de los muñequitos!* (выражение удивления, недоверия); *¡le zumba!, ¡le zumba el merequetén!, ¡le zumba el mango!, ¡le zumba el aparato!, ¡le zumba la berenjena!, ¡le ronca!,¡le ronca los timbales!, ¡le traquetea!, ¡ay caray!, ¡m'ijo!, ¡pipo!, ¡ay chico!, ¡manda cohete!, ¡manda cohetes pa la escuela!* (выражение досады); *¡qué jodienda!, ¡qué salación!* (выражение отвращения).

Среди разговорных формул испанский лингвист М. М. Ногероль также подчеркивает важность дискурсивных клише, которые используются с целью начала, поддержания и структуризации разговора и имеют большое значение для эффективного взаимодействия говорящего и слушающего. Он выделяет зачинательные и завершающие конструкции, используемые для организации речи и кодификации социальных отношений участников общения, и переходные конструкции, также используемые для организации и структурирования речи, облегчения процесса обмена информацией [Noguerol 2013]. Приведем ряд зачинательных и завершающих конструкций:

Зачинательные конструкции:

1) приветствие: *¿qué hay?* (букв. 'что есть'), *¿qué se cuenta?* (букв. 'что рассказывается'), *¿qué volá?* (букв. 'что летит'), *¿qué volón?* (букв. 'какой шар'), *¿qué vuelta?* (букв. 'какой поворот'), *¿qué onda?* (букв. 'какая волна');
2) ответ на приветствие: *¡ahí! / ¡aquí!* (букв. 'здесь'), *¡ahí en la lucha! / ¡aquí en la lucha!* (букв. 'здесь в борьбе'), *¡ahí en la bobería!* (букв.'здесь в глупости / ерунде'), *¡na!*

Завершающие конструкции (прощание): *¡hasta lueguito!* ('до скоренького'), *¡adiosito! / ¡chaíto!* ('до свиданьица'), *¡bueno!* ('хорошо'), *¡no te pierdas!* ('не теряйся'), *¡cuídate!* ('береги себя'), *¡te quiero y me quedo corto!* ('люблю тебя и остаюсь рядом'), *¡que te vaya bien y que te arrolle un tren!* ('пусть у тебя все будет хорошо и придет твой поезд'), *¡aché pa' ti!* ('удачи тебе').

Как видно из приведенных примеров, разговорные формулы, будучи универсальными по значению, крайне разнообразны по своему составу и форме, обладают ярко выраженной национальной спецификой и представляют немалый интерес для изучающих особенности национальных вариантов испанского языка.

§ 4.3. Антропонимы в устойчивых выражениях кубинского национального варианта испанского языка

Одним из языковых средств в процессе фразеологического творчества выступают антропонимы, от которых образуются имена нарицательные или другие имена собственные. Как отмечал известный отечественный испанист Ю. А. Рылов, данная категория, выступая важнейшим компонентом лексической системы любого языка, в то же время представляет собой самый загадочный класс слов, поскольку «все аспекты их онтологии и функционирования представляют собой целый ряд особенностей, которые отражают всю сложность и противоречивость его носителя и создателя – человека» [Рылов 2010: 11].

В случае, если речь идет о полинациональном языке, антропонимы, будучи частью его системы в целом, обретают уникальную идеосемантику и коннотации в разных его национальных вариантах. Это связано с историей народа, его фольклором, традициями, культурой. Зачастую имена религиозных, исторических, фольклорных, библейских персонажей в каждом конкретном национальном варианте испанского языка служат для обозначения разных состояний или ситуаций.

В кубинской речи переход антропонимов в категорию имен нарицательных, как правило, происходит путем нулевой деривации (конверсии), то есть без действующего морфологического изменения в имени собственном, который служит основой (обычно это – легендарные или фольклорные персонажи). Словообразование также может осуществляться путем аффиксации. Такие слова в кубинском национальном варианте принадлежит формальному регистру общения. При образовании имен нарицательных, как правило, используются антропонимы,

которые имеют ощутимое фоновое сходство с обозначаемым концептом. Наиболее распространенной синтаксической ролью антропонимов является роль существительного или субстантивированного прилагательного.

Рассмотрим семантическое своеобразие деантропонимической лексики в кубинском национальном варианте испанского языка. В данном контексте, в первую очередь, следует выделить общеиспанские имена нарицательные, образованные от имен святых и просто личных имен и широко используемые, в том числе, и на Кубе. К таким именам относятся слова, входящие в следующие ЛСГ: «насекомые», «птицы», «растения», «пища», «характеристика человека». Обратимся к примерам, взятым из «Словаря американизмов Испанской королевской академии» [http://lema.rae.es/damer/]:

- *santanica / santanilla* (Куба) > *santana* (Испания) > *Santa Ana* – f. *Cu.* Hormiga pequeña que tiene la mitad inferior del cuerpo blanca y la mitad superior de color rojizo; su picada provoca gran ardentía (разновидность муравья: ‘маленький муравей, у которого нижняя половина брюшка белая, а верхняя – красноватая; его укус вызывает сильный жар’);
- *juan chiví / ojón* (букв. ‘Хуан глазастый’) – m. *Cu.* Pájaro de hasta 16 cm de longitud, ojos grandes y cola ahorquillada con el dorso aceitunado, la cabeza parda y el pecho amarillo (‘птица размером до 16 см в длину, с большими глазами, раздвоенным хвостом, спинкой оливкового цвета, коричневой головкой и желтой грудкой’);
- *sandiego* > *San Diego* – m. *Cu* Siempreviva (‘бессмертник (растение)’);
- *magdalena* (Исп. ‘кекс’) > *María Magdalena* – f. *Cu* Bollo pequeño, hecho y presentado en molde de papel rizado, con los mismos ingredientes que el bizcocho en distintas proporciones (‘маленькая булочка, выпеченная и поданная в формочке из гофрированной бумаги, готовится из тех же ингредиентов, что и кекс / бисквитное пирожное, но в иных пропорциях’);
- *perico* (Исп. ‘попугай’) > *Pedro* – m. *Cu* metáf. Persona que habla sin descanso (‘*перен*. человек, болтающий без устали’);

- *bárbara (bárbaro)* > *Bárbara* – sust/adj. *Cu* Persona experimentada, ágil y diestra en un oficio o para realizar una determinada actividad (‘человек, опытный и умелый в каком-либо деле или способный осуществить определенную деятельность’).

Необходимо отметить, что даже общеиспанские деантропонимические лексемы имеют в разных национальных вариантах определенные различия. Во-первых, можно выделить разницу в написании. Например, слово *santana* (Испания), обозначающее вид муравья, на Кубе используется только в диминутивной форме – *santanica / santanilla*, а вышеупомянутая кубинская птица *juan chiví* в Аргентине называется *juan chiviro*, в Пуэрто-Рико – *julián chiví* [http://lema.rae.es/damer/]. При этом в разных странах существует одна и та же легенда о происхождении последнего понятия: юноша по имени Хуан / Хулиан Чиви / Чивиро, прекрасный певец и гитарист, однажды попытался разнять двух дерущихся братьев – своих друзей, но был случайно убит в этой драке. Хуан умер, обняв свою верную гитару, и по нему плакала вся округа, а через некоторое время в лесу появилась птичка, в дивном пении которой слышалось имя погибшего музыканта [http://avesypajarosdecordoba.blogspot.com /2015/07/blog-post.html].

Во-вторых, среди слов указанного типа многие имеют дополнительную семантику в разных латиноамериканских странах. Так, согласно «Словарю американизмов» RAE, вышеупомянутая лексема *perico* в приведенном значении, помимо Кубы, встречается в Боливии, Доминиканской Республике, Мексике, Панаме и Пуэрто-Рико. При этом дополнительным ее значением в Панаме (а также в Колумбии и Эквадоре) выступает ‘яичница-болтунья’ (*huevo revuelto*), в Венесуэле – ‘блюдо из взболтанных яиц с помидорами, луком и сладким индейским перцем’ (*comida hecha con huevos revueltos con tomate, cebolla y ají dulce*), а в Колумбии, кроме яичницы, *perico* актуализируется также в значении ‘маленькая чашечка кофе с молоком’ (*café con leche pequeño*). Среди других толкований встречаются: *piropo* – ‘комплимент’ (Гондурас, Коста-Рика), *grano de*

café que todavía está verde – ‘незрелое кофейное зерно’ и даже табуированное *pene* – ‘мужской половой орган’ (Гондурас).

Подобные явления на Кубе, как и в других странах Латинской Америки, зачастую имеют определенную стилистическую окраску. Так, например, имя *Marujona* (> *Maruja*, производный оним от *María*) является просторечным, что можно определить по внешним признакам слова – наличию суффикса – *on(a)*, и используется для обозначения домохозяйки с негативной (пренебрежительной) коннотацией:

– *Me espantaba convertirme en una* ***marujona*** *cargada de niños y siempre sumisa a su maridito, con el único consuelo de ir diciendo por ahí que en mi casa mando yo* (‘Меня пугала перспектива превращения в **тетку-домохозяйку**, обвешанную детьми, всегда безропотно подчиняющуюся своему муженьку и успокаивающую себя единственным способом, говоря всем вокруг, что, мол, в моем доме я – главная’) [Corpus del español: http://www.dudasytextos.com /recursos/anecdotas.htm].

Оним *Emilio* актуализируется в молодежном жаргоне Кубы в значении ‘электронное письмо, e-mail’. Такое использование основано на созвучии (ср. в русском языке имя *Емеля* в том же значении):

– *... mi mujer me abrió un facebook de esos y* ***un emilio*** *pero nunca los he usado* (‘… моя жена завела мне страницу в какой-то социальной сети вроде Facebook-а и **«мыло»**, но я так ни разу и не воспользовался ими’) [Corpus del español: http://elvia.iblogcuba.com/2012/07/hector-anton-sobre-la-11na-bienal-de-la.html].

Деоним *lorenzo* (> San Lorenzo) выступает синонимом слова *sol* (‘солнце’) в кубинских художественных текстах:

– *Y durmieron a la sombra de un almendro; y perdieron el tono cetrino de sus pieles; y cada gota de sudor que caía de sus frentes, resbalaba por la nariz y se posaba sobre sus labios les suponía un triunfo, porque el beneficio de aquella labor repercutía sólo en ellos; y cada vez que cagaban bajo la luz de* ***el Lorenzo*** *olvidaban una estúpida noción de economía ...* (‘И заснули они в тени миндального дерева, и лишились бледного тона своей кожи; и каждая капля пота, которая катилась со лба,

скользила по носу и оседала над губами, означала их триумф, потому что выручка от той работы зависела только от них самих; и каждый раз, испражняясь под **солнечным** светом, они забывали обо всех глупых экономических расчетах…') [Corpus del español: http://www.historiasadestiempo.com/2012/05/cuento-de-azadas.html].

В этой связи необходимо упомянуть и об общеиспанском фразеологическом обороте *asarse como San Lorenzo*, характерном для разговорной речи и обозначающим 'изнывать от жары'. Указанное значение (как и в случае с *el lorenzo = el sol*) восходит к истории жизни св. Лаврентия Римского (ок. 225 – 258 гг. н.э.), который был подвергнут жестоким пыткам и, отказавшись поклоняться языческим богам, был заживо изжарен на железной решетке: под нее подложили горячие угли, а слуги рогатинами прижимали к ней его тело. По преданию, во время казни Лаврентий сказал своим мучителям: «Вот, вы испекли одну сторону, поверните на другую и ешьте мое тело!» [https://ru.wikipedia.org/wiki/Лаврентий_Римский].

Подчеркнем, что в основе значительного количества подобных выражений лежат прецедентные имена. В некоторых случаях персонажами, которые стали частью кубинского лингвистического наследия, были настоящими людьми, в силу определенных причин оставшимися в коллективной памяти. Таким образом, второй лексико-фразеологический пласт, источником которой выступают антропонимы, связан непосредственно с персонажами именно кубинского фольклора, легенд и традиций. Указанный пласт, на наш взгляд, представляет наибольший интерес с точки зрения изучения кубинской культуры, которая актуализируется в культурообусловленных ЯЕ.

В качестве примера приведем кубинский фразеологизм *hay muchos Marcos Pérez en Buenavista* (букв. 'в Буэнависта много Маркосов Пересов'): *indica que un rasgo de la personalidad, generalmente negativo, de alguien también lo manifiestan otras personas* ('он означает, что какая-либо черта, как правило – отрицательная, которой обладает один человек, присуща многим людям') [http://lema.rae.es/damer/]. Легенда гласит, что в 1930e гг. в городке Буэнависта (в

центральной части Острова) жил человек по имени Маркос Перес, охочий до чужого имущества. Когда его поймали на воровстве и отправили за решетку, остальные жители решили, что могут спать спокойно. Тем не менее в первую же ночь после ареста вора в городке произошел ряд крупных краж, в связи с чем полицейский Муньос, арестовавший Переса, вышел на главную площадь и произнес сакраментальную фразу, которая ушла в народ и стала частью паремиологического фонда испанского языка Кубы: *De estos Marcos Pérez, parece que hay muchos en Buena Vista* (‘Кажется, таких Маркосов Пересов много в городе Буэнависта’) [https://www.todocuba.org/donde-viene-refran-cubano-muchos-marcos-perez-buena-vista/].

Ниже мы предлагаем классификацию типично кубинских антропонимов, перешедших в имена нарицательные и сформировавшие культурообусловленный лексико-фразеологический пласт соответствующего национального варианта испанского языка.

§ 4.3.1. Религиозные персонажи

Конкистадоры, после истребления значительной части местного населения, начали завозить на Остров рабов из Африки для работы на плантациях. Это способствовало «подключению» к процессу формирования кубинского национального варианта испанского языка африканских диалектов, имеющих свои особенности. Одной из таких особенностей выступает безэквивалентная лексика, относящаяся к определенным семантическим полям, в частности – к вербализации африканских религиозных культов, о которых жители Кубы ранее не имели представления.

Обратимся к примерам: в современном испанском языке Кубы существует фразеологизм *bajarle el changó / darle changó*, означающий, что некто сильно рассердился, впал в ярость, «мечет гром и молнии». Корнями данный фразеологизм, в котором семантически опорным компонентом выступает антропоним *Changó*, уходит в мифологические представления народа йоруба, появившиеся на Острове вместе с рабами из Нигерии. (Напомним, что суффикс –

ngo – африканского происхождения – является продуктивным именно в кубинском национальном варианте испанского языка.) У йоруба сложился политеистический пантеон богов (ориша), полубогов и духов, где одним из верховных божеств считается Чанго (Шанго / Санго), когда-то бывший четвертым царем Йоруба и ставшего Богом грома.

«Словарь американизмов» RAE дает следующее определение указанному антропониму: *Deidad de la religión yoruba que representa al trueno, la justicia, la virilidad, la danza y el fuego* (‘Божество из религии йоруба, который является воплощением грома, справедливости, мужественности, танца и огня’) [http://lema.rae.es/damer/?key=]. Более развернутый комментарий находим в энциклопедии на сайте «Академика»:

«В Карибской религии лукуми (Lukumí, Olokun mi = ‘мой дорогой’)[1] – Чанго считается основным элементом религии, поскольку он представляет западноафриканский народ ойо. Дух огня, грома, молнии и войны, барабанов бата и танцев и празднований Ориша. Дух мужской силы. Его оружие – короткий двусторонний топор оше (oshe), его цвета – белый и красный» [https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/114766].

Таким образом, становится понятен смысл антропонима *Changó* в составе приведенной фразеологической конструкции, который выступает также ее культурообусловленным компонентом. В корпусах испаноязычных текстов можно найти массу примеров актуализации данного фразеологизма с пометой «Куба» или «США»:

– *Lo que pasa es que cuando se enfrentan a alguien, que demuestra zonas de conocimiento a las que ellos no pueden siquiera asomarse, en especial de la verdadera historia de Cuba, les* ***da changó*** *con conocimiento y comienzan a ehcar espuma por la*

[1] Лукуми – синкретическая религия, распространенная на Кубе, а также в среде афрокубинских эмигрантов в США и других странах. Представляет собой верования народа йоруба, смешанные с элементами католицизма, имеет множество сходных элементов с вуду и другими африканскими синкретическими религиями. Другое название данной религии, встречающееся во многих источниках и определениях, – «сантерия» (исп. *santería*), образованное от слова *santo* (святой). Указанное название было дано испанцами и изначально служило для презрительного обозначения истового почитания святых, распространенного среди африканцев. Сами последователи сантерии считают это название уничижительным, именуя себя «лукуми» [https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/680105]. Тем не менее стоит отметить, что в определениях «Словаря американизмов» RAE в настоящее время слово «сантерия» встречается в нейтральных контекстах (см., например, определение *Changó*). – Прим. З. Игнашиной.

boca y pistilencias por todas partes... (‘Итак, происходит следующее: когда они [представители поколения Y] встречают кого-то, кто демонстрирует такие знания, которые им даже не снились, особенно в области настоящей истории Кубы, они просто **бесятся / впадают в ярость** от этих знаний, изо рта у них начинает «идти пена» и лететь стрелы – в разные стороны…’) [Corpus del español: http://lageneraciony.com/?p=274&cp=all].

Как отмечает кубинский лингвист А. Лауренсио Такоронте, фразеологизм *bajarle (el) Changó* имеет и религиозное значение: *caer en trance* (‘впадать в транс’) [Laurencio Tacoronte 2012: 142].

Еще одним божеством йоруба, имя которого внесло вклад в кубинскую фразеологию, является Йеманджá / Йеманджи́ (Yemayá) – богиня соленых вод: «Мать рыб и Мать всех ориша, богиня океана. В романе Ж. Амаду «Мертвое море» – богиня моря; ее волосы — лунная дорожка на воде. Как одна из Матерей в религии йоруба, она олицетворяет заботу и поддержку. Подобно любой матери, она может также быть строга и сильна. Ее энергия приносит стабильность» [Сиим 2009: 180].

В кубинском национальном варианте испанского языка данный антропоним претерпел изменения через метатезу и произносится как *Mayeya*. Восклицание *¡Agua pa’ Mayeya!* означает радость от того, что пошел сильный дождь, благодаря которому земля принесет хороший урожай, или выступает перифразом для самого слова «ливень». Данное восклицание стало частью кубинского фольклора и встречается в народных песнях в контексте призыва дождя:

– *En las canciones populares se ha hecho referencia a ofrendar agua a los santos, como por ejemplo:* ***Agua pa' Mayeya*** *y (...) Pregunta ¿qué necesita? Agua bendita* (‘В народных песнях говорится о принесении воды в жертву святым, как, например: «Вода для Йеманджи, и (…) она спрашивает: «Что тебе нужно?» – «Благодатной воды»’) [http://www.haciendoalmas.cult.cu/2013/05/16/el-agua-su-presencia-en-las-manifestaciones-culturales-y-el-medio-ambiente/].

– ***Agua Pa' Mayeya***

Si va a llover que llueva

(‘Вода для Йеманджи [= ливень],

если собирается пролиться,

то пусть прольется’)

[http://www.cubasindical.org/news/infopress/y04/12290405.htm].

Еще одно устойчивое выражение, включающее данный антропоним, – *collar de Mayeya suciedad que se forma en el cuello* (букв. ‘ожерелье Йеманджи – грязь на шее’): так говорят детям, призывая их умыться (ср. рус. «Ты чернее трубочиста, полюбуйся на себя!»). Согласно верованиям йоруба, каждое божество Пантеона имеет отличительный знак в виде ожерелья определенных цветов, которое является магическим амулетом, и для Йеманджи как владычицы морей эти цвета – синий и белый. С другой стороны, существует легенда о том, что Йеманджи использовала амулеты не по назначению, играя с ними, за что получила нарекание от верховного божества: *Mayeya, ¡respeta los collares, no juegues con los santos!* (‘Йеманджа, уважай ожерелья, не играй со святыми’) [Núñez 2006]. В кубинском национальном варианте испанского языка таким образом детей призывают перестать шалить и задуматься над своим поведением, предупреждают о возможных негативных последствиях шалости.

Еще одним божеством Ориша, имя которого перешло в категорию нарицательных, выступает Элегба / Эшу (Eleg(g)uá / Eshú, Echú). Л. М. Нуньес, исследователь сантерии, описывает его как бога перекрестков, дорог, установления контактов между людьми и другими Ориша. Без его одобрения невозможно установить связь ни с какими духами; более того, он – шутник, и его боятся, поскольку огромная сила, управляемая только его прихотью, может причинить большой вред [Núñez 2006]. Лексема *echú* на Кубе означает неудачи – *representación de la mala suerte* [http://lema.rae.es/damer/?key=], а выражение *evitar el echú* используется в значении ‘избежать неприятностей’:

– *A él se le hacen ofrendas y para él hay baños de purificación o de preparación de el ambiente (casa o local de reunión) con incienso o perfume.* ***El echu es evitado*** (‘Ему [божеству] приносятся жертвы, для него есть очистительные ванны или подготовка пространства (дома или места, где проходит собрание) с помощью

благовоний. Так **не будет неприятностей**’) [Corpus del español: http://www.escuelacima.com/ espiritistas.html].

Нами были выделены лишь религиозные антропонимы (теонимы) в кубинском национальном варианте испанского языка африканского происхождения, переход которых в имена нарицательные зафиксирован в словарях и имеет подтверждение в текстовых корпусах. Необходимо отметить, что в работах испаноязычных исследователей можно встретить и другие (не африканские) теонимы, предположительно пополнившие фразеологический фонд Кубы, подтверждения узуальности которых нами обнаружено не было. Так, например, А. Лауренсио Такоронте приводит фразеологизм *no creer ni en Mahoma* (букв. ‘не верить даже в Мухаммеда’) – ‘никого не бояться, без страха говорить или делать все, что считаешь нужным, в отношении кого угодно’ (*no temer a nadie, no tener ningún temor de decirle o hacerle algo a nadie, quienquiera que sea*) [Laurencio Tacoronte 2012: 142]. Подобные примеры свидетельствуют о необходимости дальнейшего, более глубокого изучения деантропонимизации религиозных персонажей.

§ 4.3.2. Персонажи из легенд как источник кубинского фольклора

Помимо африканских верований, на испанский язык Кубы повлияла и повседневная жизнь афрокубинцев, в которой значительное место отводилось устному народному творчеству. Фразеологический фонд кубинского национального варианта испанского языка пополнили выражения с именами персонажей, о которых практически невозможно с уверенностью сказать, принадлежат ли они реальным людям (как в случае с вышеупомянутым Маркосом Пересом из Буэнависты). Примерами таких антропонимов африканского происхождения можно считать имена *Ñaña (Ñañá / Naná) Seré*, *Cafunga* и *Chacumbele*.

Фразеологизмы *ser más viejo que Ñañá Seré* (букв. ‘старше, чем Ньянья Сере’) и *en tiempos de Ñañá Seré* (букв. ‘во времена Ньянья Сере’) используются в ироничных контекстах, характеризуя нечто очень старое или какое-либо давнее

событие (ср. исп. *en los tiempos de Maricastaña*, рус. *во времена царя Гороха*). Согласно африканскому преданию, раб с таким именем умудрялся всячески отлынивать от работы и, таким образом, смог дожить до времен, когда рабство закончилось и, уже будучи свободным, умереть в более чем столетнем возрасте. По другой версии, *Ñañá Seré* – общее название для группы племен йоруба (лукуми) с древней историей, представители которых (благодаря метонимическому переносу также называемые *ñañá seré*), появившись на Острове в качестве рабов, не забыли своих корней и из поколения в поколение передавали обычаи, традиции и верования предков.

Оба варианта истории указанного образа находим на сайте кубинского журналиста А. Дениса arrajatabla.net, описывающего интересные факты языка и культуры Острова.

– *[La expresión] proviene de una historia relacionada con un esclavo Lucumí que así se llamaba y que ya libre, logra vivir más de cien años. Ese personaje hacía las delicias de los niños contándole historias de los tiempos de la esclavitud, pero el Diccionario de Cubanismos, plantea que* ***Ñañá Seré*** *es sinónimo de Naná por aquello de* ***"ser más viejo que la naná"****. Dicen que cuando el amo mandaba a trabajar a Ñaná Seré este replicaba: "Lamo, negro con barriga vacía no pue trabajar", y al darle de comer, el esclavo se resistía argumentando: "Lamo, negro con barriga llena no pue trabajar…"* ('Выражение пришло из истории, рассказанной одним из рабов лукуми, которого звали Ньянья Сере и который, уже будучи свободным, смог дожить более чем до ста лет. Этот человек радовал детей своими рассказами, а в «Словаре кубанизмов» отмечается, что синонимом *Ñañá Seré* является *Naná,* поэтому существует также выражение *ser más viejo que la naná.* Говорят, что, когда хозяин отправлял Ньянья работать, тот отвечал: «Господин, негр с пустым брюхом не может работать». Когда же его кормили, раб [на приказ идти работать] аргументированно возражал: «Господин, негр с полным брюхом не может работать…»') [http://arrajatabla.net/en-tiempos-de-nana-sere/].

– *Se habla también de otra versión del origen del término que se deriva de la existencia de las siete tribus* ***Ñañá Seré****: Suama, Bakongo, Musundi, Luango, Gangá,*

Makoa y Mandinga, que forman la nación conga. Aquellos esclavos se servían de sus proverbios, cuentos y fábulas, que eran la base de la pedagogía Lucumí, para ilustrar sus enseñanzas, su filosofía de la vida, e inculcar a sus hijos sus principios morales, sus creencias religiosas y mágicas (...) El vocablo "lucumí" actualmente persiste para designar las supervivencias de las costumbres y otros rasgos culturales yoruba, al igual que la popular locución ***"más viejo que Ñaná Seré"****, o* ***"en tiempos de Naña Seré"****, para decir que algo o alguien es muy antiguo* ('Есть и другая версия происхождения данного термина – существование семи племен Ньянья Сере: Суама, Баконго, Мусунди, Луанго, Ганга, Макоа и Мандига, которые являются частью народа конго. Те рабы привнесли в культуру свои пословицы, рассказы и сказки, ставшие основой педагогики лукуми, чтобы продемонстрировать свой опыт, свою философию жизни и обучать своих детей своим моральным принципам, своим верованиям и обрядам… Слово «лукуми» сейчас означает сохранение обычаев и других культурных традициций йоруба, а выражение "más viejo que Ñañá Seré" или "en tiempos de Ñañá Seré" – чтобы сказать, что что-то или кто-то является очень старым') [http://arrajatabla.net/en-tiempos-de-nana-sere/].

Имя другого африканского персонажа, Чакумбеле (Chacumbele), выступает семантически опорным компонентом для фразеологизмов-сравнений *pasarle como a Chacumbele (que él mismito se mató)* и *morir como Chacumbele* ('случиться, как у Чакумбеле (который сам себя убил)' и 'умереть как Чакумбеле'): *dícesele a alguien cuyo descuido o superficialidad podría acarrearle graves consecuencias o hasta daños físicos* ('так говорят кому-то, чья беспечность или поверхностность может привести к серьезным последствиям (вплоть до физических повреждений') [Sánchez-Boudy 1999]. Как многие городские легенды, история Чакумбеле запутана и имеет несколько трактовок:

– *Se dice que Chacumbele fue un personaje real, un policía que, atormentado por las traiciones de su mujer, se quitó la vida. Todo ocurrió a principios del siglo XX en La Habana. Pero hay otra versión de la historia, donde la mujer muy celosa lo buscó y, cansada de sus ausencias en parrandas y fiestas con otras mujeres, lo apuñaló; en esta versión el estribillo "él mismito se mató" refuerza la enseñanza de quien mal anda, mal*

acaba (‘Говорят, что Чакумбеле, действительно, существовал и был полицейским, который, измучившись от измен своей жены, лишил себя жизни. Все произошло в начале XX века в Гаване. Существует и другая версия истории, в которой очень ревнивая жена Чакумбеле его разыскивала и, устав от его отсутствия дома в связи с постоянными загулами и вечеринками с другими женщинами, его заколола; по этой версии присказка «сам себя убил» назидательно подчеркивает, что плохой конец ждет того, кто совершает плохие поступки’) [https://gabrielvq.blogspot.com/2013/08/que-le-paso-chacumbele.html].

Вопрос о настоящем имени Чакумбеле остается открытым, поскольку существует также версия, что мужчину звали Хосе Рамон Чакон Белес (José Ramón Chacón Vélez) и фамилия стала источником его циркового псевдонима – Чакумбелес (Chacumbeles):

– *Chacumbeles se llamó José Ramón Chacón Vélez, que nació el 9 de noviembre de 1912 en Santa Cruz del Sur, provincia de Camagüey, Cuba (...) se busca la vida [en la Habana] de noche vendiendo gardenias y mariposas en el Parque Central. De día consigue empleo de aprendiz de trapecista en el circo Santos y Artigas (...) y muy pronto se revela como un gran y nuevo talento de los aires. (...) Chacumbeles se enamora perdidamente de Ilona [la Muñequita Húngara] y se convierte en su amante de turno (...) Un día en que estaba Chacumbeles en la cuerda floja, contempló desde los aires a Ilona y [su colega] Harry Silver malamente escondidos devorándose a besos. Chacumbeles perdió el equilibrio y cayó al suelo (...) era imposible retomar su gloria pasada. Había quedado cojo y sin fuerzas en las manos a consecuencia de la caida. (...) consigue trabajo en la policia [de la Habana] y le es asignado a Chacumbeles un puesto patrullando el Parque Central. Cojo, con el alma rota en mil pedazos y sumido en una profunda depresión, regresa Chacumbeles al mismo parque que lo vio llegar a La Habana. No pudo soportarlo. Una madrugada de Abril se quitó la vida con su revólver de policía* (‘Чакумбелес, его звали Хосе Рамон Чакон Белес, который родился 9 ноября 1912 года в городке Санта Крус дель Сур провинции Камагуэй на Кубе (…), зарабатывает на жизнь [в Гаване], по вечерам продавая гордении и бабочек в Центральном парке. Днем он обучается ремеслу гимнаста на трапеции в

цирке Сантос и Артигас (…), и очень скоро он становится большим и новым талантом акробатики (…) Чакумбелес без памяти влюбляется в Илону [артистку того же цирка, венгерского происхождения] и становится ее очередным любовником (…) Однажды Чакумбелес, балансируя на слабо натянутом канате, увидел Илону и своего коллегу Гарри Сильвера, которые, едва скрывшись от посторонних глаз, страстно целовались. Чакумбелес потерял равновесие и упал…, он уже не смог вернуть былую славу. Он остался хромым и потерял силу в руках как последствие падения (…). В Гаване он получает работу в полиции, и его назначают патрулировать Центральный парк. Хромой, с разбитым на тысячу осколков сердцем и погруженный в глубокую депрессию, Чакумбелес возвращается в тот же парк, в котором его встретила Гавана. Этого он не смог вынести. Одним апрельским утром он застрелился из табельного револьвера’)[http://baracuteycubano.blogspot.com/2011/04/cuba-historias-de-chacumbele-el-que-el.html].

Тот же блог повествует, что финальной –s в правописании псевдоним Чакумбеле(с) лишился благодаря песне А. Мустильера (A. Mustilier), написанной в 1941 г.: *¡Ay, Chacumbele! ¡El mismito se mató!* Именно эта строчка из песни, много раз повторявшаяся в припеве, стала в конечном итоге фразеологическим выражением, зерегистированным в словарях кубинского национального варианта испанского языка.

Антропоним Кафунга (Cafunga), выступает семантически опорным компонентом для еще одного фразеологизма-сравнения – *morir como Cafunga* (букв. ‘умереть как Кафунга’). В работах испанских лингвистов находим следующие его значения:

(1) *morir en forma inesperada* (‘умереть внезапно’);

(2) *morir en forma violenta* (‘умереть жестокой смертью’);

(3) *terminar mal* (‘плохо закончить(ся)’) [Sánchez-Boudy 1999];

(4) *morir en un acto altamente arriesgado* (‘умереть в результате рискованных действий’);

(5) *morir en un acto de valor* (‘пасть смертью храбрых’) [https://hablandocubano.blogspot.com/2010/10/como-murio-cafunga.html].

Известный кубинский лингвист Ф. Ортис приводит 2 версии происхождения данного выражения: *la primera, es que la voz Cafunga viene por alteración del vocablo Kakanfó, título conferido al guerrero Lucumí cuyo valor lo convertían en héroe de su pueblo por tanto en una figura admirada dentro del folklore afrocubano (...) La otra versión cuenta que un moreno desmochador de palmiche en la zona de Santi Spiritus, quien tenía como sobrenombre Cafunga, un día al no ajustarse bien las trepaderas que lo aseguraban, cayó estrepitosamente desde lo alto de una palma real (árbol nacional de Cuba)* (‘Согласно первой версии, имя собственное Кафунга (*Cafunga*) – видоизмененная лексема *Kakanfó*; так называли воина Лукуми, благодаря своей отваге ставшего народным героем и вызывающей восторг фигурой афрокубинского фольклора (…) По второй версии, темнокожий рубщик пальм в лесах Санти Спиритус, по прозвищу Кафунга, однажды не закрепив как следует веревки, которые его страховали, рухнул с самой верхушки королевской пальмы – национального дерева Кубы’) [https://hablandocubano. blogspot.com/2010/10/como-murio-cafunga.html].

Существует и третья, региональная, версия появления данного сравнения, возникшая в Сантьяго де Куба и получившая распространение в восточной части Острова. Согласно легенде, Кафунга был старым ловеласом, который работал посыльным в небольшой лавочке Сантьяго и в 1823 г., влюбившись без памяти в 16-летнюю девушку-рабыню, соблазнил ее. Жених той девушки, будучи намного моложе и сильнее, взял огромную палку и отправился мстить. Кафунга смог убежать от преследователя, но когда опасность уже миновала, умер от инфаркта на ступеньках церкви [https://www.todocuba.org/murio-como-cafunga-la-peculiar-version-de-los-santiagueros/]. Исходя из указанной версии, к общекубинским значениям данного фразеологизма можно добавить диалектное значение, актуализированное в Сантьяго-де-Куба:

(6) ‘умереть бесславной смертью’: *Y así murió Cafunga, según los santiagueros, para quienes su muerte – a diferencia de la versión más extendida – no fue un acto de*

valor, sino todo lo contrario (‘Вот так и умер Кафунга, говорят жители Сантьяго-де-Куба, для которых его смерть, в отличие от общепринятой версии, не была результатом отваги, а с точностью до наоборот’) [https://www.todocuba.org/murio-como-cafunga-la-peculiar-version-de-los-santiagueros/].

Таким образом, спектр значений фразеологизма *morir como Cafunga* обнаруживает явление энантиосемии (‘пасть смертью храбрых’ vs. ‘умереть бесславно’), которая не выявляется при помощи словарей, однако раскрывается в результате анализа его региональной актуализации. В данном случае можно сделать вывод о необходимости изучения функционирования в речи культурнообусловленных ЯЕ в рамках межвариантной диалектологии.

§ 4.3.3. Прецедентные антропонимы как источник кубинского фольклора

Зачастую персонажами, которые стали частью кубинского фольклора, были настоящие люди. Помимо вышеупомянутого М. Переса из Буэнависты, в данный список также можно включить следующие имена, вошедшие в кубинскую фразеологию:

- Феликс де ла Каридад Карвахаль и Сото, по прозвищу «Эль-Андарин Карвахаль» (букв. ‘скороход Карвахаль’) – известный кубинский марафонец, участвовавший в III Олимпийских играх в Сент-Луисе 1904 г. в США;
- Луис Маццантини, известный испанский тореадор конца XIX века, образец мужества и сильной личности;
- Матиас Перес, портной португальского происхождения, основавший на Кубе бизнес по продаже навесов и пропавший без вести во время полета на воздушном шаре в 1856 г. в Гаване;
- Чин Лан Пин – аристократ, представитель китайского правительства, который посетил Кубу в 1874 г. с целью изучения положения китайских подданных на Острове (в связи с ненадлежащим отношением на Кубе к китайским рабочим, которое повлекло за собой бунты и многочисленные самоубийства).

Согласно «Большому словарю кубанизмов» Х. Санчеса-Боуди, данные персоналии стали источником ряда узуальных фразеологизмов кубинского национального варианта испанского языка. Рассмотрим некоторые примеры:

Выражение *ser un andarín carvajal* (букв. ‘быть скороходом карвахалем’) имеет два значения, первое из которых является нейтральным:

(1) *una persona aficionada a andar, quien siempre está de un lado para otro* (‘человек, который любит ходить пешком и постоянно перемещается из одного места в другое’).

Второе значение фразеологизма имеет негативную коннотацию и в качестве синонима к нему в словаре предлагается экспрессивный этноним *palestino*:

(2) *quien no tiene un domicilio estable, quien siempre está cambiando de domicilio* (тот, у кого нет постоянного места жительства, кто все время меняет дом) – ср. рус. «перекатиполе» [Sánchez-Boudy 1999].

Необходимо отметить, что корпус www.corpusdelespanol.org для кубинского национального варианта испанского языка выдает сочетание *andarín carvajal* в его прямом значении более, чем в 50% вхождений. При этом второе и первое деантропонимические значения встречаются в примерном соотношении 1/9. Следующий пример, на наш взгляд, выступает удачным сочетанием всех возможных способов актуализации данного сочетания:

– *Son los historiadores mercenarios que tienen como mandato cambiar la historia. Esos panfletos contribuyen a hacer la niebla más espesa alrededor de nuestro personaje de hoy. Pero, a pesar de todo el tizne que tiene el cristal, vamos a mirar a través de él y acercarnos a la vida de el* ***Andarín Carvajal*** *(…) Un* ***andarín carvajal****, ustedes dirán, que es el que anda mucho y eso, técnicamente es cierto. Pero* ***andarín*** *se le decía en el siglo XIX y la primera parte de el siglo XX, a los corredores de fondo o distancias largas así como a personajes que hacían exhibiciones, generalmente en ferias que iban de pueblo en pueblo, dotados de habilidades y resistencia para cubrir grandes distancias a pie y en poco tiempo* (‘Это – все продажные историки, у которых в качестве мандата – изменение истории. Такие памфлеты вносят свой вклад в попытки напустить густой туман на образ «героя нашего времени».

Однако, несмотря на всю копоть, которой покрыто зеркало [истории], давайте посмотрим в него на жизнь **Скорохода Карвахаля** (…) Вы скажете, что **«скороход карвахаль»** – это тот, кто много ходит, и это технически является верным объяснением. Но **«скороходом»** в XIX и первой половине XX века называли бегунов на длинные дистанции, как и людей, которые устраивали выставки (в основном – на ярмарках), которые ходили из одного населенного пункта в другой, наделенные выносливостью и способностью преодолеть пешком длинные дистанции за короткое время') [http://lagartoverde.com/2012/09/01/quien-esta-detras-de-yoani-sanchez-el-gobierno-cubano-u-otras-manos/].

Несмотря на то, что, строго говоря, значение (2) в приведенном примере не представлено, можно предположить, что оно появилось в результате семантического сдвига в значении «ходоки по городам и весям», которое изначально являлось нейтральным. Данное предположение, однако, нуждается в дополнительном исследовании.

Фразеологизм *Masantín(i) el torero* [var. ort. Mazantín / Mazzantín(i)] имеет словарное значение *cualquiera, cualquier persona, no importa quién* ('кто угодно, любой человек, неважно кто'), в связи с чем в кубинской речи можно встретить выражение *eso no hace ni Mazantín el torero* (букв. 'этого не может сделать даже Мацантин-тореадор') – 'с этим никто не справится'. Вот как трактуется это значение в одном из кубинских блогов:

– *Los cubanos cuando nos encontramos ante una tarea difícil de realizar solemos decir: "**eso no lo hace ni Mazantín el torero**" y muchos desconocen que este personaje fue muy famoso en pleno siglo XIX y que desde que estuvo de visita en nuestra isla, quedó para siempre en la memoria de sus habitantes* ('Мы, кубинцы, сталкиваясь с трудной для выполнения задачей, обычно говорим: «**Этого не сделает даже Мацантин-тореадор**», – но немногие знают, что этот человек был очень знаменит в XIX веке и с тех пор, как посетил наш Остров, навсегда остался в памяти ее жителей') [hablandocubano.blogspot.com/ 2010/11/mazzantin-o-mazzantini-el-torero.html].

В комментариях к указанной статье выявляется еще один вариант использования данного антропонима, не представленный в словарях:

– *Mi mamá, que en paz descanse, siempre decía "**aquí viene Masantín el torero**" refiriéndose a un tipo que caminaba con mucha personalidad* (‘Моя мама, Царствие ей Небесное, всегда говорила: «**Вот идет Мацантин-тореадор**», – о человеке с большим самомнением’) [hablandocubano.blogspot.com/ 2010/11/mazzantin-o-mazzantini-el-torero.html].

Комментарий позволяет сделать вывод о социолингвистической маркировке такой актуализации (возраст говорящего) и вероятности того, что она является устаревшей. Данное предположение подтверждается опросом информантов-кубинцев: среди опрошенных приведенное значение оказалось известно людям в возрасте 50+, при этом сами они его не используют, однако слышали от своих старших родственников (родителей, бабушек и др.)

Значение фразеологизма-сравнения *volar como Matías Pérez* – ‘бесследно исчезнуть’ (*desaparecer sin dejar rastro*) напоминает о трагическом исчезновении бизнесмена и аэронавта-любителя Матиаса Переса. Несмотря на то, что неудачный полет состоялся в 1856 г., указанное выражение до сих пор популярно на Кубе, о чем свидетельствуют многочисленные записи и дискуссии в кубинских блогах (hablandocubano.blogspot.com, olcc81.blogspot.com, rincondeamoryvida.wordpress.com, olcc81.cubava.cu и др.). В современном дискурсе нами также были отмечены случаи его окказионального использования в игре слов, например – в комментарии к статье из блога *Hablando Cubano* или в подзаголовке статьи из журнала *La crisis de la historia*:

– *Perdón, permíteme presentarme: **soy Matías Pérez pero claro yo no vuelo*** (‘Простите, разрешите мне представиться: **меня зовут Матиас Перес, но я, понятное дело, не летаю**’) [https://hablandocubano.blogspot.com/2010/11/volo-como-matias-perez.html]

– *El infortunado segundo vuelo de Matías Pérez que **le llevó al océano y la inmortalidad** de la cultura popular cubana* (‘Неудачный второй полет Матиаса Переса, который **поверг его в океан и в бессмертие** кубинской народной

культуры’) [https://www.lacrisisdelahistoria.com/volo-como-matias-perez/#Volo_ como_Matias_ Perez].

Возможно, популярность фразеологизма связана и с тем, что сочетание имени и фамилии Матиас Перес является распространенным на Кубе: Интернет-поисковики, помимо исторического героя, выдают на соответствующий запрос имена футболиста, певца, фотографа, а также профили в социальных сетях людей родом с Острова.

Что касается китайского имени Чин Лан Пин, оно претерпело фонетическую трансформацию в существительное *chulampín* и по сходству звучания слилось в значении с прилагательным *chulo* в значениях *guapo* (‘красавчик’, разг. ‘классный парень’) и *hombre que se vale del afecto o amistad de alguien, especialmente una mujer, para obtener algún beneficio* (‘человек, который пользуется любовью или дружбой со стороны других людей, особенно женщин, чтобы получить для себя какую-либо выгоду’): *chulampín* [ampl. de chulo; mod. n. pr. Chin Lan Pin] m. col. véase chulo1,2.

На наш взгляд, семантика выражения *ser un chulampín* обусловлена слиянием двух факторов – экстралингвистического (наличием реального исторического персонажа и контекста, в котором китайский чиновник с соответствующим уровнем образования и воспитания прибыл на Кубу) и внутриязыкового (фонетическим сходством с определенным словом, уже существующим в языке). Такое предположение подтверждается кубинскими источниками. Приведем пример из статьи о китайском наследии в кубинском национальном варианте испанского языка, опубликованной на официальном сайте радиостанции *Radio Rebelde*:

– Otro vocablo cuyo uso en el español de Cuba se debe a la presencia de chinos en nuestro país es ***chilampín****, corrupción de Chin-Lam-Pim, mandarín de tercera clase que arribó a La Habana en 1874. Ese hombre era culto y refinado y causó muy buena impresión a las autoridades coloniales. Más tarde el significado de esa palabra varió al vincularse con la voz* ***chulo****, de donde surgió* ***chulampín****, que incluso se utiliza en la actualidad como el que explota o abusa del otro* (‘Другим словом, появившимся на

Кубе благодаря присутствию в нашей стране китайцев, является **chilampín** – «искажение» от Чин-Лам-Пин. Так звали чиновника третьего класса, который прибыл в Гавану в 1874 г. Это был образованный человек с утонченными манерами, который произвел очень приятное впечатление на колониальные власти. Позже значение данного слова изменилось в результате слияния со словом **chulo**, в связи с чем возникла лексема **chulampín**, которая в современном языке также используется для обозначения человека, который эксплуатирует других, злоупотребляет какими-либо отношениями') [http://www.radiorebelde.cu/de-cuba-y-de-los-cubanos/el-legado-asiatico-cuba-20171120/].

Таким образом, можно утверждать, что первое значение исследуемого фразеологизма имеет положительную коннотацию, а второе носит ярко выраженную негативную окраску, что можно отследить и на уровне синонимов, предлагаемых словарями: *chulampín* – *chulapo* ('пижон'), *perdonavidas* ('фанфарон', 'хвастун'), *rufián* ('шут', 'сутенер'). Здесь мы вновь обнаруживаем явление энантиосемии, как и в случае с выражением *morir como Cafunga*.

§ 4.3.4. Имена собственные, перешедшие в категорию нарицательных по фонетическому сходству

Если предыдущие группы имен подверглись деантропонимизации благодаря экстралингвистическим факторам (в первую очередь – историческому, который, однако, теснейшим образом связан с этническим, социальным и религиозным; особенно это касается антропонимов африканского происхождения), последняя выделяемая нами группа представляет собой чисто языковые образования. Имена собственные приобретают дополнительную семантику по фонетическому сходству или так называемой «псевдо-деривацией».

Подобные дериваты используются с целью замены табуированного понятия или оскорбления, а также для создания комического эффекта или в ироничном контексте. Как справедливо отмечает А. Лауренсио Такоронте, *una de las motivaciones iniciales haya sido el enmascaramiento del mensaje a transmitir, pero hoy*

en día estos apelativos son tan comunes que resultan del todo transparentes, por lo que el motivo de su empleo se encontraría más bien en la pulsión estilística, desde la búsqueda del efecto cómico hasta la puntualización enfática (‘Одной из первоначальных мотиваций таких образований была маскировка передаваемого сообщения, но в настоящее время эти апеллятивы настолько распространены, что их значения стали полностью прозрачными, поэтому их использование в современной речи обусловлено, скорее, стилистическими причинами, от поиска комического эффекта до эмфатического описания’) [Laurencio Tacoronte 2012: 144].

В результате поиска по словарям [http://lema.rae.es/damer; Gran diccionario de cubanismos 1999; Richard 2006] мы составили таблицу «фонетических» деантропонимов (в алфавитном порядке), в которой указано имя собственное-источник, значение имени нарицательного и его перевод. Подчеркнем, что все найденные лексемы имеют, как минимум, стилистическую помету «разговорное».

Таблица № 5

Антропонимы, перешедшие в категорию имен нарицительных по фонетическому сходству в кубинском национальном варианте испанского языка

№ п/п	*Лексема*	*Имя собственное-источник*	*Значение*	*Перевод*
1.	cerapio	Serapio	1) *col.* cero, número cero; 2) *col.* nada	1) *разг.* ноль (число) 2) *разг.* ничего
2.	¡cirilo! / ¡ciro!	Cirilo	*fam.* Sí	*разг.* да
3.	federico / feodoro	Federico / Feodoro	1) *col.* feo; muy feo 2) *enf.* feto, cocomacaco	1) *разг.* некрасивый, страшный; 2) *груб.* урод (букв. ‘выкидыш’)
4.	juana / (doña) juanita	Juana	*fest.* marihuana	*шутл.* марихуана
5.	leocadio	Leocadio	1) col. loco,	1) разг.

		(deform. Locadio)	chiflado; 2) col. atontado, aturdido, lelo	сумасшедший, чокнутый; 2) разг. идиот, кретин

Продолжение Таблицы №5

6.	marilú	Marilú	*marg*. marihuana	*жарг*. марихуана
7.	nereida	Nereida	*pop*. no (ne)	прост. нет (неа)
8.	roberto / robertico	Roberto	*col.* con el que se hace alusión a algo robado o a la acción de robar	*разг.* краденая вещь или кража как действие

Из приведенных примеров видно, что имя собственное, как правило, выбирается для обозначения того или иного концепта или выражения некоей коммуникативной цели на основе фонетического совпадения или сходства первого слога (первых слогов) двух лексем. Такая актуализация антропонимов дала определенный социальный эффект: некоторые из них, например, Федерико и Теодоро, перестали использоваться в качестве имен на Кубе сегодня (ср. имя *Concha* в Аргентине). Другие имена, такие как Леокадио, считаются устаревшими.

Тем не менее необходимо отметить, что псевдо-деривация выступает продуктивным словообразовательным ресурсом и в других испаноязычных странах. В Испании, например, имя *Rogelio* (ср. *rojo* – ‘красный’) используется для обозначения красного цвета в политическом смысле (коммунистические или левые тенденции; сторонник левых взглядов, коммунист), а *Emilio* – электронного письма (от *e-mail*). В речи Мексики *ser felipe* означает ‘быть счастливым’ по фонетическому сходству имени *Felipe* и прилагательного *feliz*, а имя *Juana*, как и на Кубе (а также в Эль Сальвадоре) является жаргонным наименованием марихуаны.

«Псевдодериваты» становятся источником фразеологических оборотов, некоторые из которых образуются путем рифмовки деантропонимического

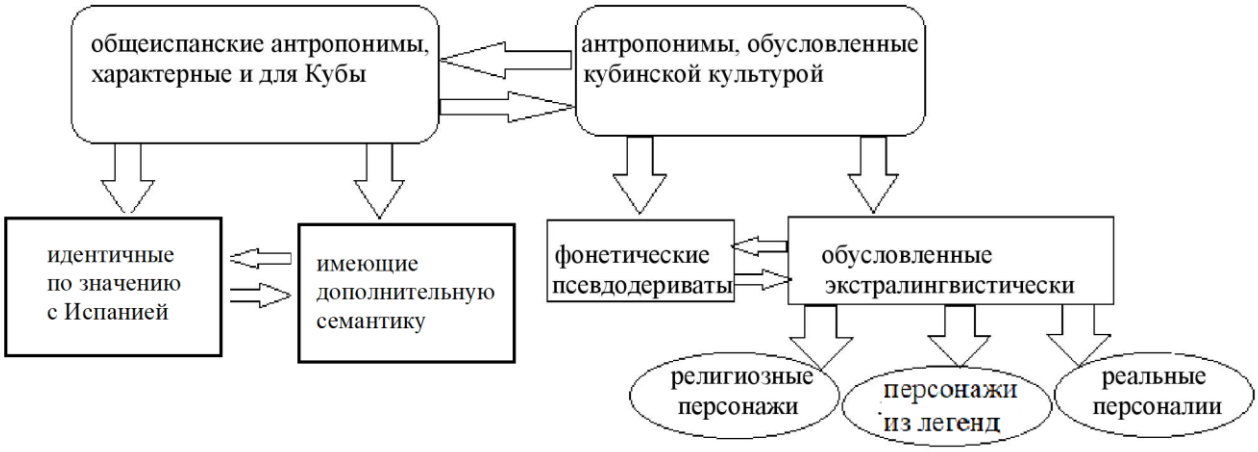
компонента с подходящим по смыслу словом. Как правило, такие обороты речи используются в шутливом контексте. Обратимся к примерам:

- *me lo regaló Robertico* (букв. ‘мне это подарил Робертико’) – о краденой вещи;
- *llamarse federic*o (букв. ‘называться Федерико’) – ‘быть некрасивым’;
- *ser más federico que un mico* (букв. ‘быть больше похожим на Федерико, чем на обезьяну’) – ‘быть очень некрасивым, страшным’;
- *mañana por la mañana te espero, Juana* (букв. ‘завтра утром я жду тебя, Хуана’, иногда к данному выражению добавляют *a tomar café* – ‘чтобы выпить кофе’) – о том, чего никогда не произойдет;
- *¡y dale Juana con su palangana!* (букв. ‘давай, Хуана, продолжай болтать’) – о человеке, который много и без толку разговаривает, чьим словам нельзя верить (ср. рус. *Мели, Емеля – твоя неделя*) и др. [Sánchez-Boudy 1999].

В данной работе была предложена лишь общая классификация антропонимов, перешедших в кубинском национальном варианте испанского языка в категорию имен нарицательных и ставших частью его фразеологического фонда. Схематично ее можно представить следующим образом:

Рис. 1

Классификация кубинских антропонимов как источника культурообусловленных ФЕ



С точки зрения изучения имен собственных как культуроразличительного признака, помимо выделенных направлений, перспективным является

исследование прагмасемантики образований на базе личных имен политиков, популярных в газетной публицистике. В пиренейском национальном варианте испанского языка к таким образованиям относятся, например, *camachismo* (от имени А. Камачо, генерального секретаря компартии Испании); *suarismo* (от имени А. Суареса, председателя правительства Испании в 1976 – 1981 гг.); *aznarismo* (от имени председателя правительства Испании в 1996 – 2004 гг. Х.М. Аснара) и др.; на Кубе – *fidelista* (1) ‘приверженец идей Ф. Кастро’; (2) ‘революционер’; *machadato* (‘связанный с диктаторским режимом Х. Мачадо-и-Моралеса, существовавшим на Кубе в 1925 – 1933 гг.’); *martiano* (‘связанный с идеями кубинского поэта-патриота Х. Марти’) и др.

Еще одной малоизученной группой антропонимов выступают имена, с которыми у кубинцев ассоциируются жители других стран: *yoni* (от англ. *Johnny*) – ‘американец’, *Pepe* и *Pedro* – ‘испанец’, ‘испанский турист’ (*entrar como Pepe / Pedro por su casa* – ‘бесцеремонно’, ‘как к себе домой’; *de a Pepe* – ‘не считаясь ни с кем’) и др. Как отмечалось в главе II, такие имена являются экспрессивными этнонимами и отражают стереотипы, исторически сложившиеся в сознании кубинцев в ходе отношений с представителями других стран и ставшие определяющими для наличия положительных или отрицательных коннотаций в семантике.

В заключение еще раз подчеркнем, что все приведенные выражения из предложенной нами классификации выступают маркерами разговорной речи. Поскольку не все из них зарегистрированы в словарях, в некоторых случаях мы можем опираться лишь на их актуализацию, найденную в кубинском дискурсе. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что такие фразеологизмы представляют собой значительный культурный пласт, который может являться темой для отдельного исследования.

Выводы по Главе 4

1. Среди ФЕ кубинского национального варианта испанского языка наибольший интерес представляют разговорные формулы как специальные языковые средства, обслуживающие высокочастотные бытовые ситуации, поскольку именно они обеспечивают эффективную коммуникацию. В то же время именно эта категория является наименее изученной и представленной в пособиях по обучению испанскому языку как иностранному. На Кубе частотны три группы разговорных формул, обладающие наиболее яркой национальной спецификой (выделяются в зависимости от значения и коммуникативной функции): логические, субъективные и дискурсивные.

2. Антропонимы и эпонимы, будучи частью системы испанского языка как полинационального, обретают уникальную идеосемантику и коннотации в разных его национальных вариантах, которая связана с экстралингвистическими факторами: с историей народа, его фольклором, традициями, культурой. В кубинской разговорной речи переход антропонимов и эпонимов в категорию имен нарицательных и их использование во ФЕ является весьма частотным.

3. В основе значительного количества кубинских ФЕ лежат прецедентные имена. К таким именам в кубинском национальном варианте испанского языка относятся:

1) общеиспанские имена нарицательные, образованные от имен святых и просто личных имен и широко используемые на Кубе;
2) имена персонажей, имеющих отношение к вербализации африканских религиозных культов, о которых жители Кубы до появления на Острове африканских рабов не имели представления;
3) имена персонажей, о которых практически невозможно с уверенностью сказать, принадлежали ли они реальным людям или являлись частью легенд, т.е. связанные непосредственно с кубинским фольклором и традициями (представляет наибольший интерес с точки зрения изучения кубинской культуры, которая актуализируется в культурообусловленных языковых единицах);

4) реальные персоналии, оставшиеся, в силу определенных причин, в коллективной памяти кубинского народа.

4. Помимо групп имен, которые подверглись деантропонимизации благодаря экстралингвистическим факторам, частью кубинских ФЕ также выступают чисто языковые образования – имена собственные, которые получили дополнительную семантику по фонетическому сходству. Подобные дериваты используются с целью замены табуированного понятия или оскорбления, а также для создания комического эффекта или в ироничном контексте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена изучению национально-культурных особенностей кубинского национального варианта испанского языка на всех языковых уровнях. Лингвистическое исследование словарей кубинского национального варианта испанского языка и современных кубинских текстов, общение с информантами и запись повседневной кубинской речи являются крайне важной и актуальной областью межвариантной диалектологии, поскольку отражают синхронное состояние данного национального варианта испанского языка на фоне пиренейской нормы с учетом социальной и культурной специфики.

Поскольку в рамках межвариантной диалектологии невозможно изучение языка без учета экстралингвистических факторов, способствующих его развитию, в ходе работы нами был проведен комплексный обзор истории становления испанского языка Кубы, представлены сведения о населении, социально-экономической ситуации, внешней и внутренней политике, культуре и идеологии и, как следствие – языковой ситуации в стране. Результаты исследования показали, что ядро кубинского национального варианта испанского языка составляет язык испанских завоевателей, включивший в себя диалекты Пиренейского полуострова и Канарских островов, а также определенный процент лексики арабского происхождения, лусизмы, галлицизмы. Социально-политические события разных исторических периодов обогатили кубинский национальный вариант испанского языка словами индейского и африканского происхождения. Благодаря социальным изменениям, после кубинской революции, лексический состав расширился при помощи заимствований из русского языка.

Каждый пласт заимствований соотносится с определенными ЛСП: среди заимствований из африканских языков это, в первую очередь, музыка, предметы быта и религиозные верования, а также жаргонная лексика (которая характерна и для гитанизмов); среди галлицизмов – одежда и кухня; среди лусизмов – лексика морской тематики; индихенизмы обогатили испанский язык Кубы, в первую очередь, лексикой со значением флоры и фауны, а также бытовых предметов.

Наряду с африканизмами, они стали основным источником эмоционально-экспрессивных клише, использующихся практически в любых повседневных коммуникативных ситуациях.

На современном этапе развития среди заимствований из европейских языков в кубинском национальном варианте испанского языка больше всего англицизмов. Английские заимствования проникают в испанский язык Кубы различными путями через взаимопроникновение культур, которое происходит в самых разнообразных областях: спорт (в первую очередь – бейсбол), автомобилестроение, Интернет, новые технологии.

С точки зрения фонетической системы, в кубинском национальном варианте испанского языка нами наблюдалось усиление черт, характерных для андалузского диалекта первых европейских колонизаторов Острова. Для речи жителей всех диалектных зон Кубы (разные исследователи выделяют от 5 до 16 диалектных зон, в зависимости от выбранного критерия) характерно наличие двух явлений – *seseo* и *yeísmo*.

В разных диалектных зонах к собственно фонетическим особенностям относится ряд характерных черт, связанных с нейтрализацией гласных в безударной позиции, выпадение интервокального *[d]* и финального *[r]*, ослабление интервокального *[j]*, аспирация согласного *[r]* перед звонкими согласными, взаимозамена *[l]* и *[r]*, замена смычного *[tʃ]* на фрикативный *[ʃ]*, назализация финального *[n]* и регрессивная ассимиляция *[s]*, вплоть до его полного исчезновения.

С точки зрения грамматики, нами были выделены следующие черты: во-первых, видоизменение формального выражения грамматических значений, обусловленное фонетическими процессами аспирации и характерное для разговорной речи выпадение фрикативного *[s]* в конце слога; во-вторых, расхождения с пиренейской нормой в употреблении личных местоимений (как и в большинстве латиноамериканских национальных вариантов испанского языка в кубинском варианте используется местоимение *ustedes* как форма второго лица множественного числа). Употребление здесь формы *vosotros* характерно для

поэтической речи; в-третьих, тенденция к использованию форм личных местоимений 3-го лица *le / les* в функции прямого дополнения для обозначения лиц в официальном контексте (вместо *lo / los, la / las*), которая присутствует и в других странах Латинской Америки.

В кубинском национальном варианте испанского языка существует значительное число существительных в апеллятивной функции, утративших изначальное лексическое значение и использующихся для привлечения внимания (*socio, asere, monina, mi cielo,* и др.).

Изучение фразеологического фонда «кубинского испанского языка» позволило классифицировать ФЕ с точки зрения из структуры, а также выявить лингвокультурологические особенности коммуникативных клише Кубы и фразеологизмов, в состав которых входят прецедентные имена. Приведенные в исследовании выражения из предложенной нами классификации выступают маркерами разговорной речи, в связи с чем не все из них зарегистрированы в словарях. Зачастую мы можем опираться лишь на их актуализацию, обнаруженную в кубинском дискурсе, и верифицировать их значение с помощью информантов – носителей кубинского национального варианта испанского языка. Кубинские фразеологизмы представляют собой значительный культурный пласт, который может быть темой для дальнейших исследований.

Таким образом, национально-культурная специфика употребления ЯЕ, которая присуща кубинскому национальному варианту испанского языка, проявляется на всех языковых уровнях. Успешное изучение подобных черт любого национального варианта испанского языка возможно только в рамках межвариантной диалектологии, предусматривающей рассмотрение языковых явлений через призму экстралингвистических (историко-политических, социально-экономических и культурно-идеологических) факторов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александренков Э.Г. Индейцы Антильских островов до европейского завоевания. – М.: Наука, 1976. – 232 с.
2. Алуарт де ля Крус М.Ф. Лингвокультурная специфика предметной лексики кубинского варианта испанского языка на фоне кастильского: дис. … канд. филол. наук. – Волгоград, 2012. – 262 с.
3. Амехина Н.Е. Андалузский и леонский диалекты в пиренейском национальном варианте испанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 18 с.
4. Антонюк Е.В. Испанский язык на территории США: штат Флорида: дис. … канд. филол. наук. – М., 2007. – 150 с.
5. Археология Кубы. Сборник статей. – Новосибирск: Наука, 1986. – 174 с.
6. Ахренов А.В. Испанский язык Венесуэлы: языковая картина мира //Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика, 2009. – № 3. – С. 56 – 62.
7. Баранникова Л.И. М Основные сведения о языке: пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1982. – 112 с.
8. Бланко Гонсалес Т. Структура и семантика преинхоативных перифраз с инфинитивом в испанском языке (на материале национального варианта испанского языка Кубы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1983. – 19с.
9. Вершинина Е.Г. Влияние субстратных и адстратных факторов на формирование лексики национальных вариантов испанского языка Кубы, Пуэрто-Рико и Доминиканской Республики: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 194 с.
10. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Высшая школа, 1963. – С. 20 – 171.
11. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. – М.: Наука, 1977. – 304 с.
12. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. – М.: ИОСО РАО, 2001. – 254 с.
13. Виноградов В.С. Лексикология испанского языка. – М.: Высшая школа, 2003. – 244 с.
14. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
15. Гак В.Г. Введение во французскую филологию. – М.: Просвещение, 1986. – 286 с.
16. Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка: практическое пособие. – М.: Просвещение, 1978. – 239 с.

17. Грегори Торада Н. Нормы кубинского национального варианта испанского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983. – 146 с.

18. Дворецкая Е.В. Андалусские диалектизмы и регионализмы в художественной литературе Испании XX века: автореф. дис. …канд. филол. наук. – М., 2005. – 16 с.

19. Денисова А.П. Современный испанский жаргон: учебно-методическое пособие по разговорной практике. – М.: РУДН, 2007. – 104 с.

20. Домашнев А.И. Концепция национального варианта языка в трудах академика Г.В. Степанова. – Res Philologica. Филологические исследования: памяти академика Георгия Владимировича Степанова. – М.: Наука, 1990. – С. 4 – 17.

21. Еркова Д.Н. Грамматические особенности испанских цветообозначений // III Селищевские чтения. – Елец, 2011. – С. 233 – 237.

22. Жирмунский В.М. О некоторых проблемах лингвистической географии //Вопросы языкознания. – М., 1954. – № 4. – С. 17 – 25.

23. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. – 636 с.

24. Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. – М.: Наука, 1976. – 695 с.

25. Журавлева Е.В. Испанский газетный текст как источник национально-культурной информации (на материале пиренейского и колумбийского национальных вариантов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 21 с.

26. Зененко Н.В. Лексико-грамматическая специфика газетно-публицистического стиля речи: на материале прессы пиренейского варианта испанского языка: дис. … канд. филол. наук. – М., 2004. – 167 с.

27. Исенко Л.А. Национально-культурная специфика функционирования временных форм индикатива в телевизионных рекламных текстах: на материале пиренейского и уругвайского национальных вариантов испанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 20 с.

28. Карденас М.Г. Тенденции развития лексики в кубинском национальном варианте испанского языка: дис. … канд. филол. наук. – М., 1983. – 305 с.

29. Карнеадо М.С. Номинативные и комуникативно-функциональные свойства фразеологизмов-идиом в кубинском варианте испанского языка: дис. … канд. филол. наук – М., 1984. – 201 с.

30. Карпина Е.В. Современная языковая ситуация в Мексике как отражение дифференциации испанского языка //Вестник ИГЛУ. – Иркутск: ИГЛУ, 2014. – № 2 (27). – С. 219 – 225.

31. Карпина Е.В. К вопросу о межкультурном профессиональном дискурсе (на примере испанского языка) // Современный испанский язык в

глобализированном мире: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. – М.: Изд-во РУДН, 2015. – С. 110 – 114.

32. Карпина Е.В. К вопросу о вариативности испанского языка на территории мексиканского полуострова Юкатан // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2016. – Т. 1. – № 11. – С. 19 – 29.

33. Кастро Родригес А. Сопоставление артикуляторной динамики слогов испанской речи Кубы и русской речи: (экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Киев, 1981. – 23 с.

34. Кесадов Д. Кухня бывших испанских колоний, часть 4: Кухня Кубы и культ сладкого // Estate Spain, 07.10.2019. – URL: https://estate-spain.com/blog/kuhnia-kuby

35. Корнаков П.К. Соотношение фонологических систем и норм реализаций: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1991. – 16 с.

36. Котеняткина И.Б. Категория рода при номинации лиц по профессии, виду деятельности и занимаемой должности: на материале пиренейского и гватемальского национальных вариантов испанского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 194 с.

37. Курлански М. Гавана: столица парадоксов. – М.: Азбука-Аттикус, КоЛибри, 2018. – 230 с.

38. Курчаткина Н.Н., Ново-Гонсалес П. Практикум по лексикологии испанского языка. – М.: Высшая школа, 1987. – 159 с.

39. Мамсурова Е.Н. Исследование диалектного членения каталанского лингвистического ареала методами лингвогеографии и статистики (французский департамент Восточные Пиренеи). – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 25 с.

40. Мамсурова Е.Н. О методе статистических изоглосс // Лингвистическая география и проблемы истории языка. – Нальчик, 1981. – Т. 1. – С. 144 – 150.

41. Мамсурова Е.Н. Некоторые проблемы диалектов «малых» романских языков. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 60 – 65.

42. Мамсурова Е.Н. О так называемых «малых» языках романской группы // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 116 – 125.

43. Мамсурова Е.Н. Проблемы «малых» языков Иберо-Романии // Ибероромaнистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи. – М.: Изд-во МАКС Пресс, 2003. – С. 40 – 42.

44. Мамсурова Е.Н. К проблеме лексических заимствований // Голоса молодых ученых: Сборник научных публикаций иностранных и российских аспирантов и докторантов-филологов. – М.: Изд-во МАКС Пресс, 2007. – Т. 20. – С. 146 – 149.

45. Мамсурова Е.Н. Некоторые проблемы северо-западных диалектов Испании // Романские языки и культуры: от античности до современности: V Международная научная конференция романистов. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 166 – 176.

46. Матвеева В. Особенности национального менталитета, или Портрет кубинца во весь рост // Cubamepapi, 07.04.2014. – URL: https://cubamepapi.wordpress.com/2014/04/07/особенности-национального-менталитете/

47. Мед Н.Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии: на материале испанской разговорной речи. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. – 233 с.

48. Мед Н.Г. Возможности фразеологического моделирования (на материале испанского языка) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика, 2007. – № 4 – 2. – С. 140 – 143.

49. Мед Н.Г. Оценочная фразеологическая моделируемость в типологическом плане (на материале испанского языка) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2008. – № 78. – С. 131 – 136.

50. Мед Н.Г. Лингвокультурологический потенциал испанских фразеологизмов // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства, 2018. – № 1. – С. 79 – 83.

51. Михеева Н.Ф. Местоименные формы обращения в аргентинском и кубинском национальных вариантах испанского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Мн., 1989. – 186 с.

52. Михеева Н.Ф. Особенности функционирования испанского языка на территории США в аспекте межкультурной коммуникации // Изучение латиноамериканистики в Российском университете дружбы народов: доклады и выступления ученых РУДН на X Всемирном конгрессе латиноамериканистов, 26 – 29 июня 2001 г. – М.: РУДН, 2002а. – С. 326 – 333.

53. Михеева Н.Ф. К вопросу о функционировании испанской лексики на юго-западе США // Сборник материалов конференции, посвященной 100-летию Д.Е. Михальчи: доклады, выступления и статьи ученых России и Молдовы. – М.: РУДН, 2002б. – С. 207 – 216.

54. Михеева Н.Ф. Факторы, влияющие на особенности реализации ЯЕ на территории юго-западных штатов Америки // Текст: восприятие, информация, интерпретация: сборник докладов I Международной научной конференции Российского нового университета. – М.: РосНОУ, 2002в. – С. 62 – 73.

55. Михеева Н.Ф. Об особенностях употребления испанской лексики на юго-западе США // Межкультурная коммуникация и перевод: материалы межвузовской конференции. – М.: МОСУ, 2002г. – С. 94 – 98.

56. Михеева Н.Ф. Испанский язык на территории юго-западных штатов Америки: дис. … д-ра филол. наук. – М., 2003. – 359 с.

57. Михеева Н.Ф. Межвариантная диалектология испанского языка. – М.: РУДН, 2007. – 117 с.

58. Михеева Н.Ф. Испанский язык и межкультурная коммуникация. – М.: URSS, 2009. – 271 с.

59. Михеева Н.Ф. Перспективы развития языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – М: МГЛУ, 2015. – С. 135 – 140.

60. Михеева Н.Ф. Пересекая границы: диалекты испанского языка на территории юго-западных штатов США // Язык в глобальном контексте: Латинская Америка сегодня как культурно-языковой феномен. – М.: РУДН, 2016. – Т. 1. – № 1. – С. 53 – 67.

61. Михеева Н.Ф. Из истории обучения переводу в России // Centro de Lenguas y Culturas Ruso-Españolas. – М., 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 42 – 45.

62. Михеева Н.Ф. Испанский язык и межкультурная коммуникация: монография. – М.: Изд-во URSS, 2018. – 272 с.

63. Моисеенко Л.В. Атрибутивные словосочетания полной и неполной структуры в современном испанском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. – СПб., 1992. – 16 с.

64. Моисеенко Л.В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности.: автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 2015. – 54 с.

65. Моисеенко Л.В. Отход от неконвенциального восприятия знака в современном испанском языке // Современный испанский язык в глобализированном мире: материалы докладов и сообщений международной научно-практической конференции. – М.: Изд-во РУДН, 2015. – С. 27 – 29.

66. Моисеенко Л.В. Языковая норма и вариативность при обучении испанскому языку в России // Романистика в эпоху полилингвизма: материалы международной научно-практической конференции. – М.: Изд-во МГЛУ, 2017. – С. 360 – 365.

67. Моисеенко Л.В., Михеева Н.Ф. Прецедентные феномены современных русских и испанских массмедиа как когнитивные структуры языковой личности // Mundo Eslavo, 2020. – № 19. – С. 7 – 24.

68. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977. – 284 с.

69. Нарумов Б.П. Формирование романских литературных языков. Современный галисийский язык. – М.: URSS, 2007. – 320 с.

70. Новиков Л.А. Современный русский язык. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. – СПб.: Лань, 2001. – 3-е изд. – 320с.

71. Оболенская Ю.Л. Испанский язык во взаимодействии с иноязычными культурами: на материале переводов произведений рус. писателей XIX в. в Испании и Лат. Америке: дис. … д-ра филол. наук. – М., 1997. – 438 с.

72. Оболенская Ю.Л. Диалог культур и диалектика перевода. Судьбы произведений русских писателей XIX века в Испании и Латинской Америке. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 312 с.

73. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: учеб. пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 1974. – 352 с.

74. Папченко А.Ю. Социолингвистические аспекты изучения андалузского диалекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 25 с.

75. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: эстетические и этические оценки: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1997. – 39 с.

76. Плеухова Е.А., Куликовская А.Н. Испанский язык Доминиканской Республики – от истоков к современному состоянию // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 5(71). – Ч. 1. – С. 135 – 140.

77. Плутицкая И.В. Социо- и прагмалингвистический анализ единиц испанского речевого этикета (на примере тематической группы речевого этикета «Приглашение»): автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1993. – 24 с.

78. Рабдано Л.Ц. Морфологическая членимость и фонетические характеристики звуков речи: экспериментальное фонетическое исследование на материале кубинского варианта испанского языка: дис. … канд. филол. наук. – Л., 1984. – 279 с.

79. Риверенд Х. Экономическая история Кубы. – М.: Наука, 1967. – 202 с.

80. Рогулина Е.Э. Национально-культурная семантика цвета в испанской фразеологии: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 182 с.

81. Родченко А.В. Средства эвфемии в современном испанском языке (на материале кубинского национального варианта): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 20 с.

82. Сапрыкина О.А. Язык средневековой португальской литературы: автореф. дис. … д-ра. филол. наук. – М., 1999. – 44 с.

83. Сапрыкина О.А. Лексикология португальского языка: учебное пособие. – М.: URSS, 2020. – Изд. 2, перераб. и доп. – 188 с.

84. Сиим А.Ю. Афро-бразильская культура: единство духовного и материального, синтез религии, науки и искусства (по материалам экспедиции в Бразилию и стажировки в этнографических музеях Франции) // Материалы полевых исследований. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2009. – Вып. 9. – С. 174 – 193.

85. Синицына А.М. Испанский язык на территории колумбийского департамента Киндио: дис. … канд. филол. наук. – М., 2019. – 177 с.

86. Синявский А.В. Лексические особенности испанского языка Чили: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979. – 185 с.

87. Смирнова И.В. Испанский язык на территории мексиканского штата Табаско: дис. … канд. филол. наук. – М., 2006. – 123 с.

88. Соловьева Е.В. Лингвокультурологический анализ современных испанских фамилий (на материале пиренейского национального варианта испанского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1998. – 18 с.

89. Сон Л.П. Вариативность испанского языка: классификация форм существования // Филологические науки в МГИМО: Сборник науч. трудов. – № 36 (51). – М.: МГИМО (У) МИД России, 2009. – С. 49 – 62.

90. Степанов Г.В. Проблема изучения испанского языка Латинской Америки // Вопросы языкознания, 1957. – № 4. – С. 9 – 15.

91. Степанов Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1966. – 202 с.

92. Степанов Г.В. Социально-географическая дифференциация испанского языка Америки на уровне национальных вариантов // Вопросы социальной лингвистики. – Л., 1969. – С. 284 – 308 с.

93. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – М.: Наука, 1976. – 224 с.

94. Степанов Г.В. Социально-функциональная дифференциации литературного языка Испании и Латинской Америки // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. – М.: Наука, 1977. – С. 27 – 40.

95. Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования: испанский язык Испании и Америки. – М.: Наука, 1979. – 327 с.

96. Фирсова Н.М. Некоторые проблемы типологии языковой вариативности испанского языка // Иностранные языки в аспекте лингвопрагматики. – М.: РУДН, 1991. – С. 11 – 17.

97. Фирсова Н.М. Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке. – М.: Изд-во РУДН, 2000. – 128 с.

98. Фирсова Н.М. Вариативность испанского языка в испаноязычных государствах Латинской Америки // Степановские чтения: проблемы вариативности в романских и германских языках. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – С. 19 – 22.

99. Фирсова Н.М. Испанский язык в испаноязычных государствах Латинской Америки: Колумбия, Эквадор, Пуэрто-Рико. – М.: Муравей, 2002. – 168 с.

100. Фирсова Н.М. Испанский язык в аспекте межвариантной национально-культурной специфики: учеб. пособие. – М.: РУДН, 2003. – 132 с.

101. Фирсова Н.М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки: учебное пособие. – М.: АСТ, 2007. – 352 с.

102. Фирсова Н.М. Испанский язык и культура в испаноязычных странах. – М.: URSS, 2012. – 178 с.

103. Чеснокова О.С. Мир испанского языка: Мексика. Учебно-методическое пособие. – М.: Изд-во РУДН, 1999. – 55 с.

104. Чеснокова О.С. Испанский язык в странах Латинской Америки. Мексика: учебное пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 99 с.

105. Чеснокова О.С. Отражение языковой картины мира в развитии лексической системы мексиканского национального варианта испанского языка: дис. … д-ра филол. наук. – М., 2006. – 358 с.

106. Чеснокова О.С. Колумбия в мире испанского языка: монография. – М.: РУДН, 2011. – 118 с.

107. Чеснокова О.С. Этнические и региональные реалии Колумбии //Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – М.: Изд-во МГОУ, 2013. – № 4. – С. 77 – 84.

108. Чичина М.О. Сопоставительный анализ антропонимов-обращений в русском и испанском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 37с.

109. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. – М.: Наука, 1971. – 176 с.

110. Широкова А.В. От латыни к романским языкам: учебное пособие по истории романских языков. – М.: Изд-во РУДН, 1995. – 284 с.

111. Широкова А.В. Диалектное членение обще-романского праязыка //Вопросы романского и общего языкознания. – СПб: Изд-во РГПУ имени А.И. Герцена, 2002. – С. 50 – 57.

112. Шишмарев В.Ф. Очерки по истории языков Испании. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. – 337 с.

113. Яковлева В.В. Национально-культурный компонент фразеологической единицы в компаративных конструкциях с союзом COMO (на материале пиренейского национального варианта испанского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 18 с.

114. Яковлева В.В. Лексикология испанского языка: учеб. пособие для вузов. – СПб: Каро, 2007. – 240 с.

115. Яковлева С.А. Динамика лексических значений полисемичных науатлизмов в культурной речи г. Мехико (XX век): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 399 с.

116. Яковлева С.А. Лингвистическая историография и геолингвистика испанского языка: монография. – М.: Тезаурус, 2013. – 204 с.

117. Яковлева С.А. Испанский язык как полинациональный: геолингвистический и лексико-семантический анализ языка Испаноамерики (на примере мексиканизмов): дис. … д-ра филол. наук. – М., 2015. – 386 с.

118. Almendros N. Estudio fonético del español de Cuba // Boletín de la Academia cubana de la lengua. – La Habana: Academia cubana de la lengua, 1958. – T. VII. – Pp. 138 – 176.

119. Alvar M. Español de dos mundos. – Madrid: Ediciones Temas de hoy, 2002. – 254 p.

120. Andrés Toledo G., Conicet L. Una muestra del español de Cuba. – Québec: Université Laval, 2004. – 123 p.

121. Aznárez M. La fraseología metalingüística con verbos de lengua en español actual. – Navarra: Universidad de Navarra, 2004. – 184 p.

122. Belén Alvarado Ortega M. Las fórmulas rutinarias como unidades fraseológicas. – ELUA 21. – 2007. – Pp. 1 – 13. – URL: http://rua.ua.es/dspace/bitstream/10045/ 9929/1/ ELUA_21_01.pdf

123. Belén Alvarado Ortega M. Las fórmulas rutinarias en el español actual. – Alicante: Universidad de Alicante, 2008. – 178 p.

124. Bernal C. Palabras que van y vienen. – URL: https://desde-cuba.blogspot.ru/2011/09/palabras-que-van-y-vienen_20.html

125. Camacho Barreiro A.M. Muestra del vocabulario de la alimentación en Cuba: Observaciones lingüísticas // Anuario LL (La Habana), 1992. – No 23. – Pp. 12 – 41.

126. Camacho Barreiro A.M. Aproximación al léxico deportivo // Anuario LL (La Habana), 1998 – 1999. – No 29 – 30. – Pp. 96 – 103.

127. Campos Iglesias A. Flora y fauna en algunos escritos martianos // Anuario LL (La Habana), 1995. – No 26. – Pp. 57 – 70.

128. Carreras Gómez S. Empleo del como modal y comparativo en las fiestas campesinas de la región central de Cuba // Islas, 1990. – No 95. – Pp. 53 – 71.

129. Casares J. Introducción a la lexicología moderna. – Madrid: Gredos, 1950. – 354 p.

130. Castellanos J., Castellanos I.M. The geographic, ethnologic and linguistic roots of Cuban Blacks // Cuban Studies, 1992. – No 17. – Pp. 350 – 375.

131. Choy *López* L.R. El fonema /s/ en el español de Cuba // Anuario L/L 15. – La Habana, 1984. – Pp. 141 – 148.

132. Choy *López* L.R. El consonantismo actual en Cuba // Anuario L/L 16. – La Habana, 1985. – Pp. 219 – 233.

133. Choy *López* L.R. Zonas dialectales en Cuba // Anuario L/L 20. – La Habana, 1989. – Pp. 83 – 100.

134. Choy *López* L.R. El español de Cuba a través de la historia, la geografía y la sociedad // Revista Literaria Baquiana, № 3 – 4. – Miami, 2000. – URL: http://www.baquiana.com/

135. Corpas Pastor G. Manual de fraseología española. – Madrid: Gredos, 1996. – 246 p.

136. Coseriu E. Principios de la semántica estructural. – Madrid: Gredos, 1977. – 282 p.

137. Costa Sánchez M. La geminación de las consonantes en el español de Cuba //Islas, 1984. – No 77. – Pp. 97 – 110.

138. Costa Sánchez M. Características de los fonemas consonánticos del español de la región central de Cuba (estudio de fonética experimental) // Islas, 1987. – № 84. – Pp. 170 – 173.

139. Faxas R. Rusismos en el español de Cuba. Un estudio sociolingüístico. Estudios de Lingüística Aplicada. – México: UNAM, 2011. – 239 p.

140. Fernández J.J. Anglicismos en el centro de interés «la ropa» del léxico disponible de la provincia de Córdoba // Philológica Canariensia. – Universidad de Las Palmas de Gran Canaria, 2008. – Pp. 15 – 38.

141. Figueroa Arencibia J.V., Soto L.D. Características lingüísticas del vocabulario técnico de la minería a cielo abierto en Moa // Boletín de Novedades CREDI – OEI, 1999. – No 30. – URL: http://www.oei.es/n3000.htm

142. Figueroa Esteva M. La dimensión lingüística del hombre. – La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1983. – 261 p.

143. Figueroa F. Notas sobre afronegrismos en documentos americanos del Caribe en los siglos XVI y XVII. – La Habana, 1989. – 507 p.

144. Garcés Pérez M. La discordancia gramatical: otra peculiaridad del español hablado de hoy // Islas, 1998. – No 116. – Pp. 59 – 73.

145. García González J. Estudio léxico político-social de la revolución cubana //Anuario (número especial dedicado al español en Cuba). – La Habana: Universidad de La Habana, 1989. – Pp. 209 – 231.

146. García González J. El contacto de dos lenguas: los arabismos en el español medieval y en la obra alfonsí // Cahiers de linguistique hispanique médiévale. – Vol. 18. – París, 1993. – Pp. 335 – 365.

147. García Riverón R. La entonación en el Átlas lingüístico de Cuba // Español actual, 1991. – No 55. – Pp. 103 – 112.

148. Gracián T. Enciclopedia gramatical del idioma castellano. – Buenos Aires: Claridad, 1946. – 279 p.

149. Gregori Torada N. Fundamento para el establecimiento de una política lingüística en Cuba // Anuario (número especial dedicado al español en Cuba). – La Habana: Universidad de La Habana, 1989. – Pp. 245 – 267.

150. Gregori Torada N. Conciencia política lingüística en Cuba durante la intervención norteamericana // Anuario LL (La Habana), 1991. – No 21. – Pp. 129 – 134.

151. Gregori Torada N. Proposición de una política lingüística nacional //Anuario LL (La Habana), 1992. – No 23. – Pp. 87 – 111.

152. Gregori Torada N. Linguistic Policies in the Spanish World: Cuban Linguistic Policy // Languages across Borders. – East Rockaway, NY: Cummings y Hathaway, 2001. – Pp. 7 – 14.

153. Guanche P.J. España en la savia de Cuba: los componentes hispánicos en el etnos cubano. – La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1999. – 305 p.

154. Guitar L. Criollos: The Birth of a Dynamic New Indo- Afro- European People and Culture on Hispaniola // KACIKE: The Journal of Caribbean Amerindian History and Anthropology, 2000. – 1 (1). – Pp. 1 – 17 https://web.archive.org/web/20081202053219/http://www.kacike.org/LynneGuitar.html

155. Hartmann Matos A.S. Baracoa Ciudad Primada de Cuba. – Santiago de Cuba: Ediciones Catedral, 1999. – 202 p.

156. Henríquez Ureña P. Estudios lingüísticos y filológicos. Obras completas. – Secretaría de Estado de Cultura, 2003. – 272 p.

157. Isbasesku C. El español en Cuba. Observaciones fonéticas y fonológicas. – Bucarest, 1968. – 134 p.

158. Lipski J.M. El español de América. – Madrid: Ediciones Cátedra, 2002. – 2nd ed. – 447 p.

159. Lobato J. La lengua española hoy // Revista de filología románica, 1997. – No 14. – Vol. I. – Madrid: Servicio de Publicaciones. Universidad Complutense. – Pp. 583 – 596.

160. Lope Blanch J.M. Ensayos sobre el español de América. – México: UNAM, 1993. – 290 p.

161. Lope Blanch J.M. Estudios de historia lingüística hispánica. – Madrid: Arco/Libros, 1997. – 225 p.

162. López Morales H. Estudios sobre el español de Cuba. Long Island City, NY: Las Américas, 1971. – 188 p.

163. Mestre Valera G. Uso correlativo del nexivo que con otros elementos de enlace en el español actual de la península y de Cuba // Islas, 1984. – No 77. – Pp. 77 – 96.

164. Mestre Valera G. Usos de algunos adverbios en la región central del país //Islas, 1998. – No 116. – Pp. 46 – 58.

165. Mestre Varela G., Rodríguez Alemán F. La sintaxis del habla popular y su expresión en la literatura improvisada // Islas, 1990. – No 95. – Pp. 85 – 106.

166. Montes Giraldo J.J. El español de Colombia. Propuesta de clasificación dialectal // Boletín del Instituto Caro y Cuervo. – Bogotá, 1982. – T. XXXVII. – Pp. 23 – 92.

167. Moreno de Alba J.G. El español americano. – Madrid: Fundación Juan March, 1995. – 399 p.

168. Moure R.D., Rivero de la Calle M. Arqueología aborigen de Cuba. – La Habana, 1986. – 174 p.

169. Noguerol M.M. ¡No me digas!: las fórmulas rutinarias, un elemento para el desarrollo de la competencia intercultural // Actas del IV Taller «ELE e interculturalidad» del Instituto Cervantes de Orán, 2013. – Mardid: ELE. – Pp. 60 – 75.

170. Núñez L.M. Santería Stories. – NY: Spring Publications, 2006. – 224 p.

171. Ortiz López L. La variante hispánica haitianizada en Cuba: otro rostro del contacto lingüístico en el Caribe. – La Habana, 1999. – 354 p.

172. Rubio Sáez J. Presencia del inglés en la lengua española. – Valencia: Ezcurra, 1977. – 174 p.

173. Laurencio Tacoronte A. Variación lingüística en el español de Cuba. – Praha: Univerzita Karlova v Praze, 2012. – 206 p.

174. Tristá Pérez A.M. Breve ojeada en la lexicología en Cuba // Anuario LL (La Habana), 1989. – No 20. – Pp. 133 – 140.

175. Tristá Pérez A.M. El nuevo diccionario de cubanismo: Un diccionario contrastivo // Anuario LL (La Habana), 1998 – 1999. – No 29 – 30. – Pp. 118 – 121.

176. Ruíz Curillo L. Las locuciones en español actual. – Madrid: Arco Libros, 2001. – 152 p.

177. Valdés Bemal S. Inquietudes lingüísticas cubanas sobre el español hablado en Cuba en el siglo XVIII // Anuario LL (La Habana), 1978. – No 9. – Pp. 121 – 142.

178. Valdés Bernal S. Inmigración y lengua nacional. – La Habana: Editorial Academia, 1994. – 220 p.

179. Zuluaga A. Introducción al estudio de las expresiones fijas. – Tuebingen: Max Hueber Verlag, 1980. – 186 p.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

180. Большой испанско-русский словарь / под. ред. Е.С. Ершовой. – М.: Славянский дом книги, 2010. – 624 с.

181. Испанско-русский словарь. Латинская Америка / под. ред. Н.М. Фирсовой. – М.: Русский язык – Медиа, Дрофа, 2017. – 609 с.

182. Испанско-русский словарь современного употребления (более 100000 слов и словосочетаний) / под ред. А.В. Садикова, Б.П. Нарумова. – М.: Русский язык – Медиа, Дрофа, 2007. – 832 с.

183. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.

184. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов / под ред. Ю.А. Рылова. – Воронеж: ВГУ, 2010. – 389 с.

185. Фирсова Н.М. Михеева Н.Ф. Испано-русский и русско-испанский словарь для всех. – М: Изд-во РУДН, 2006. – 711 с.

186. Casares J. Diccionario ideológico de la lengua española. – Barcelona: Editorial Gustavo Gili, 2007. – 891 p.

187. Corpus de la lengua española. – URL: www.corpusdelespanol.org

188. Diccionario de americanismos. Real Academia Española. – URL: https://lema.rae.es/damer/

189. Diccionario popular cubano. – Miami: Agualarga Editores, 1997. – 403 p.

190. Diccionario cubano de habla popular y vulgar. – Madrid: Agualarga Editores, 1998. – 334 p.

191. Diccionario de cubanismos. – La Habana, 1961. – 366 p.

192. Diccionario de cubanismos. – Barcelona: Imp. M. Pareja, 1972. – 372 p.

193. Diccionario del español de Cuba. – Madrid: Gredos, 2000. – 605 p.

194. Diccionario de la Real Academia Española. – URL: www.rae.es

195. Dubsky J. Observaciones sobre el léxico santiaguero. – Prague: Univerzita Karlova, 1977. – 145 p.

196. Léxico del habla culta de La Habana. – La Habana: Ed. Univ. de La Habana, 2010. – 391 p.

197. Léxico mayor de Cuba. – La Habana: Editorial Lex, 1958 – 1959. – 486 p.

198. Oriente Folklórico. – Santiago de Cuba, 1930. – 387p.

199. Ortiz F. Glosario de afronegrismos. – La Habana: El Siglo XX, 1924. – 558p.

200. Pichardo Tapia E. Diccionario provincial casi razonado de voces y frases cubanas. – La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1976. – 520 p.

201. Sánchez-Boudy J. Diccionario mayor de cubanismos. – Miami: Universal, 1999. – 698 p.

202. Vocabulario espirituano, refranes, frases proverbiales, dichos y dicharachos usados en Sancti-Spíritus. Contribución al folklore. – Madrid: Cultural, 1928. – T. 7. – 599 p.